

Михаил Шевляков

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КАТАСТРОФЫ

≡ 1929—1942 ≡

WORLD'S HIGHEST STANDARD OF LIVING

5

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Михаил Шевляков

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КАТАСТРОФЫ

≡ 1929–1942 ≡

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2016

УДК 338.124.4
ББК 65
Ш 37

Оформление переплета М. Левыкина.

Шевляков М.
Ш 37 Великая депрессия: закономерность катастрофы. – М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. – С. 240, ил.

ISBN 978-5-9907593-2-9

Более восьмидесяти лет прошло с того времени, когда паникой на нью-йоркской бирже мир начал отсчет эпохи Великой Депрессии. Эпоха процветания – «ревушие двадцатые» – исчезла как сон, и на долгие годы успех и счастье сменились отчаянием и страхом. Эпоха Депрессии описана многими, экономисты сломали немало копий, анализируя зарождение и развитие экономической катастрофы. До сих пор наш мир несет на себе следы той эпохи, до сих пор люди пользуются идеями и определениями того времени – но до сих пор многие уроки тех лет остаются невыученными.

В своей работе автор рассматривает различные точки зрения на события Великой депрессии, анализирует ее причины и предпосылки, сравнивает ход экономического кризиса в различных странах, рассматривает последствия этого затяжного кризиса и обращает внимание читателя на основные уроки тех лет, имеющие значимость и в наше время.

УДК 338.124.4
ББК 65

© Шевляков М., наследники, 2016
© Издательство «Пятый Рим»™, 2016
© ООО «Бестселлер», 2016

ISBN 978-5-9907593-2-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	7
<i>Глава первая. Лихорадка в Нью-Йорке</i>	10
<i>Глава вторая. Слепые пророки и хлеб как уголь</i>	24
<i>Глава третья. Гувер и Рузвельт</i>	38
<i>Глава четвертая. Новый, новый, новый курс</i>	55
<i>Глава пятая. Лонг, Кофлин, Таунсенд</i>	70
<i>Глава шестая. Под крышкой кипящего котла</i>	87
<i>Глава седьмая. Старый Свет - старые дразги, старые проблемы</i>	101
<i>Глава восьмая. Полет бумеранга</i>	117
<i>Глава девятая. Черный обелиск Германии</i>	131
<i>Глава десятая. Азия: рис, труд, деньги</i>	146
<i>Глава одиннадцатая. Время тьмы, время гнева</i>	162
<i>Глава двенадцатая. Даймократия</i>	178
<i>Глава тринадцатая. Глубже, чем дно</i>	193
<i>Глава четырнадцатая. Пушки вместе с маслом</i>	209
<i>Глава пятнадцатая. Зачарованное наследство</i>	223
<i>Эпилог</i>	237

ПРОЛОГ

Об экономике сказано много слов, написано немало статей и книг. Рядами они теснятся на полках библиотек, храня на своих страницах секреты экономического процветания и универсальные рецепты достижения успеха. Казалось бы - следует всего лишь тщательно исполнять предложенные в этих книгах алгоритмы - и счастье и благоденствие не за горами. Однако же ни для кого не является секретом то, что даже самое тщательное исполнение указаний маститых авторов не страхует от неудач, а периоды экономического процветания сменяются жесточайшими экономическими кризисами.

Что же является причиной? Что именно дает сбой и приводит к разнице между теориями и реальностью? Где скрыта та небольшая, но важная деталь, которая препятствует работе отлаженного механизма?

Уже давным-давно во многих областях наука оперирует таким понятием, как «человеческий фактор», изучая возможные критичные действия оператора некоего механизма или пользователя некоего устройства. Но если в инженерных науках учесть воздействие человеческого фактора еще представляется возможным, то в экономике, где счет продавцов и покупателей идет на миллионы, предположения об их совокупном влиянии на работу экономического механизма являются весьма расплывчатыми. Миллионы людей, движимые своими интересами, тянущие всяк на себя одеяло экономического благополучия, действуют, казалось бы, по гарантирующим успех методам и схемам - но суммарный результат их *совместных* действий может оказаться прямо противоположным ожидаемому. И если даже результаты действий мелкой рыбешки, плещущейся в экономических волнах, могут при самых благих побуждениях иметь самые печальные последствия, то что уж говорить об экономических акулах? Когда целью является не просто личное экономическое благопо-

лучие, но благополучие за счет конкурентов, когда начинается игра не «за», а «против» – вероятность того, что влияние человеческого фактора, результат действия конкретных людей окажется в целом негативным, только возрастает. А ведь речь не только о конкурентной борьбе и битвах за рынок. Большая экономика неотделима от политики, а политика – от экономики. Те или иные решения, принимаемые из сугубо политических соображений, максимально выгодные политически – могут оказаться при этом экономически провальными и привести к самым печальным последствиям для миллионов людей.

Пожалуй, наиболее известным из случаев, когда детали большого экономического механизма пошли работать в разлад, когда миллионы внезапно оказались в пропасти экономического бедствия, одним из первых случаев, когда экономические проблемы проявились в глобальном масштабе, является Великая депрессия, начавшаяся в 1929-м и затянувшаяся на долгие годы. Во время Великой депрессии воздействие человеческого фактора проявилось наиболее ярко и полно – и в последствиях совокупных действий множества мелких участников рынка, и в действиях руководств больших фирм и корпораций, и, что еще более важно, в действиях политиков, использовавших экономические рычаги для решения совсем не экономических задач.

За десятилетия, прошедшие с тех пор, экономические кризисы неоднократно сотрясали мир. Отчасти это было связано с тем, что многие уроки Великой депрессии не были выучены нерадивыми экономическими учениками, вновь понадеявшимися на бесконечное благоденствие. Отчасти это было связано с тем, что не все выводы, сделанные из этих уроков, были верны. Важную роль играет и то, что шестеренками экономического механизма все так же остаются миллионы людей со своими разнонаправленными интересами, живых людей, а не бездушных автоматов – и поэтому некоторые ошибки и погрешности принципиально неустранимы. Все экономические кризисы имеют черты подобия между собой. Все экономические кризисы разнятся в мелочах. Никто: ни один экономист, ни один историк экономики – никогда не сможет сказать: вот, ровно через три дня, или в точности завтра поутру, начнется кризис, такой же, какой был в 19... году. Сколько бы мы ни оглядывались на прошлое – мы

не сможем предсказать будущее с точностью до дня, часа, минуты. И тем не менее всматриваться в прошлое необходимо - всматриваться внимательно, сбросив пропагандистские шоры и розовые очки, - чтобы если не предсказать будущее, то хотя бы постараться избежать наиболее болезненных ударов. Постараться не наступать вновь на те же самые грабли, на которые человечество наступило в далеких 1930-х годах.

Внимательное изучение и понимание прошлого не гарантирует идеального будущего, не спасает от всех ошибок - но, по крайней мере, у нас появляется надежда избежать наибольших из них. Так давайте же взглянем попристальнее на Великую депрессию - что же это было и почему это было именно так.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

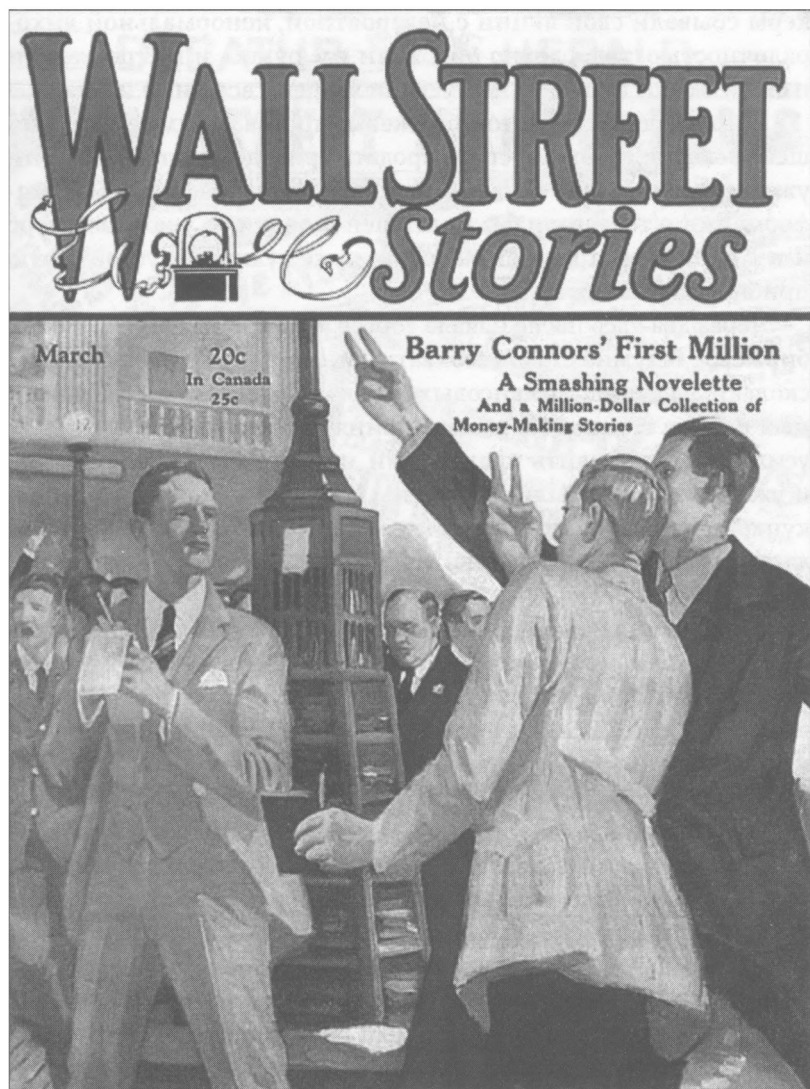
ЛИХОРАДКА В НЬЮ-ЙОРКЕ

В 1920-е годы десятки тысяч филиппинцев перебрались в Калифорнию, став там наемными сельхозработниками, готовыми работать с самого раннего утра и до вечера, с пятнадцатиминутным перерывом на завтрак и получасовым перерывом на обед, за жалкие двадцать долларов в месяц. Такой массовый наплыв дешевой рабочей силы вскоре привел к нарастанию напряженности между филиппинцами и белыми фермерами - и тлевшие искры вспыхнули пламенем, когда 24 октября 1929 года в сельскохозяйственном районе Сан Хоакин Вэлли белые фермеры подняли бунт, требуя изгнания конкурентов.

В тот же самый день, 24 октября 1929 года, на противоположном конце Соединенных Штатов, на берегу Великих Озер, спасатели обнаружили тела членов экипажа затонувшего двумя днями ранее железнодорожного парома «Милуоки».

В тот же самый день, 24 октября 1929 года, киностудия Уолта Диснея представила зрителям свой новый музыкальный мультфильм «Весенняя пора» - первый из четырех, посвященных различным временам года. Однако главной вехой этого дня стал отнюдь не антифилиппинский мятеж, не обнаружение жертв кораблекрушения и уж тем более не новый веселый мультфильм.

В этот день, как обычно, в 10 часов утра начала свою работу Нью-Йоркская фондовая биржа - а уже в начале двенадцатого тиккерные аппараты (специальные телеграфные устройства, распечатывавшие для брокеров котировку ценных бумаг) просто захлебывались от информации. Способные печатать один символ в секунду, выстреливающие по-пулеметному короткими комбинациями букв и цифр, понятных только посвященным, они просто не успевали за стремительно меняющимися событиями. Если в обычные дни торгов количество переходив-

Обложка журнала Wall Street Stories, март 1929 года. Заработать свой первый миллион на бирже кажется таким простым делом.

ших из рук в руки акций было около четырех миллионов – то в этот день, вошедший в историю экономики как «Черный четверг», через торги прошло 12 894 650 акций. Самым страшным при этом было то, что все спешили отнюдь не покупать – бро-

керы сбывали свои акции с невероятной, ненормальной лихорадочностью, так, словно они жгли им руки – и в стремлении избавиться от акций они опускали их цену все ниже и ниже.

Паника стала символом биржевых торгов. Безумие, охватившее брокеров, страх не успеть продать приводили к тому, что они уже не ждали, когда на ленте тиккера появится требуемая информация, а торговали без малейшей оглядки на реальный курс и вес акций, распродавая за гроши даже сулившие устойчивую прибыль ценные бумаги.

Через два часа после начала торгов и через час после того, как биржевое безумие стало всеохватным, состоялось совещание нескольких ведущих финансовых игроков – представителей основных банков страны. Ими было принято решение совместными усилиями остановить крах биржи и сыграть на повышение – и уже в 13:30 ими были потрачены значительные суммы на покупку ценных бумаг: в течение часа стоимость U.S. Steel поднялась до 15, AT&T до 22, General Electric до 21, Montgomery Ward до 23 долларов за акцию¹. Банкиры действовали не наобум: они придерживались тех же методов, которые двумя десятилетиями ранее позволили остановить биржевую панику 1907 года. Казалось бы, дело пошло на поправку – и по итогам дня снижение индекса Доу-Джонса² было довольно незначительным: 33 пункта или 9 процентов. В три часа дня биржевая битва была окончена, опустевший зал торгов затих, остался только шелест ворохов бесполезных бумажных лент, да еще более часа тиккеры тарахтели навсегда опоздавшими данными котировок, выдавая те сведения, которых так и не дождались лихорадочно торговавшие брокеры.

Пятничные торги на бирже совсем не походили на суетливые метания четверга. Держатели акций и брокеры больше пытались прийти в себя и осмыслить предшествовавший день, понять, как же так вышло, что своими собственными руками они за несколько часов лишили себя миллионов долларов. Ведь, каза-

¹ Таким образом, за счет слаженных действий удалось повысить стоимость акций этих компаний на 25-30% по сравнению с наинизшим уровнем дня, когда они подешевели в 2-2,5 раза.

² Индекс Доу-Джонса – среднее арифметическое от стоимости акций 30 ведущих американских компаний, представляющих основные отрасли промышленности, исчисляется в конце каждого биржевого дня и служит для определения общих тенденций на рынке ценных бумаг.

Заголовки американских газет 24–30 октября 1929 года: паника, попытка успокоения, вновь паника и вновь попытка успокоения.

лось бы, они все делали правильно - и после того, как в среду рынок ценных бумаг проявил тенденцию к снижению котировок, в четверг следовало поспешить и избавиться от тех бумаг, которые могли стать опасным балластом во время финансовой бури. Действительно, статьи в New York Times и Washington Post, опубликованные утром 24-го и посвященные событиям среды, сообщали о том, что фондовый рынок претерпел значительное снижение. Если бы не события 24 октября 1929-го, то именно среда, с ее сокращением рыночной стоимости акций на 4 миллиарда долларов - 4,6% - осталась бы в истории как случай наибольше-

го снижения фондового рынка. Вся логика событий, весь опыт, накопленный предыдущими поколениями брокеров – а Нью-Йоркская биржа лишь немногим моложе Соединенных Штатов – буквально кричали в уши: «Продавай! Продавай! Продавай!»

И что же? Вместо того, чтобы, пожертвовав частью, сохранить основное, биржевые игроки растеряли все – и вот уже заголовки газет сообщали не об опасности паники, а о панике, не об опасности краха, а о крахе.

Осторожно и неуверенно оглядываясь друг на друга и на китов большого бизнеса, многочисленные обитатели зала торгов нерешительно, словно наощупь, заключали пятничные сделки. Да, одиннадцать брокеров свели счета с жизнью, но остальные, затянув потуже пояса, все еще собирались продолжать свою игру: в конце концов, это был не первый биржевой кризис, пережитый Соединенными Штатами, и слаженные действия больших игроков сулили некоторую надежду на то, что ситуацию вскоре удастся выправить к лучшему. Но у ситуации 1929 года было одно, весьма существенное отличие от ситуации 1907 года.

Выйдя из Первой мировой войны крупнейшим кредитором Европы¹, довольно-таки быстро оправившись от неизбежного после окончания войны и прекращения значительных правительственных заказов снижения экономических показателей, США вступили в «ревушие двадцатые» – невероятный, небывалый ранее и никогда не повторившийся позже период промышленного и экономического роста.

В течение одного десятилетия жизнь страны коренным образом преобразилась. Технологический скачок времен Первой мировой войны, связанный с форсированным развитием военно-промышленного комплекса, послевоенная конкуренция и ослабление налогового бремени со стороны государства привели к тому, что за считанные годы многие американцы действительно встали на путь успеха. Автомобиль и радиоприемник больше не были символами роскоши. Даже собственный дом стал вполне достижимой реальностью: в 1924-м, когда численность населения бурно растущего Лос-Анджелеса превысила

¹ В 1914 году долг США перед европейскими странами был равен 3,75 миллиарда долларов, а к 1919 году объем кредитов, предоставленных Соединенными Штатами европейским странам, составил более 10 миллиардов долларов.

Брокер у тиккерного аппарата. Изобретение Эдисона годами служило верой и правдой, пока не оказалось уязвимым звеном биржевой системы.

миллионную отметку, более половины его жителей были именно владельцами коттеджей, а не снимали квартиры у домовладельцев. В какой-то момент идея неостановимого, бесконечного процветания овладела умами десятков миллионов американцев – и одним из путей к этому процветанию, одним из путей зарабатывать деньги стала игра на бирже.

Стать владельцем акций той или иной фирмы было легко, даже слишком легко: получить кредит под приобретение акций не составляло большого труда, более того, величина первоначального взноса могла составлять лишь 10% от реальной стоимости акций. Игра на бирже становилась чем-то вроде хобби – и довольно-таки прибыльного хобби. Если в 1925-м суммарная рыночная стоимость акций была равна 27 миллиардам долларов, то перед

Полулегальный рынок акций на улице рядом со зданием Нью-Йоркской фондовой биржи.

паникой 1929-го она достигла 87 миллиардов – каждый доллар, вложенный в акции, утроился, а в отдельных случаях рост превысил 400%.

Но эта возможность легкого обогащения таила в себе две опасности. Во-первых, с некоторого момента, когда спекулятивная стоимость ценных бумаг существенно превысила их действительную стоимость, акции, по сути, перестали являться документами, дающими право на долю собственности в той или иной компании, а стали, скорее, просто бумажными листами с красивым типографским оформлением, ценность которых состояла в том, что их можно было дорого купить и еще дороже продать. Ситуация стремительно приближалась к пресловутой «тюльпановой лихорадке» в Голландии XVII века, когда в спекулятивном безумии в общем-то бесполезные луковицы тюльпанов покупались и продавались за тысячи полновесных золотых флоринов.

Во-вторых, стремительный рост стоимости акций привел к тому, что многие финансовые и общественные организации перешли от инвестирования своих средств в реальное производство и коммерцию к инвестированию в биржевые спекуляции.

И в-третьих, кажущаяся легкость биржевой игры вовлекла в нее людей, знакомых с ее правилами лишь понаслышке – а с хитрыми трюками биржевых акул незнакомыми вовсе. Эти люди

были легко подвержены внешнему влиянию, и именно они составили основную массу паникующих держателей акций. Каждому из них принадлежало немного, но их одновременное желание избавиться от акций и создало ту гигантскую волну паники, захлестнувшую биржу. Фактически финансовое счастье миллионов американцев, связанных с биржевой игрой напрямую или опосредованно, было весьма неустойчивой конструкцией, выстроенной на песке, - достаточно было пусть не самого сильного, но хорошо направленного удара, чтобы эта постройка обрушилась.

Хотя в пятницу, 25 октября, и субботу 26 сентября 1929 года биржевые торги, благодаря слаженным действиям больших игроков, направленным на исправление ситуации, привели к тому, что беспорядочный сброс акций прекратился и они начали вновь расти в цене - и это даже позволило части специалистов заявить о том, что рынок сбросил пар и ситуация полностью нормализовалась, - тем не менее худшее было впереди. В пятницу, субботу и воскресенье разговоры о биржевом кризисе перестали быть узкоспециальной темой - на страницах

У этих людей не было денег, чтобы приобрести право на брокерскую деятельность, но они тоже пытались заработать на покупке и перепродаже акций.

Просто веселое развлечение: на тему биржи выпускались даже настоящие игры, и до реального краха даже паника казалась лишь частью забавы.

крупнейших газет они проникли повсюду. Кричащие шапки заголовков, а не сухие экономические расчеты – вот что теперь было определяющим при принятии решений массой мелких и средних держателей акций. Желание воспользоваться начавшимся ростом и поскорее компенсировать потери четверга –

вот что определяло действия множества брокеров в понедельник - «Черный понедельник». Новый сброс акций, вызванный желанием хотя бы частично компенсировать финансовые потери, незамедлительно привел к снижению их цены. Те же самые акции AT&T теперь стоили 24 доллара - но это было падением по сравнению с пятницей и субботой, когда за них давали более тридцати. В свою очередь, проявившееся снижение стоимости акций вновь вызвало паническое желание продать все и как можно скорее: в этот день через торги прошло 9 212 800 акций - и три миллиона из этих девяти были сброшены за один лишь последний час торгов!

Следующий день побил все рекорды. 29 октября, в «Черный вторник», события «Черного четверга» стали казаться всего лишь досадным пустяком: за один день суммарная рыночная стоимость ценных бумаг снизилась на 14 миллиардов долларов, падение составило 17,3%.

Акции Radio Corporation упали в цене с 40,25 до 26 долларов всего лишь за первые два часа торгов; за акции Goldman Sachs Trading Corporation вечером давали только 35 долларов, хотя утром они оценивались в 60. Акции National City Bank of New York - крупнейшего банка страны, - стоившие 5200 долларов за акцию, упали до 1600 долларов. В течение вторника через торги прошло 16 410 035 акций - и на этот раз тикеры отстали от реального темпа торгов на 3 часа.

Слишком многие сделали ставку на биржевые спекуляции. Слишком многие понадеялись на выгоды от торговли клочками бумаги. Более трети потерь «Черного вторника» - 5,1 миллиарда долларов - были потерями фирм, на чьих плечах лежало обеспечение американцев электричеством, водой, газом, телефонной связью. Только лишь в январе 1929-го National City Bank вобрал в себя компанию, занимавшуюся кредитованием фермерских хозяйств (Farmers' Loan and Trust Company) - и теперь 70-процентные потери банка в биржевом зале неизбежно должны были обернуться ударом по фермерским хозяйствам.

Непреложная логика ведения бизнеса подсказывала всем, что убытки, понесенные из-за ошибок в конце октября, следует компенсировать, и как можно скорее. Но *одновременные* действия по взысканию задолженностей и ускоренному возврату кредитов привели к лавинообразным банкротствам и только усугуби-

ли ситуацию. Пытаясь судорожно выбраться из разверзшейся под ногами трясины кризиса, американская экономика лишь быстрее тонула в этой трясине.

Что же было причиной? Что спровоцировало начавшееся в сентябре медленное биржевое снижение, приведшее к столь стремительной катастрофе? На этот вопрос существует множество ответов, и, к сожалению, ни один из них нельзя признать достаточно весомым для объяснения сложившейся картины во всей ее полноте – но они заслуживают пристального рассмотрения.

Версия первая: нагнетание страхов на бирже вызвано тем, что Федеральный резерв¹ начал менять правила игры и провел частичную дефляцию, уменьшив количество находившихся в обороте платежных средств. Действительно, согласно данным статистики, общее количество платежных средств (монет, банкнот, сертификатов Казначейства) в 1929 году уменьшилось по сравнению с 1928 годом на 50 миллионов долларов. Однако же при этом выпуск Федеральным резервом купюр различного достоинства вырос на 66 миллионов долларов, а снижение произошло за счет утечки из страны золотых монет и обмена золотых сертификатов Казначейства на золото – и большей частью это происходило уже *после* биржевого краха. Кроме этого, сокращение общего количества платежных средств на 50 миллионов долларов – это сокращение всего лишь на *один* процент.

Версия вторая: кризис перепроизводства. Действительно, в 1929 году были выпущены более пяти миллионов радиоприемников, со сборочных конвейеров сошло полтора миллиона автомобилей Форд и почти 850 тысяч Шевроле, был выпущен миллионный холодильник Frigidaire. Но был ли при этом насыщен рынок?

Хотя доходы Radio Corporation of America (RCA) в 1930 году сократились на 45 миллионов долларов по сравнению с 1929 годом – однако количество домов, в которых были радиоприемники, уве-

¹ Федеральная резервная система – созданная в 1913 году частная акционерная банковская структура, выполняющая роль центрального банка США и осуществляющая контроль за выпуском банкнот.

личилося на три миллиона - темпы радиофикации были даже *выше*, чем в 1925-1929 годах. Аналогично, несмотря на начавшуюся депрессию, выросли производство и продажи Frigidaire. Хотя выпуск дорогих Кадиллаков сократился вдвое, но для недорогих и действительно массовых автомобилей снижение составило не-многим более 24%. Генри Форд без тени лукавства говорил о том, что данное время - лучшее для ведения бизнеса, - и в 1930-м за ворота его завода выкатилось *вдвое больше* автомобилей, чем в до-кризисном 1928-м.

Версия третья: британское влияние на американский рынок. Сторонники этой версии считают случившееся результатом финансовой аферы лондонского бизнесмена Кларенса Хэтри. После того как в сентябре 1929-го были вскрыты его махинации с выпуском необеспеченных ценных бумаг, а сам он был признан банкротом с суммарным долгом более 65 миллионов долларов, британские капиталы начали отток с американского фондового рынка. Однако эта история никак не может объяснить поведение биржевых игроков, никак не связанных с Британией, и в целом влияние банкротства Хэтри на американский рынок рассматривается историками как незначительное.

Версия четвертая: изменение тарифной политики во внешней торговле. Ряд исследователей полагает, что обсуждение в Сенате закона Смута-Хоули, предусматривавшего повышение тарифов на импорт¹, вынуждало часть брокеров избавляться от акций тех компаний, успех деятельности которых был связан с внешней торговлей. Однако, с другой стороны, в тот момент значение этого закона не было большим: фактически ему даже не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания в прессе. Сенатские обсуждения могли заинтересовать незначительную часть биржевых игроков, но они не могли повлиять на основную массу держателей акций - ведь многие об этом законе еще попросту

¹ Закон Смута-Хоули увеличивал или впервые устанавливал ввозную пошлину на двадцать тысяч наименований импортных товаров. По данным U.S. Tariff Commission, бюллетень *The Tariff Review* от июля 1930 года, средний уровень пошлины на 15 основных видов товаров составил 41%, однако на ряд товаров пошлина достигла 140%.

ничего не знали. Более того, в то время этот закон многими оценивался как направленный на защиту американских фермеров и поддержку промышленности.

Наконец, нельзя забывать и о том, что начало сентябрьскому снижению на бирже было положено скоординированными действиями нескольких крупных американских игроков. В числе этих игроков был, например, Джозеф Патрик Кеннеди-старший, мультимиллионер и политик, отец будущего президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди. Говоря о «сентябрьской атаке медведей» на Нью-Йоркской бирже, следует отметить важный момент: сентябрьское снижение было довольно незначительным. В этом снижении для тогдашних биржевых игроков не было ничего нового, ничего необычного – поэтому произошедшее не удивляло и не пугало. «Сентябрьская атака медведей» могла бы сформировать атмосферу ожидания скорого краха – но не сформировала, и многие ведущие эксперты в сентябре и октябре уверяли, что рынок ценных бумаг возобновит подъем. На протяжении долгих лет многократного роста подобное случалось достаточно часто – и, после продлившегося пару недель снижения, стоимость акций всякий раз начинала расти – как это было, например, в декабре 1928-го и мае 1929-го.

Нельзя считать определяющим фактором и то, что объем выставленных на продажу акций в несколько раз превысил среднее значение в 4 миллиона акций в день. За семь месяцев до обвала биржи, 26 марта 1929 года сменили владельцев 8 246 742 акции – это вполне сравнимо с данными «Черного понедельника», – но даже такой большой объем отнюдь не вызвал коллапса системы технического обеспечения торгов, хаоса и паники.

Существуют и другие версии – но все они могут объяснить случившееся лишь частично. Для обрушения биржи потребовалось совокупное действие множества разнонаправленных факторов – и острое желание биржевых игроков добиться личного успеха без оглядки на других.

В теории игр существует так называемая «дилемма заключенного». Что она собой представляет? Допустим, что в руки полиции попали двое преступников, и им, изолированным друг

от друга, предлагается сделка с правосудием на следующих условиях: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается за помощь следствию, а второй получает 10 лет лишения свободы. Если оба молчат, их деяние проходит по более легкой статье, и они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют друг против друга, они получают по 2 года тюрьмы. Каждый заключенный выбирает, молчать или свидетельствовать против другого, однако ни один из них не знает точно, что сделает напарник.

Казалось бы, наиболее рациональной моделью поведения в данном случае является как можно более быстрое свидетельство против напарника - однако же, если этой модели поведения следуют *оба*, то вместо ожидаемого немедленного выхода на свободу они получают двухлетнее тюремное заключение. Логически выверенное действие, *основанное на страхе*, не только не приносит желаемого наилучшего результата, но и оказывается по своим последствиям худшим, чем отвергнутое обоюдное сотрудничество, дававшее пусть не наилучший, но неплохой результат.

Точно так же, как и персонажи этой задачи, игроки на поле американской экономики имели возможность выбирать между попыткой немедленного спасения любой ценой и сотрудничеством ради общего блага.

Одни боялись не успеть избавиться от слишком раздутых акций. Другие опасались не успеть воспользоваться волной снижения, созданной «медведями». Над третьими нависала острая необходимость выплат по кредитам, и они хотели поскорее заткнуть появившиеся финансовые дыры. У каждого был свой страх. Усилия немногих, хотя и подкрепленные десятками миллионов долларов, направленные на постепенное оздоровление фондового рынка, не смогли компенсировать поспешные действия тех, кто жаждал спасения немедленно и любой ценой - и заталкивал себя и экономику страны в глубокую яму.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЛЕПЫЕ ПРОРОКИ И ХЛЕБ КАК УГОЛЬ

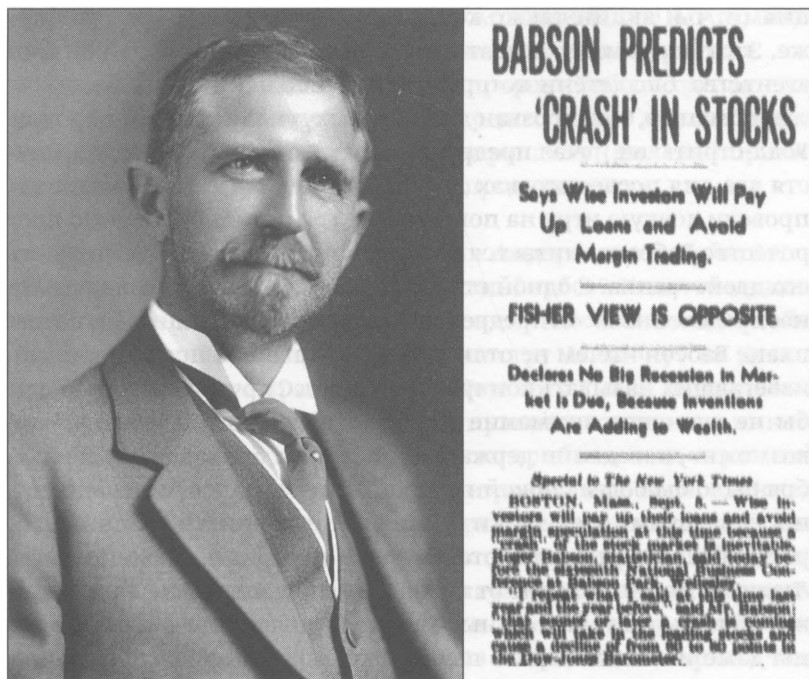
Кризис 1929 года не был первым кризисом подобного рода в американской экономике. И если те биржевые игроки, которые в полдень 24 октября принимали решение об объединении своих усилий ради удержания рынка от краха, исходили из уже имевшегося опыта действий в условиях биржевого кризиса – то, может быть, все-таки существовала возможность уловить опасные тенденции заранее?

Да, действительно, были слышны голоса экономистов, предупреждавших о возможных проблемах. Но о чем конкретно говорили эти «пророки и предсказатели», как именно звучали их мрачные пророчества скорого конца?

Характерной особенностью всех этих пророчеств является то, что они были крайне расплывчаты и неконкретны. Кроме этого, многие пророки начали бить в набатный колокол слишком рано и тем самым полностью обесценили свои громкие заявления.

Экономист и аналитик Марк Скоузен в своей работе, посвященной Великой депрессии, последовательно перечислил наиболее известных предсказателей предстоящего краха. Так, Бенджамин Андерсон, крупный теоретик и главный экономист Chase Manhattan Bank, сравнивал биржевую ситуацию с пороховой бочкой в августе 1927-го – но после этого на протяжении еще двух лет фондовый рынок проявлял тенденцию к устойчивому росту.

Освальд Тойнби Фолк, также видный специалист по биржевым операциям и член совета National Mutual Life Insurance Company, начал проявлять беспокойство в конце 1928 года – но его страхи были вызваны потенциальной опасностью инфляционных процессов, а не биржевыми тенденциями (и этим он резко отличался от доминировавших сторонников инфляции как средства от всех экономических проблем).

Роджер Бэбсон и его знаменитое «пророчество». Всего лишь годом ранее он пророчил процветание в случае победы Герберта Гувера и крах в случае победы демократов.

Уильям Дюран, один из родоначальников американской автоиндустрии, создатель General Motors, был человеком, обладавшим несомненными финансовыми талантами – он развил свой бизнес от маленькой фирмы до гигантской корпорации с многомиллионным оборотом. Он не только занимался производством автомобилей и успешным поглощением конкурентов, но и уделял большое внимание операциям на бирже, являясь одним из крупнейших игроков фондового рынка. Дюран начал избавляться от ценных бумаг еще весной 1929-го – и его финансовые потери оказались весьма велики. Кроме прибыли, недополученной за оставшиеся до краха полгода, эти потери состояли также и из тех средств, которые он вложил в акции уже после «Черного четверга», понадеявшись на этот раз на возобновление роста.

Роджер Бэбсон был не только аналитиком-теоретиком, но и сугубым практиком – он руководил несколькими корпора-

циями, чьи акции также котиrowались на Нью-Йоркской бирже. Этот экономист, создатель и руководитель аналитического агентства, бюллетени которого считались ценным источником информации, был прозван досужими журналистами «пророком Уолл-стрит»: он начал предрекать крах 5 сентября 1929 года, спустя два дня после того, как Джозеф Кеннеди и другие «медведи» провели ловкую игру на понижение. Традиционно именно пророчество Бэбсона считается наиболее значимым – но значимость его двойственна. С одной стороны, пророчество его было весьма неопределенным: он предрекал крах «рано или поздно» – и в этом плане Бэбсон ничем не отличался от остальных предсказателей, избегавших называть конкретные сроки. С другой стороны, если бы не активное внимание прессы к заявлениям Бэбсона – то, возможно, поведение держателей акций и брокеров 24-29 октября было бы более спокойным и кризиса удалось бы избежать – и в наше время этой точки зрения на тогдашние обещания скорого краха придерживаются многие историки и экономисты. Люди, особенно далекие от понимания подводных течений биржевой игры – а таких осенью 1929-го было немало – были склонны даже излишне верить печатному слову, и для значительной части игроков слова «пророка» Бэбсона, освященные авторитетом прессы, оказались даже чересчур весомыми. Сделанные им предупреждения сыграли, в определенной мере, не положительную, а отрицательную роль: они не позволили избежать кризиса, но стали одним из источников возникновения паники.

Одновременно с мрачными пророчествами тех, кто на протяжении нескольких лет ожидал, что со дня на день начнется спад экономики, существовала масса пророчеств и предсказаний, преисполненных оптимизма и веры в дальнейший прогресс.

В том же самом 1927 году, когда Бенджамина Андерсона охватило беспокойство, Джон Мэйнард Кейнс с уверенностью утверждал: «Теперь мы больше не столкнемся с катастрофами». Андерсон был обеспокоен слишком высоким уровнем биржевых спекуляций (примерно пятая часть ценных бумаг торговалась по цене втрое выше их действительной стоимости) – Кейнса это, видимо, ничуть не смущало.

В то время, когда Уильям Дюран начал сомневаться в устойчивости фондового рынка и склонялся к сбросу акций, Майрон-

Форбс, президент автомобильной компании Pierce Arrow, заявлял, что постоянное благополучие уже не может прерваться.

Даже в сентябре 1929-го, когда «пророк» Бэбсон сделал свое расплывчатое и неопределенное предсказание краха, Эндрю Мэллон, министр финансов США, уверял: «Нет никакой причины волноваться. Процветание будет продолжаться».

Кто был ближе к истине в 1927-м – Андерсон или Кейнс? Чьи действия были вернее – Дюрана или Форбса? Кому следовало больше доверять – Бэбсону (чьи прежние многочисленные обещания спада не сбылись) или министру Мэллону? За десять дней до биржевого краха статья в New York Times, опираясь на мнение представителей биржи и правительственных чиновников, говорила читателям о том, что приближение серьезной депрессии в экономической жизни страны лишь беспочвенные слухи. За неделю до «Черного четверга» весьма уважаемый экономист Ирвинг Фишер был уверен в том, что курс акций достиг стабильно высокого уровня. Даже начавшийся обвал биржевого рынка не поколебал уверенности Артура Рейнолдса из чикагского Continental Illinois Bank – 24 октября он говорил о том, что произошедший крах не окажет существенного влияния на бизнес. Даже в начале ноября, когда биржевое падение приближалось уже к 40%, представители Гарвардского экономического общества утверждали, что резкое падение курса акций будет недолгим и не приведет к падению деловой активности в целом. Исходя из опыта прежних кризисов, те же самые гарвардские специалисты прогнозировали, что уже весной 1930 года начнется новый экономический подъем, а еще через полгода ситуация кардинально улучшится.

В конце 1928 года президент Соединенных Штатов Калвин Кулидж готовился передавать бразды правления Герберту Гуверу. Обычно весьма немногословный, Кулидж в своей речи заявил: «Никогда еще перед Конгрессом Соединенных Штатов, собравшимся рассмотреть положение дел в стране, не открывалась такая приятная картина, как сегодня. Во внутренних делах мы видим покой и довольство... и самый длинный в истории период процветания. В международных делах – мир и доброжелательность на основе взаимопонимания». Несмотря на то, что всеобщее мнение о будущем было скорее оптимистичным, а мрачные

пророчества предшествовавших лет не оправдывались, занявший в марте 1929 года президентское кресло Герберт Гувер проявил определенное беспокойство по поводу спекуляций на фондовом рынке – хотя и обещал американцам «курицу в каждой кастрюле и автомобиль в каждом гараже». Уверенные в надежности действующей системы представители Федерального резерва убедили его, что все в порядке и «финансовой паники больше никогда не будет... паника невозможна... немыслима», – и Гувер, привыкший доверять специалистам, поверил им на слово.

Одновременно новый президент, являвшийся сторонником прозрачного и честного ведения дел, поощрял средства массовой информации к более подробному освещению событий в мире бизнеса – по его мнению, это должно было повысить уровень доверия в обществе. К сожалению, благие намерения Гувера дали результат прямо противоположный: фактически он своими руками открыл дорогу для волны мрачных слухов в прессе – но подлинное состояние дел с биржевыми спекуляциями так и осталось нераскрытым для широкой публики. Слишком много мальчишек бегало по лесу и кричало «Волк! Волк!» в то время, когда волка и близко не было: Феликс Зомари забил тревогу в 1926-м, а Людвиг фон Мизес и того раньше – и те, кто прислушивался к их мнению и еще тогда начинал опасаться краха, потеряли ничуть не меньше, чем те, кто не верил в крах вообще или считал его кратковременным.

Стать провидцем при таком обилии предсказаний было очень легко – а оказаться слепцом еще легче. До кризиса экономисты предрекали бесконечное процветание, которое должны были обеспечить действия Федерального резерва, после обрушения биржи число пророков, обещавших процветание, не уменьшилось – и это были весьма авторитетные пророки. Виднейший финансист, биржевой игрок и политический деятель, к чьим советам прислушивались сильные мира сего, Бернард Барух телеграфировал 15 ноября 1929 года своему другу Уинстону Черчиллю, бывшему канцлеру казначейства (министру финансов) и будущему премьер-министру Великобритании: «Можно с уверенностью сказать, что финансовая буря закончилась». В те же дни Ирвинг Фишер уверял, что окончание биржевого спада – дело нескольких дней, а статьи в прессе излучали уверенность в том, что кризис ограничится лишь торговым залом Нью-Йоркской биржи и никак не скажется

NEW USE FOR WHEAT

BURNT INSTEAD OF COAL

NEW YORK, December 11.

It is reported that the residents of a town in Idaho, located in the centre of the wheat region, are burning wheat for fuel, since they are able to obtain it delivered to the bins for nine dollars per ton, while coal costs 16½ dollars per ton, and wood 10 dollars per cord. Wheat is said to produce an even heat, and to hold fire as long as coal.

Пшеница вместо угля: не сумасшествие, а просто более дешевое топливо.

на благосостоянии граждан других американских городов. В ноябре 1929-го редакционная статья в Business Week уверяла читателей: «Обвал на Уолл-стрит не значит, что будет всеобщий или хотя бы серьезный экономический спад... В течение шести лет американский бизнес уделял значительную часть своего внимания, своей энергии и своих ресурсов спекулятивной игре... И вот это неуместное, ненужное и опасное приключение закончилось. Бизнес вернулся домой, к своей работе, слава Богу, без повреждений, здоровый душой и телом и сильнее в финансовом отношении, чем когда-либо раньше». Время показало, что и Барух, и Фишер, и жизнерадостные журналисты были в корне неправы.

Самое удивительное в крахе 1929 года - это то, что в его начале, по сути, нет ничего необычного, кроме громкого названия. К январю 1930-го падение было значительным, но экономические показатели при этом опустились лишь до уровня января докри-

Аукцион по продаже фермерского имущества за долги. Толпа фермеров настолько враждебна к аукционерам, что те могут действовать только под защитой полиции с оружием наизготовку.

зисного 1928 года, более того, с января по апрель 1930 года индекс Доу-Джонса вновь начал расти, вплотную приблизившись к уровню в 300 пунктов – уровню, который до кризиса считался выдающимся. Именно это внушало оптимизм тем финансистам и аналитикам, которые предрекали скорый рост экономики. Но дело-то в том, что их предсказания базировались скорее на теориях, чем на реальном видении ситуации. Они анализировали экономические показатели, но не обращали должного внимания на тех, от кого эти показатели зависели – на простых людях. И если в отчетах и сводках все выглядело вполне надежно и соответствовало проверенным ранее схемам, то вне этих схем уже вызревали серьезнейшие проблемы, которым вскоре предстояло поставить под удар самую суть американской и мировой экономики.

Вырвавшись за монументальные стены здания фондовой биржи на Уолл-стрит, к которому в те дни было приковано внимание страны и мира, вал экономического кризиса докатился до безвестных фермерских домишек в дотоле малоинтересных

прессе сельскохозяйственных штатах. Бичом фермерских хозяйств Соединенных Штатов была их задолженность перед банками и кредитными союзами. Фактически большинство фермеров лишь формально были собственниками своих участков и имущества - в действительности их имущество было многократно заложено и перезаложено. Семена и техника, сельскохозяйственные животные, топливо и удобрения - под все это фермерами брались многочисленные кредиты, проценты по которым превращались в непрерывно растущее бремя.

Уже первоначальное, еще докризисное, изменение ставок Федеральным резервом привело к тому, что фермерам стало сложнее получать ссуды - а после потерь, понесенных банками во время обрушения биржи, ситуация только обострилась. Период, предшествовавший кризису, характеризовался постоянным снижением цен на недвижимость, и очередной перезалог земли и построек уже не был спасением. Банки, желавшие компенсировать свои потери, требовали скорейшего возвращения ранее выданных кредитов и процентов по ним. Большая часть урожая 1929 года уже была продана, и полученные деньги уже пущены в оборот. В сложившейся ситуации фермерам стали остро нужны дополнительные наличные - и срочно, ведь в противном случае они рисковали лишиться всего.

Дополнительные средства были остро нужны и кредитовавшим фермеров банкам - ведь к ним то и дело обращались за возвратом вкладов те американцы, которые уже понесли финансовые потери и хотели воспользоваться накопленным ранее «финансовым жирком». Кроме этого, банкам необходимо было обеспечивать новыми кредитами тех, кто делал ставку на модернизацию производства и бизнеса, чтобы не отставать от конкурентов в условиях обострившейся экономической борьбы.

Когда десятки миллионов акций за считанные дни перекочевали из одних рук в другие, это означало, что сотни миллионов долларов исчезли в карманах одних американцев - но при этом они не исчезли вовсе, а появились в карманах других, более удачливых, американцев. Даже если миллионер, лишившийся своих миллионов, умирал в забвении на станции парижской подземки, то его-то миллионы перед тем никуда не исчезали, а только меняли владельца. И в условиях кризиса всегда были те, кто умело использовал его в свою пользу, зарабатывая там, где другие теря-

ли. Но такая ситуация, оборачивавшаяся выигрышем для немногих, основывалась на том, что масса американцев теряла свои накопления и погрязала в долгах – и чем ниже был докризисный финансовый уровень отдельного американца, фирмы или банка, тем более критичными оказывались потери. Если такие гиганты, как National City Bank, все еще оставались незыблемы после многомиллионных потерь, то для множества небольших банков в малых городах американской глубинки само их существование оказывалось под вопросом. В жесткой борьбе за выживание они давили на своих должников, и этот внезапно возникший прессинг принуждал последних к поспешным и непродуманным действиям.

Стараясь как можно скорее продать остатки урожая, американские фермеры начали снижать цены на продукцию своих ферм. Каждый из них надеялся, что небольшое снижение цены позволит ему оказаться наиболее выгодным продавцом, полностью избавиться от товара и заработать необходимые деньги, – но вот в реальности все оказалось несколько иначе. В реальности

Вкладчики у дверей закрытого банка.

Запасливая белка и разорившийся банковский вкладчик, который тоже пытался быть запасливым.

ставку на снижение цен сделал *каждый* фермер - и поэтому вскоре им пришлось снижать цены еще раз. И еще раз. И еще раз...

В сельском хозяйстве Соединенных Штатов повторялась в точности та же ситуация, которую можно было видеть в зале Нью-Йоркской биржи в дни октябрьского краха. Каждый фермер, сделавший ставку на понижение, поступал в полном соответствии с традиционными понятиями правильной борьбы за покупателя. Каждый фермер полагал, что ему-то удастся вывернуться из-под удара - и не думал при этом о том, что делают остальные. В результате фермеры сами, *своими собственными ру-*

ками, обесценили свой труд и лишились возможностей для достойного существования. На протяжении года средние закупочные цены на продукцию сельского хозяйства понизились на треть - и падение продолжалось. Общее понижение фермерами цен на свою продукцию привело к тому, что результат поспешной торговли оказался недостаточным для того, чтобы покрыть долги перед банками и кредитными союзами. Но самым трагичным при этом было то, что это снижение цен стало предпосылкой для будущего удешевления фермерского труда - на рубеже 1929-1930 годов был нанесен не просто удар, но удар по будущему.

Но даже и это спешное выжимание денег из должников не было спасением для региональных банков - только за первые десять месяцев 1930 года обанкротилось 744 банка (а к 1932 году из 25 тысяч банков перестали существовать более 5 тысяч). Даже если банки выжимали фермеров-должников досуха и получали в свою собственность земельные участки, под которые брался кредит, банки ничего не могли сделать с этими участками. Тех фермеров, которые хотели бы купить доставшиеся банкам участки должников, было крайне мало, и все эти ранее такие ценные, а теперь никому не нужные акры земли попросту повисали на банках бесполезным грузом - именно поэтому после получения залогового имущества положение множества банков было ничуть не легче, чем до выбивания долгов. Возвращаясь бумерангом, банковский крах ударял по другим вкладчикам - люди, думавшие, что их будущее и будущее их детей вполне обеспечено, в одночасье могли остаться попросту ни с чем. Именно поэтому известие о банкротстве одного из региональных банков и бедственное положение тех, кто лишился при этом своих вкладов, подталкивало тысячи граждан в спешке изымать свои средства из тех финансовых учреждений, которые еще держались на плаву. Начиналось массовое неверие американцев в спасение экономики, страх перед тем, что обвал никогда не закончится - и худшим при этом было то, что этот страх завладел умами не банкиров и биржевых брокеров, а рядовых американцев.

После десятилетия процветания падение в финансовую яму ощущается особенно болезненно. «Мы первая в мире страна, которая едет в приют для бездомных на собственном автомобиле» - вот горькая шутка того времени. Чем больше приходило вестей о банкротствах и крахе компаний, чем больше семей в мгнове-

Осколки прежнего процветания: есть автомобиль, но нет денег.

ние ока из преуспевающих превращались в нищих - тем судорожнее становились метания рядовых американцев в поисках выхода, тем больше они запутывались в паутине депрессии.

Люди теперь больше верили чулку под кроватью, чем банковским обязательствам, и в конце 1930 года охваченные паникой вкладчики начали действительно массово изымать деньги со счетов, парализуя денежный оборот и провоцируя стремительно нарастающую волну банкротств. В небольшом городке Грэшем, штат Небраска, было два банка - оба они не пережили и первых полутора лет депрессии, а руководитель одного из них покончил с собой - но это событие не нашло отражения на полосах центральных газет. Крах отдельного банка не выглядел чем-то значительным, особенно если это был маленький банк в маленьком городке, - но суммарно банковские депозиты формировали 92% денежного оборота Соединенных Штатов, и если вначале счет не выдержавших удара банков шел на десятки и сотни, то в последующие годы их были уже тысячи.

Экономический подъем в начале весны 1930-го оказался, по сути, последней - и бесплодной - надеждой на скорое оздоровление экономики. Складывавшаяся из крохотных камешков, лави-

Президент Герберт Гувер и губернаторы штатов на встрече по вопросам оказания помощи, 14 августа 1930 года.

на всеобщего экономического кризиса становилась все сильнее и подминала под себя американскую экономику.

Если весной 1930 года в ответ на предложение по организации помощи безработным Герберт Гувер отвечал, что это предложение запоздало, так как депрессия уже закончилась и экономика вновь начала рост, то к концу года стало очевидно, что президент был неправ в своих ожиданиях скорого возрождения. Довольно быстро количество безработных в стране превысило 4 миллиона человек (8,9% всего трудоспособного населения) – это почти втрое больше, чем было в 1929-м¹. За считанные месяцы бывшее многолетнее благополучие осталось в прошлом, и безработица вернулась на тот уровень, который существовал во время экономического спада, последовавшего по окончании Первой мировой войны. При этом нередко безработными становились

¹ Здесь и далее основные статистические данные и показатели взяты по ежегодным и сводным отчетам, опубликованным U.S. Census Bureau – правительственным агентством, занимающимся сбором и систематизацией общенациональной статистики в США.

те, чей работодатель не смог взять кредит на поддержание бизнеса, возможно в том самом банке, который лишился средств после бегства вкладчиков.

Все еще были те экономисты, которые продолжали свято верить в кратковременность неудач. Ford, General Motors и RCA продолжали свой успешный бизнес и выгодно торговали, но все большее и большее число американцев оказывалось смято и раздавлено кризисом. Кризисом, символом которого стала длинная очередь безработных за благотворительным супом. Кризисом, символом которого стало отборное зерно, сгорающее в печи – оно настолько упало в цене, что фермерам стало выгодно отапливать им свои дома, а не покупать уголь. Следующим шагом было только полное лишение имущества и нищета, бездомное кочевание по стране пешком и в товарных вагонах – с призрачной надеждой найти работу и с риском оказаться в числе тех пятидесяти тысяч американцев, что надеялись доехать до счастья, но погибли под вагонными колесами.

Взяв в руки дубину потяжелее, а то и прихватив из дому ружья, фермеры громили аукционы, на которых их имущество должно было быть распродано за долги. Делец, приехавший скупить фермы за гроши, рисковал вернуться домой в лучшем случае избитым. Судебные исполнители занимались своей работой только в том случае, если им обеспечивалась надежная охрана полиции. Немногим более года потребовалось стране, чтобы она начала закипать как огромный котел – и самое тяжелое время, самые трудные годы были еще впереди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

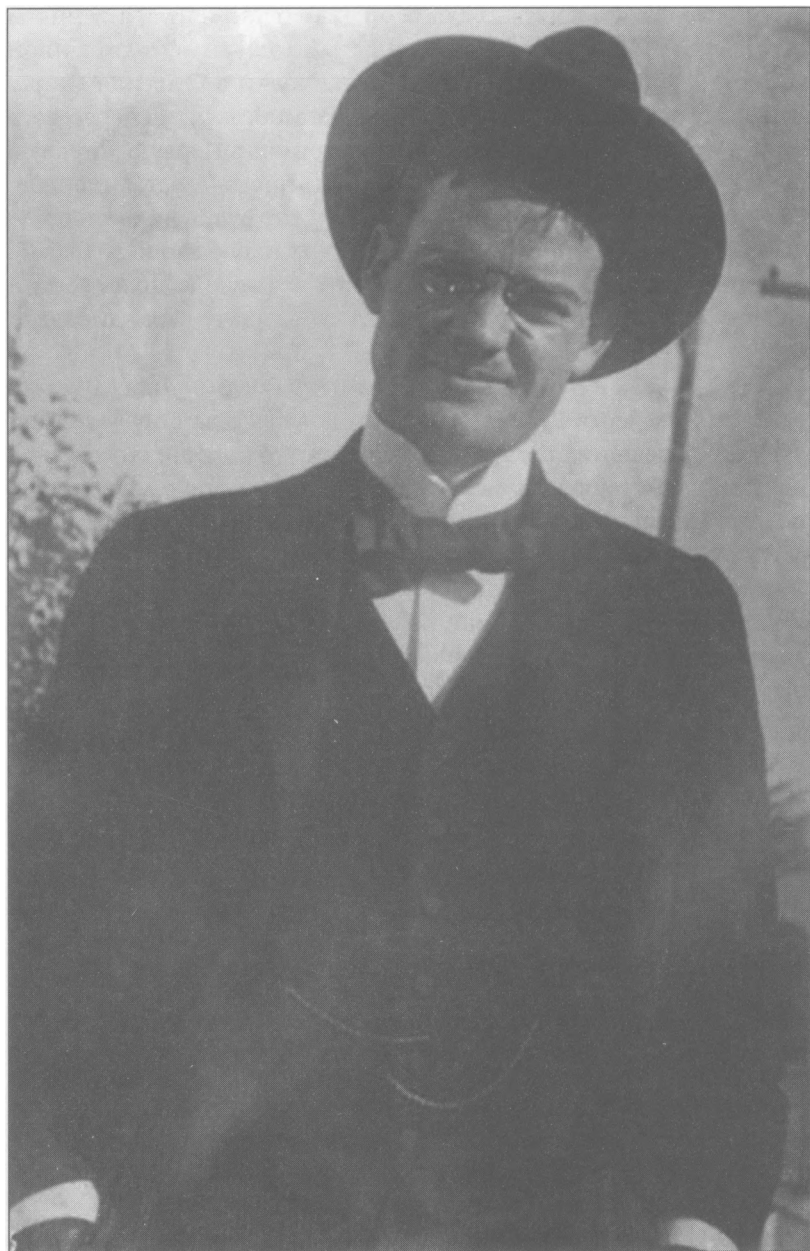
ГУВЕР И РУЗВЕЛЬТ

Традиционная точка зрения на Великую депрессию содержит в себе негативную оценку руководства Соединенных Штатов и возлагает значительную долю ответственности за возникновение кризиса, его глубину и продолжительность на президента Герберта Гувера. Это считается настолько общеизвестным, что, как правило, анализу личности Гувера и его действиям на посту президента уделяется очень мало внимания, фактически все сводится к нескольким общим фразам.

Кем же был Герберт Кларк Гувер, сын кузнеца из Айовы, ставший сиротой в десять лет и президентом США в пятьдесят пять? Прежде всего он не был политиком.

Талантливый горный инженер и администратор, привыкший ко всему относиться как к механизму, требующему обслуживания по инструкции, он рассматривался своей партией - республиканцами - именно как надежный техник, которому можно вручить сложный механизм управления государством, а уж он-то проследит за его работой. В отличие от других, в Белый дом он пришел, не имея опыта политических баталий, и его президентская кампания была первой в его жизни борьбой за голоса избирателей. Казалось, что нет такого вопроса, которого он не мог бы решить. Долгие годы его деятельности в Западных штатах, Австралии и Китае приучили его к тяжелой, кропотливой работе - работе, результат которой важнее и весомее любых разговоров. Именно он, как никто другой, был близок к идеалу технократа. В эти годы у жизни, по словам Гувера, были три цвета - красной пыли, черных мух и белого солнечного жара. Его кредо было: делай свою работу хорошо и не бросай людей в беде. Во время Боксерского восстания в Китае¹ он руково-

¹ Массовое вооруженное выступление китайцев против находившихся в Китае иностранцев (пользовавшихся исключительными правами) и китайцев, принявших христианство, начавшееся в 1899 году. Сопровождалось массовыми убийствами, было подавлено объединенной коалицией России, европейских держав, Японии и США в 1901 году.

Двадцатипятилетний горный инженер Герберт Гувер. Недолгая остановка в Калифорнии по дороге из Австралии в Китай.

дил постройкой баррикад для обороны селтльмента¹, а в 1914-м организовал эвакуацию американских граждан из охваченной войной Европы. Продовольственные поставки в Бельгию? Он решает этот вопрос, хотя ему и приходится многократно пересекать линию фронта. Когда в 1917-м США вступили в Первую мировую войну и было необходимо реорганизовать продовольственное обеспечение с учетом военных нужд, президент Вудро Вильсон поручил эту задачу именно Гуверу. Когда в 1921 году было необходимо организовать американскую продовольственную помощь России во время голода, то опять-таки решать эту задачу был направлен Гувер.

И в Китае, и в Бельгии, и в России, и в Соединенных Штатах действия Герберта Гувера шли по раз и навсегда определенной схеме. Для решения поставленной перед ним задачи он создавал надежно действующий механизм – организацию с максимально эффективной и экономичной структурой. Эффективность обеспечивалась за счет того, что создаваемые Гувером организации имели минимальный штат. Он не полагался на бюрократов и тонны бесполезных бумаг, кочующих из ящика в ящик – работающие на него люди делали конкретную работу, для чего им предоставлялся максимум возможностей (но при максимуме личной ответственности), и Гувер готов был лично отвечать за все успехи и поражения. Средства, расходуемые в таких организациях, выделялись скупно – но они выделялись на действительные нужды, а не исчезали в бюрократических дебрях и не выбрасывались на сомнительные прожекты.

Герберт Гувер не стремился в политику – политика сама нашла его. Он отказался в 1920 году номинироваться кандидатом в президенты от Демократической партии (когда ему предлагалось бороться за Белый дом в союзе с будущим противником Франклином Рузвельтом) – в 1921-м президент-республиканец Уоррен Гардинг назначил Гувера министром торговли. Результатом деятельности Гувера-министра стало снижение налогов, усиление экономической активности, формирование среднего класса – мощного слоя людей, живущих в достатке и формирующих новое лицо страны.

¹ Селтльменты – районы изолированного проживания иностранцев в китайских городах.

Franklin D. Roosevelt

Franklin D. Roosevelt

For State Senator

Counties of Columbia, Dutchess
and Putnam

Агитационная листовка двадцативосьмилетнего Франклина Делано Рузвельта, претендента на место в сенате штата Нью-Йорк.

После того как в 1927 году он организовал ликвидацию последствий катастрофического наводнения на Миссисипи и помощь пострадавшим от стихии, у руководства республиканцев не осталось сомнений, и лозунг президентской кампании 1928 года гласил: «Кто, кроме Гувера?» Казалось бы, после восьми лет непрерывного процветания Герберт Гувер, получивший от предшественников машину государства, выглядящую лучше, чем когда бы то ни было, сможет вновь применить не подводившие его ранее методы решения сложнейших задач и добьется великих успехов. Однако история повернулась так, что имя Гувера оказалось навсегда связано с одним из наибольших экономических кризисов, а его преемнику, Рузвельту, достались лавры победителя Великой депрессии.

Франклин Делано Рузвельт был полной противоположностью Герберту Кларку Гуверу. Франклин был поздним, любимым и тщательно опекаемым ребенком в семье железнодорожного магната. Если в возрасте пяти лет Герберт рассматривал инструменты в отцовской кузнице, то Джеймс Рузвельт взял своего пятилетнего сына в Белый дом на встречу с президентом Гровером Кливлендом – когда тот предлагал Джеймсу Рузвельту должность посла как плату за услуги, оказанные во время избирательной кампании. Если осиротевший Герберт вынужден был выискивать средства на образование, то для Франклина сразу же было уготовано место в школе в Гротоне, которую ее директор рассматривал как кузницу кадров будущей американской элиты, сливок общества. Если Гувер не рвался в политику, то Франклин Рузвельт с юных лет мечтал о ней – и перед ним сияла путеводная звезда Теодора Рузвельта, первого президента из их обширного клана.

Франклин Рузвельт не блистал успехами в школе и университете, но уже в юные годы он сумел освоить искусство общения с людьми. Не уделяя большого внимания университетскому курсу наук, он с головой погрузился в руководство университетской газетой, набирая первый опыт по управлению людьми при помощи слова.

Вскоре после окончания университета он использовал личную энергию, рано проявившийся талант оратора, деньги и связи семьи для того, чтобы ступить на стезю политика – оставив не сулящую славы работу клерка в юридической фирме. За де-

Герберт Гувер и сменяющий его на посту президента Франклин Делано Рузвельт.

сять лет он сменил кресло в Сенате штата Нью-Йорк на кресло заместителя военно-морского министра, а когда ему не было еще и сорока, он уже претендовал на должность вице-президента США. Даже тяжелая болезнь, сделавшая его инвалидом, не оставила его политических притязаний. В 1920-е годы он научился казаться своим для боссов партии, стоявших за кулисами во время принятия ключевых политических решений, а в 1928-м, когда Герберт Гувер выиграл первые в своей жизни выборы и стал хозяином Белого дома в Вашингтоне, Франклин Рузвельт сумел стать губернатором штата Нью-Йорк.

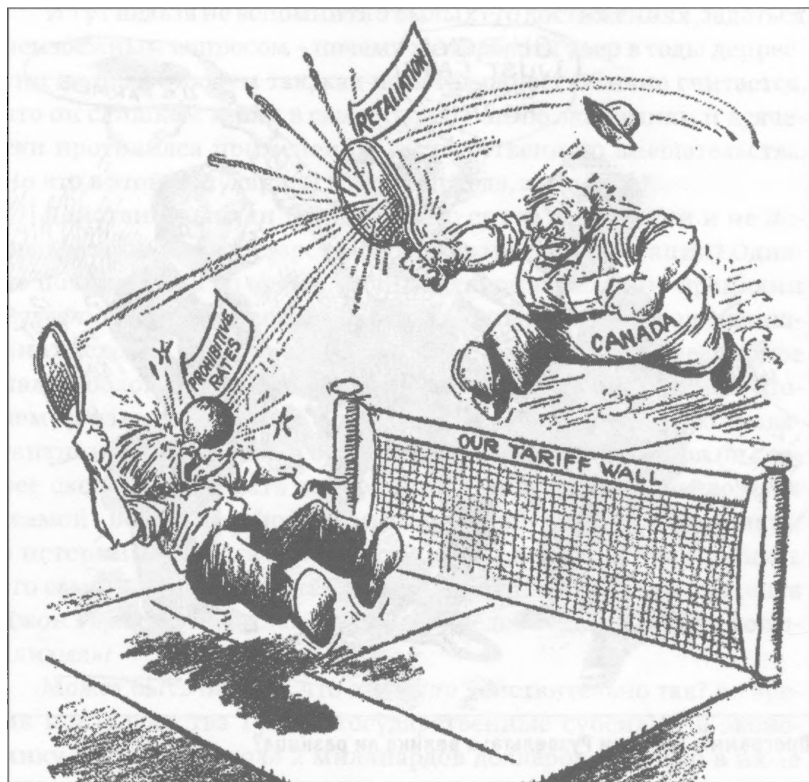
Решения и воля этих двоих – Гувера и Рузвельта – оказали ни с чем не сравнимое влияние на американскую и мировую экономику в годы Великой депрессии. Пристально взглянув на их действия, мы сможем понять, как экономика неотделима от политики и как решения, принимаемые политиками исходя из сугубо политических соображений, влияют на экономическую жизнь государства.

Вне всякого сомнения – и это очень хорошо видно из многочисленных исторических исследований – Франклин Делано Руз-

вельт не заслужил бы свои лавры, если бы его деятельность не противопоставлялась деятельности Герберта Гувера. Вне всякого сомнения - и это опять-таки хорошо видно из многочисленных исторических публикаций, - в деятельности администрации Гувера были значительные огрехи. Хотя сдававший хозяйство преемнику Калвин Кулидж и говорил о процветании, покое и довольстве во внутренних делах и о мире и доброжелательности в делах международных - однако администрация Гувера получила от предшественников значительное количество нерешенных задач. Во внутренней политике существенную проблему представляла неоднократно продленная отсрочка пенсионных выплат (бонусов) многочисленным ветеранам Первой мировой войны. Начавшаяся еще при двух предшествовавших президентах эпопея с отсрочкой выплаты бонусов повисла ярмом на шее у Гувера - хотя эта отсрочка и не была его виной, но именно на него было обращено недовольство бывших военнослужащих. Если в годы экономического процветания они были согласны подождать, то после начала кризиса они уже не соглашались на какое бы то ни было продление отсрочки. Точно так же проблема фермерской задолженности не возникла, а лишь обострилась при Гувере - корни же этой проблемы уходили на десятилетия в прошлое.

Во внешней политике наследство прежних президентов тоже не было в порядке. Хотя одержавшие победу в 1918-м страны Антанты и договорились о получении репараций с побежденной Германией, однако до конца этот вопрос отрегулирован не был - и, соответственно, не был отрегулирован и вопрос возврата европейскими державами тех военных долгов, которые они накопили перед США. Кроме этого, в связи с последовавшим после окончания Первой мировой экономическим спадом и желанием очистить рынки своих стран от проникших на них иностранных (большей частью - американских) компаний, европейские государства еще в первой половине 1920-х годов встали на путь тарифных войн, воздвигая новые таможенно-тарифные барьеры на путях иностранной продукции.

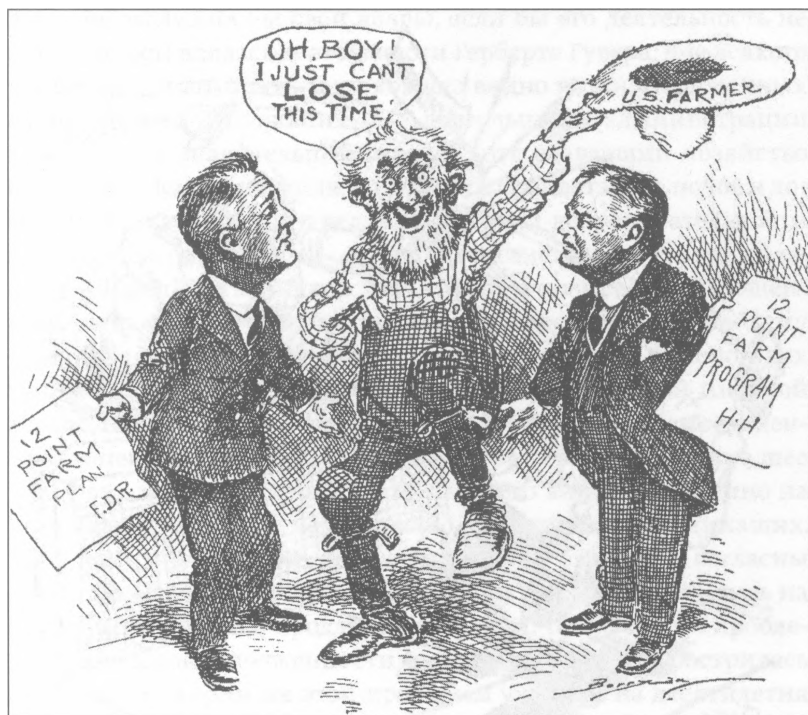
Уже упомянутый закон Смута-Хоули был ничем иным, как попыткой американского ответа на европейскую тарифную войну. Пытаясь привычным методом защитить американскую экономику от иностранной конкуренции, правительство подняло

1931 год. Тарифная война: неожиданный ответный удар даже от ближайших канадских соседей.

таможенные барьеры. Если изначально это считали действенной мерой по защите интересов американского бизнеса, то реальность показала, что новый закон привел к удорожанию сырья для американской промышленности и затруднил ее работу как раз тогда, когда она начала вставать на ноги.

Надо быть справедливым – президент Гувер со своей стороны являлся противником возведения новых таможенных барьеров и был на этом направлении дальновиднее многих. Однако здесь негативную роль сыграла именно та черта характера Гувера, благодаря которой он и был призван руководством республиканцев на главный пост в стране. Гувер был талантливым управленцем, он умел находить решения сложных задач – но даже на посту президента он ощущал себя лишь на-

Программы Гувера и Рузвельта: а велика ли разница?

емным работником, который должен находить оптимальный режим движения по проложенному заказчиком маршруту. Будь в 1930-м на месте Гувера человек с большим самомнением и убежденностью в собственной абсолютной правоте - и тарифная политика могла бы быть иной. Однако Гувер, хотя и был лично убежден в неправильности нового закона, тем не менее согласился с мнением боссов Республиканской партии и отказался от наложения вето. Этот случай является, пожалуй, наиболее ярким примером, показывающим неоптимальность руководства абсолютного технократа, «идеального управляющего хозяйством». Решение, принятое Гувером в соответствии с его политическими принципами, решение, принятое во исполнение партийного курса, решение, за которое он, тем не менее, взял на себя полную ответственность, привело к крайне негативному экономическому результату именно из-за «управленческой» позиции президента.

И тут нельзя не вспомнить о былых его достижениях, задаться неизбежным вопросом – почему же Герберт Гувер в годы депрессии не помог людям так, как помогал ранее? Обычно считается, что он слишком верил в самостабилизацию экономики и всячески противился применению государственного вмешательства. Но что в этой популярной версии правда, а что миф?

Действительно ли Герберт Гувер сидел сложа руки и не использовал мощь государства для исправления ситуации? Однако почему тогда во время избирательной кампании Франклин Рузвельт обрушивался на Гувера с критикой, обличая излишние расходы (шедшие на социальные программы), чрезмерное налогообложение и увеличение государственного долга? Почему Рузвельт обвинял оппонента в «бездумном и экстравагантном» расходовании средств, в стремлении «как можно скорее сконцентрировать контроль в Вашингтоне» и руководстве «самой незначительной администрацией мирного времени в истории» – то есть во всем том, в чем вскоре будут обвинять его самого? Почему претендующий на кресло вице-президента Джон Гарнер утверждал, что Гувер «ведет страну на путь социализма»?

Может быть потому, что это было действительно так? Во время президентства Гувера государственные субсидии в экономику составили около 2 миллиардов долларов, а только в июле 1932-го было выделено 300 миллионов долларов для оказания помощи и предоставления пособий в наиболее пострадавших штатах. Именно наиболее пострадавших, а не во всех – в этом весь Гувер: он ветировал введение национального пособия по безработице, полагая, что вместо помощи наиболее пострадавшим это распылит средства по всем, включая тунеядцев. И доля здравого смысла в этом есть – в 1932–1933-м безработица лавинообразно поднялась от относительно терпимых 8,9% до 25% – в среднем по стране. В это же самое время в штате Огайо в Кливленде она достигла 50%, а в Толедо – 80%. Однако как объяснить это тем, кто остался без работы в относительно благополучных городах и штатах?

Чем больше проблем возникало у администрации Гувера, тем больше шансов на победу на очередных выборах появлялось у его оппонентов – а готовиться к будущим политическим баталиям они начали заранее. Для завоевания Белого дома Фран-

1930 год. Миллионы государственной помощи, вливаемые Гувером, должны оживить американскую экономику.

клину Рузвельту предстояло одержать победу на «внешнем фронте» - против республиканцев, и на «внутреннем» - против доверивших ему губернаторское кресло боссов его собственной Демократической партии. Победы на «внутреннем фронте» он добился искусным политическим маневрированием (тем, которого так не хватало далекому от политической игры Гуверу) и умелым использованием коррупционного скандала в поли-

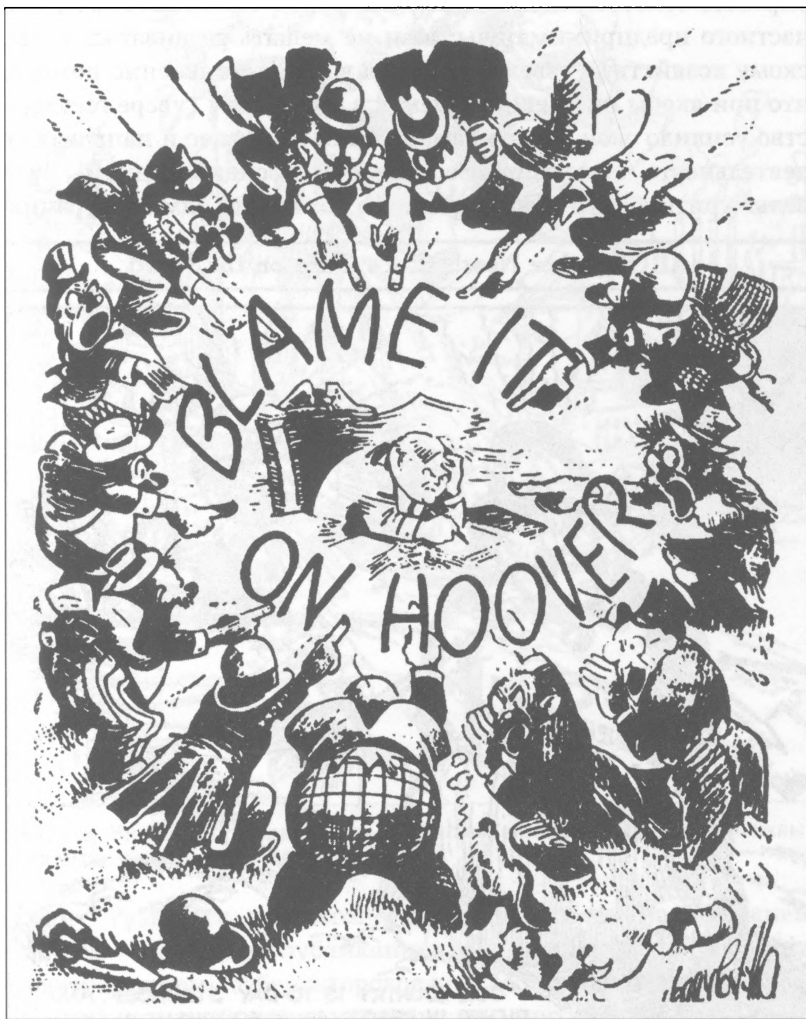
ции и мэрии Нью-Йорка, позволившим ему выбить из предвыборной гонки наиболее опасного внутрипартийного конкурента.

Что касается борьбы на «внешнем фронте», то Франклин Рузвельт шел к победе, требуя сократить на четверть расходы федерального правительства, сделать бюджет бездефицитным, гарантировать золотое обеспечение доллара, не вмешиваться в дела частного предпринимательства и не мешать развиваться сельскому хозяйству. Рузвельт требовал всего этого именно потому, что при якобы не вмешивавшемся в экономику Гувере государство усилило свои рычаги воздействия на бизнес и направляло деятельность сельхозпроизводителей субсидированием. Рузвельт критиковал Гувера именно за то, что его администрация

1930 год. Вопросы безработицы и оказания помощи кажутся почти решенными благодаря действиям Гувера.

во время Нового курса будет делать в еще больших масштабах, и Рексфорд Тагуэлл, один из лучших администраторов Рузвельта, много позже говорил: «Тогда мы в этом не признавались, но практически весь Новый курс был экстраполяцией программ, начатых Гувером».

У американских карикатуристов еще с XIX века был распространен сюжет с политиками и бизнесменами, которые перекладывают по кругу ответственность друг на друга. Но теперь все перекладывают вину на Герберта Гувера.

Джозеф Патрик Кеннеди-старший.

Но почему же Франклину Делано удалось войти в историю победителем, а его предшественник, лучший администратор, когда-либо становившийся президентом, обосновался в десятке худших обитателей Белого дома – ведь они делали одно и то же?

Ключевое слово здесь – страх. «Нам нечего бояться, кроме своего страха», – сказал Рузвельт во время инаугурационной речи, и это было то главное, что хотели услышать от него американцы. С осени 1930-го изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год они видели на улицах, слышали по радио, читали в газетах одно и то же: каждый день становился хуже, чем предыдущий, и впереди не было никакого просвета, а только скатывание во все более глубокую пропасть. Им нужен был хоть кто-то, на ком не висело темное пятно неудач, им нужен был хоть кто-то, кто дал бы им надежду на улучшение.

Хотя формальным главой избирательной кампании Франклина Делано Рузвельта был Джим Фарли, которого будущий президент переманил у партийных боссов, а главным спонсором - Уильям Вудин, который пришел из лагеря республиканцев, однако подлинным организатором победы был уже упомянутый мною Джозеф Патрик Кеннеди. Он обеспечивал мощную спонсорскую поддержку, он привлекал голоса влиятельного национального и религиозного меньшинства - ирландцев-католиков, он обеспечивал даже связи с известным гангстером Лаки Лучиано¹, но самое главное - он обеспечил Рузвельту мощнейшую информационную поддержку.

На протяжении десятилетий некоронованным королем американских массмедиа был Уильям Рэндольф Херст, человек, сделавший современную прессу тем, чем она является, поставивший сенсационность превыше объективности, а рост тиража превыше моральной чистоты - и при этом декларировавший, что «этика журналистики находится на самом высоком уровне по сравнению со всеми профессиями на свете». Владелец гигантской информационной империи, чьи ежедневные газеты выходили наибольшим суммарным тиражом, а иллюстрированные журналы выпячивали язвы общества - для привлечения публики. Французский историк прессы Пьер Альбер не зря определил Херста как «пожираемого политическими амбициями и личной озлобленностью», а биограф Херста Бенджамин Проктор утверждал: «Немногим американцам, за исключением некоторых президентов, удалось оказывать такое огромное влияние - положительное и отрицательное - на ход истории на протяжении 50 лет, как Уильяму Рэндольфу Херсту». Херст оказывал колоссальное влияние не просто на содержание газетных и журнальных страниц - он оказывал колоссальное влияние на умонастроение миллионов американцев².

Хотя Уильям Херст был уверен в успехе Гувера и скоротечности кризиса и считал Рузвельта политическим неудачником, обвиняя его в отсутствии патриотизма еще в далеком 1920-м, - од-

¹ В то время мафия активно зарабатывала политический и общественный капитал: даже одна из благотворительных столовых в Чикаго была открыта на средства гангстера Аль Капоне.

² Одним из достижений Херста явилось фактическое развязывание им Испано-американской войны 1898 года, способствовавшее повышению тиражей издаваемых им газет и журналов.

Уильям Рэндольф Херст.

нако именно Джозефу Кеннеди удалось использовать комплекс амбиций, личных обид и претензий на политическое влияние, довлевший над Херстом, и переманить газетного магната на сторону рвавшегося в президентское кресло Франклина Рузвельта. Именно пресса Херста - а из его газет черпал новости каждый четвертый американец - создала крайне негативную оценку экономической политики Герберта Гувера. В то время как сам

Херст зарабатывал миллионы на прессе и на трастовых спекуляциях, встроив в свою издательскую империю сложную финансовую пирамиду, его газеты были тем самым источником негатива, который способствовал ухудшению экономической ситуации. Когда мы говорим о новых волнах банковских крахов в 1931 и 1932 годах, то мы должны понимать, что паника этих лет была многократно усилена именно Херстом. Тысячи страниц десятков изданий превращали Гувера в политический труп: ни одна президентская ошибка не пропала для Херста втуне, все он использовал для наработки политического капитала своему союзнику Рузвельту, сам же Франклин Рузвельт, благодаря деятельности прессы, стал приобретать мессианские черты.

Деятельность Херста - а вернее, деятельность Рузвельта при помощи прессы Херста - может служить ярким примером информационного воздействия на экономическую жизнь. Как тут не вспомнить слова Томаса Джефферсона, третьего президента США: «Человек, который не заглядывает в газеты, информирован лучше, чем тот, кто читает их, точно так же, как ничего не знающий ближе к истине, чем тот, чей разум полон неправды и ошибок»?

В ноябре 1932 года наступил час триумфа. На выборах президента Франклин Делано Рузвельт получил на 7 миллионов голосов больше, чем его противник, и наибольшее количество голосов дал американский юг, где позиции прессы Херста были особенно сильны. Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Южная Каролина - в этих штатах поддержка Рузвельта превысила 90%. Пусть родной северо-восток симпатизировал Гуверу, и даже в вотчине нового президента - Нью-Йорке - перевес составил всего шесть процентов, общенациональная победа все равно была подавляющей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НОВЫЙ, НОВЫЙ, НОВЫЙ КУРС

Миллионы американцев к 1933 году были уверены, что их обманули и ограбили. Действительно, после того, как к 1933 году рухнуло несколько тысяч банков, а их вкладчики лишились своих сбережений – вполне понятной становится точка зрения на произошедшее как на невиданный ранее грабеж. Но при этом нельзя забывать, что лишь малая часть денег была обращена в золото и выведена таким образом за пределы страны. Хотя последовавший за биржевым кризисом перевод банкнот и золотых сертификатов в полновесное золото и последующий вывоз их из Соединенных Штатов и называется иногда в качестве важных причин углубления депрессии, но анализ статистических данных заставляет усомниться в особой роли этого процесса.

Даже если предположить, что вся убыль золотых монет и все золото, полученное по сертификатам Казначейства, в 1929 году ушло из США за границу, то эти потери составляют менее двух процентов от всего объема находящихся в обороте платежных средств. В 1930 и 1931 годах количество золота, осевшего в Казначействе в обмен на сертификаты, даже увеличилось, и только в первой половине 1932 года вновь произошло значительное сокращение золотых депозитов. Иными словами, говорить о существенном оттоке золота из США и о значительном влиянии этого фактора на протяжении первых лет Великой депрессии совершенно не приходится – большое внимание, которое в те годы обращалось на этот вопрос, совершенно не соответствовало реальной значимости проблемы «золотой утечки».

Если рассматривать положение с банками, то, хотя в результате трех волн банкротств количество их сократилось более чем на 7 тысяч (27% от общего числа), до 1932 года *суммарный* капитал американских банков оставался на относительно стабильном уровне в 70–74 миллиарда долларов. Словно гигантский насос перекачивал

денежные ресурсы из небольших провинциальных банков в банки-гиганты - и, хотя «средняя температура по больнице, включая морг» оставалась нормальной, в реальности это означало, что десятки и сотни тысяч фирм, десятки миллионов американцев, ранее связанных с небольшими банками, вылетали из экономической игры. С конца 1929 года по конец 1932-го объем выданных всеми банками США кредитов сократился почти на 16 миллиардов долларов - падение составило 37,8%, - и это сокращение кредитования превышало «золотую утечку» более чем в сто пятьдесят раз!

Американская экономика стала задыхаться не потому, что чемоданы и ящики с золотыми монетами и слитками уплыли за океан, а потому, что значительно сократилось финансовое движение. Испачканной зеленой краской бумаги было вполне достаточно - но на путях ее движения возникли заторы.

Хотя большая часть денег «застряла» у банков - членов Федеральной резервной системы, однако ни при Гувере, ни при Рузвельте это не вызвало жестких мер по принуждению членов ФРС к оживлению денежного оборота и американской экономики. Более того, те, кто покушался на ФРС (о них мы поговорим чуть позже), подвергались самой суровой критике. Не желая трогать китов американской банковской системы, многочисленные экономисты обращали свои взоры в противоположную сторону - к рядовым американцам. Врагом номер один, с точки зрения экономистов, становился тот, кто берег свои доллары; заставить американцев отказаться от накоплений, заставить их тратить и тем самым восстановить циркуляцию денег - вот что считалось необходимым для начала подъема.

Экономисты считали, что надо «как-нибудь» объяснить гражданам важность инвестирования, а не накопления средств, что надо «как-нибудь» подвигнуть их на то, чтобы они вновь стали доверять прежним экономическим принципам.

О политике и думском деятеле Российской империи Павле Милюкове ходила шутка: «Если бы политика была шахматной игрой и люди были деревянными фигурками, то Милюков был бы гениальным политиком». Точно так же можно было бы стать гениальным экономистом - если бы люди вдруг обратились в шахматные фигурки и начали беспрекословно выполнять правила, установленные игроками для гигантских экономических шахмат. Представители различных экономических школ рас-

ходятся между собой по многим вопросам, но они всегда едины в том, что по-маниловски прожектерствуют - ах, как было бы хорошо, если бы все граждане вдруг «как-нибудь» решились и начали поступать в соответствии с чаяниями экономистов.

При этом экономисты отнюдь не спешат говорить о том, каким именно смыслом они наполняют это «как-нибудь», каким именно способом следует подталкивать реальных людей к реальным экономическим действиям. На бумаге все легко и просто - знай пиши себе буквы и цифры экономических формул, а вот на практике оказывается, что для принуждения граждан к требуемым действиям нужны весьма жесткие меры, и странички, исписанные теоретическими формулами, начинают сочиться кровью.

«В течение четырех лет я изучал экономику, и все, чему меня учили, не согласовывалось с истиной» - эти слова Франклина Делано Рузвельта недвусмысленно дают понять, что он не очень-то высоко ценил кабинетных теоретиков. Однако тот метод, которым Рузвельт решил принудить американцев двигаться в нужном ему направлении, был предложен профессором Корнелльского университета Джорджем Уорреном. Метод был незамысловат: чтобы американцы оживились и бросились всеми силами вращать колеса экономики в погоне за каждым центом, их предлагалось сначала попросту ограбить. Нет, почтенный профессор, чей портрет украсил обложку журнала Time в ноябре 1933-го, не собирался лазить по ночам в чужие окна, таскать кошельки из карманов доверчивых граждан или рассылать письма с требованиями выкупа - его метод относительно честного отъема денег выглядел несколько иначе.

Специализируясь на экономике сельского хозяйства, Уоррен здраво полагал, что рост цен на продовольствие может и должен стать тем рычагом, который позволит сдвинуть американскую экономику с места. Едят все, поэтому рост цен на продовольствие заставит раскошелиться каждого американца, фермеры, получив деньги, пустят их в дело, и с этого момента, с этой инвестиции миллионов голодных желудков, американская экономика вновь начнет рост. Нет, разумеется, можно было ожидать, что американцы и без такого принуждения рано или поздно решатся активизировать экономическую жизнь в стране. Да, можно было, но Герберт Гувер, до конца своего президентства ожидавший, что американцы одумаются и вернуться к привычному образу дей-

Джордж Уоррен.

ствий, вылетел из Белого дома и отправился на рыбалку, сказав всем, что теперь-то он отдохнет от прежних забот. В отличие от Гувера, Франклин Рузвельт шел в политику не как исполнитель чужой воли и ни в коем случае не собирался менять полученную власть на спокойствие и отдых.

Кроме этого, именно Рузвельт, как никто другой, был осведомлен о силе страха, сковавшего американцев, осведомлен и об источнике этого страха. Теперь ему предстояло провести довольно хитрую комбинацию – одновременно дать американцам надежду и вывернуть их карманы. Казалось бы – задача из разряда неосуществимых, но он предпочитал решать именно такие.

Тонкий знаток человеческой души, он прекрасно понимал, о чем думают простые американцы после многочисленных банковских обвалов. Обладая мощным пропагандистским аппара-

Банковские каникулы и запрет на вывоз золота.

том, он имел невиданные ранее возможности для направления недовольства граждан в требуемое русло. Если Гувер полагал президентские выступления по радио чем-то неправильным – ведь «президентская речь будет упакована между двумя блоками рекламы лекарств как ветчина в сэндвиче», – то для Рузвельта вопрос совместимости его выступления и рекламных блоков не был проблемой. Еще за много лет до Белого дома он начал использовать радиовыступления для донесения своих идей до американцев, минуя посредников, – и для того, чтобы эффект от выступлений был наибольшим, был даже приглашен дантист, исправивший небольшую щель между зубами, создававшую неприятный присвист в разговоре. Став президентом, он довел искусство радиообращений к нации до совершенства. Его «беседы у камина» – выступления, организованные в форме приятельского общения с радиослушателями, – стали образцом риторики.

Обладая такими талантами, Франклин Рузвельт без особого труда определил виновников всех бывших и будущих бед – таковыми были провозглашены банкиры. Но определяя в марте 1933-го банкиров как «нечистоплотных менял», президент отнюдь не угрожал большим банкам. Эта его первая «беседа у камина» не была обвинительным вердиктом против ФРС – это было лишь оглашение предлога для проведенных Рузвельтом «банковских каникул». Эта акция, объявленная Рузвельтом сразу же после инаугурации, преподносилась обществу как расчистка авгиевых конюшен – закрытые на время каникул банки подвергались проверке, и часть их была официально объявлена благонадежными. Таким образом, делался первый шаг по

возвращению американцам веры в возрождение экономики и в решительного президента, борющегося с теми, кто был объявлен врагом общества.

Вот только ценой этого шага стали новые банковские банкротства - и вновь не выдержали не крупные банки, а небольшие, деятельность которых была парализована внезапным президентским указом и не смогла восстановиться после него. Было ли это экономическим поражением вследствие действий Рузвельта? Да. Но это одновременно было и его политической победой, а когда речь шла о политике - ничто не считалось им слишком большой платой за успех.

Следующим шагом стала помощь тем, кто пострадал от действий «нечистоплотных менял». В одной только Оклахоме к 1933 году 203 тысячи фермерских семей - чуть менее половины всех жителей штата! - находились в самом бедственном положении. В мае 1933 года, в соответствии с только что принятым законом, была сформирована Администрация по регулированию сельского хозяйства (AAA, Agricultural Adjustment Administration). AAA была одной из множества новых организаций, созданных Рузвельтом, так называемых «алфавитных агентств». Такое прозвище они получили за однообразие названий - AAA, CAA, CCC (было две различные организации с таким названием), CWA, FCA, FCC, FNA, FWA - и так далее, и так далее, сотня разветвленных бюрократических структур, контролировавших и направлявших жизнь американских граждан. По мнению известного экономического и политического аналитика Джона Флинна, критика рузвельтовской политики, о некоторых из них не знал даже глава комитета по контролю за правительственными расходами - но нельзя не отметить, что первая из этих администраций была создана еще при президенте Гувере по образцу действовавших во время Первой мировой войны. Не Рузвельт был тем, кто начал переводить руководство страной на путь жесткого контроля со стороны государства, но именно у Рузвельта хватило силы воли не останавливаться на полпути. В отличие от Гувера, который, как хороший управляющий, лишь старался реализовать партийный курс, Рузвельт ставил интересы своей политики выше партийных и поэтому добивался успеха.

Схема взаимодействия государства и фермеров была довольно проста: период с 1910 по 1914 год был объявлен временем, когда существовал примерно равновесный баланс между расходами

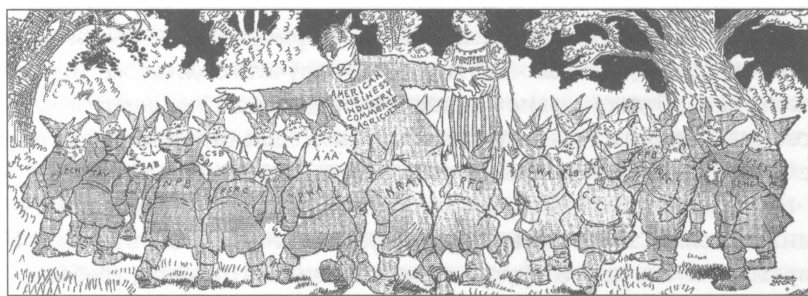
«Алфавитные агентства» с точки зрения сторонников Рузвельта: веселье и радость...

и доходами фермеров. Государство в 1933-м объявляло уровень цен двадцатилетней давности оптимальным и, чтобы достичь его, предлагало фермерам сократить производство сельхозпродукции, создавая тем самым предпосылки для роста цен на продовольствие. Это предложение, естественно, подкреплялось гарантированными выплатами от государства, которые фермер получал за незасеянное поле или за запаханный в землю уже выращенный урожай. Казалось бы, предложение для фермеров более чем выгодное – теперь можно работать меньше, а получать столько же, только часть денег будет идти не с рынка, а от чиновника, сидящего в офисе под портретом Рузвельта. Казалось бы. Но давайте для начала посмотрим на некоторые моменты, обычно остающиеся в тени.

Откуда Рузвельт мог взять деньги на оплату фермерам за незасеянные поля? Сэкономить на других расходах он не мог – в это самое время запускались и другие государственные расходы, требовавшие миллиардных трат. Так, в рамках действия одного лишь закона о восстановлении промышленности, было израсходовано более

трех миллиардов долларов – столько же, сколько было потрачено на поддержку американской индустрии за десять предшествовавших лет. Что же, просто печатать доллары, не заботясь об их обеспечении? Или, невзирая ни на что, требовать военные долги с европейских стран, ухудшая отношения с ними – и без того не идеальные? Нет, деньги на реализацию программ Нового курса были взяты из карманов американцев. За месяц до начала операции по подъему цен на продовольствие Рузвельтом был подписан указ 6102, по которому граждане США должны были в обязательном порядке продать Федеральному резерву золотые монеты, золото в слитках и золотые сертификаты из расчета 20 долларов за унцию золота. Можно ли было уклониться от продажи золота государству? Да, можно было, но в этом случае, если ты не ювелир, не дантист и на руках у тебя более пяти унций (160 граммов) золота, тебя ожидал штраф в размере десяти тысяч долларов в соответствии с законом о торговле с врагом – законом, введенным еще тогда, когда США вступили в Первую мировую войну. Спустя самое непродолжительное время, когда золото перекочевало в государственные хранилища, доллар был девальвирован и цена золота увеличена до 35 долларов за унцию. Если учесть, что золотых монет и золотых сертификатов в обороте в это время было на сумму более 586 миллионов долларов, то навар, полученный государством только на монетах и сертификатах, составил немногим менее полумиллиарда долларов.

Но с другой стороны – а какое, собственно, было дело какому-нибудь фермеру Джонсу из Айовы до ситуации с золотом? Все держатели золота и золотых сертификатов Казначейства не составляли и десятой части населения США, тогда как в целом в сельских районах проживало немногим менее 44% всех аме-

...но с точки зрения оппонентов Рузвельта «алфавитные администрации» лишь запутывают сбитый с толку американский бизнес.

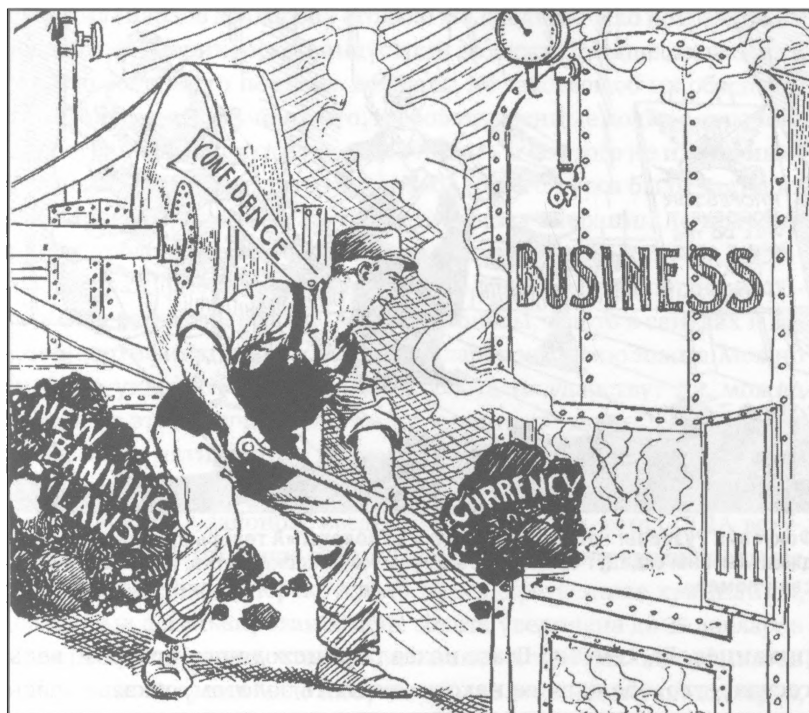

Фокусник Рузвельт избавляет публику от золота: «А теперь присутствующие джентльмены отдадут свои золотые зубы моей ассистентке, и мы закончим свой номер».

риканцев. Да, сенатор Гласс назвал происходящее позором, ведь государство, обещавшее некогда платить золотом, отказывалось держать свое обещание – но разве у фермеров под подушкой хранились горы внезапно подешевевших золотых слитков?

Куда как важнее, чем отказ государства от соблюдения прежних обещаний в отношении золотых сертификатов, было несоблюдение государством новых обещаний по поддержке фермерских хозяйств и компенсации ликвидируемого урожая. Да, 87 тысяч оклахомских фермеров, выращивавших хлопок, получили 15 миллионов долларов за то, что запахали будущий урожай в землю, 7 миллионов составили выплаты за сокращение посевов пшеницы, 4 миллиона выплатили за уничтожение свиней. Но все эти платежи государства были много ниже объявленного законом паритетного уровня. По данным Билла Гензела, фермеры в 1933-м получили от продажи подорожавшей сельхозпродукции и от государства только 43% обещанного, максимальный уровень – 89,9% от паритетного – был достигнут только в 1941 году, причем государственные платежи составляли не более 17% в 1940 и менее процента – в 1933-м.

Кроме этого, для реализации выплат фермерам и поддержания других своих программ администрация Рузвельта ввела

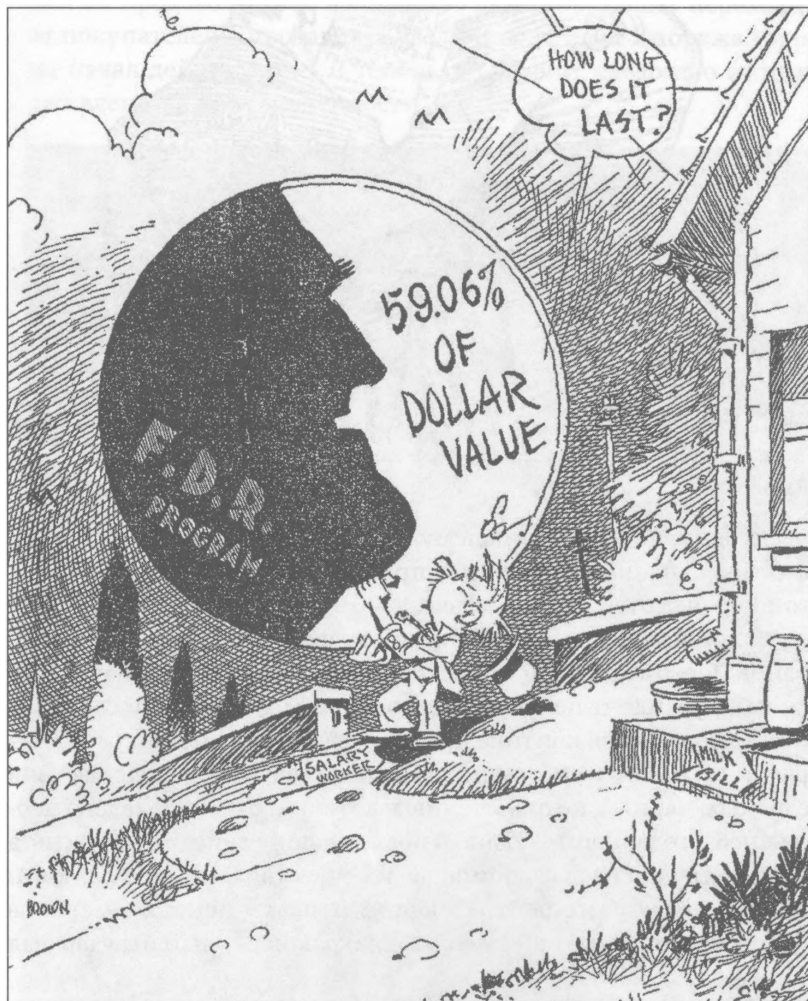
Подешевевшие в результате инфляции деньги должны стать топливом для экономики...

налог на компании, занимавшиеся переработкой сельхозпродукции. Введение этого налога побуждало эти компании для минимизации трат закупать сельхозпродукцию по низшим ценам, что привело к росту стоимости продуктов питания и товаров – начавший оживать рынок получил ощутимый удар.

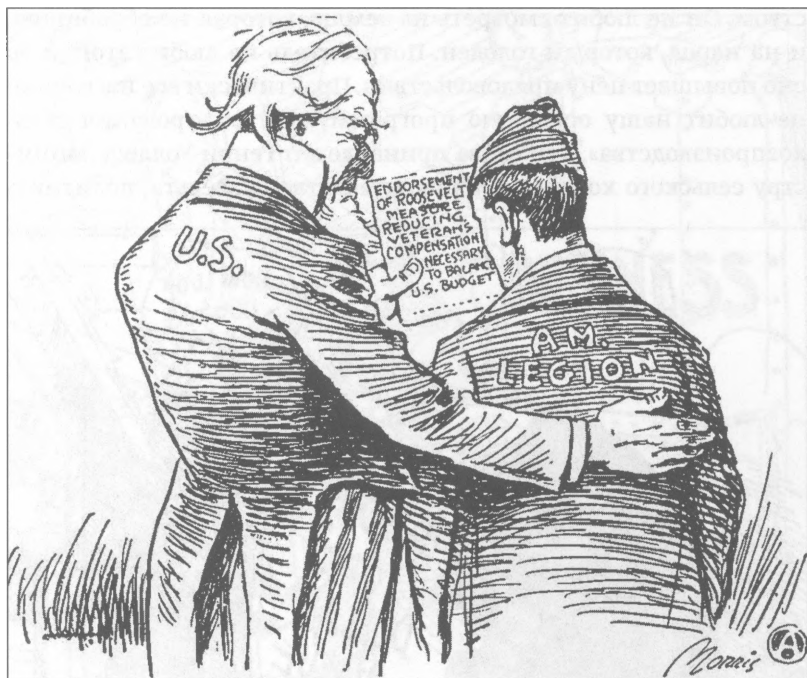
Наконец, выплаты шли только владельцам земли, тогда как фермеры-арендаторы не получали от государства ни цента, более того – при сокращении засеваемых площадей и поголовья скота они становились попросту не нужны землевладельцам. Какое-то время, пока у них еще были средства, они могли еще жить на арендуемых фермах, но затем их попросту выставляли на улицу и они присоединялись к многомиллионной армии бездомных и безработных, кочевавшей по стране в поисках хоть какого-то заработка.

«Мы должны будем делать те вещи, которые мы не желаем делать. Фермер инстинктивно противится контролю за производ-

ством. Он не любит смотреть на землю, которая не обработана, и на народ, который голоден. Потребитель не любит этого, ибо оно повышает цену продовольствия. Практически все население не любит нашу основную программу контролирования сельхозпроизводства». Эти слова принадлежат Генри Уоллесу, министру сельского хозяйства в правительстве Рузвельта, политику-

...но простых граждан пугает то, что в результате мер по стабилизации банковской системы доллары их личных сбережений подешевели почти в два раза.

Патриотизм по-новому.

республиканцу, получившему место у демократа Рузвельта фактически «по наследству» – прежде министром сельского хозяйства был отец Генри Уоллеса.

Нельзя забывать и о действиях Рузвельта в отношении ветеранов Первой мировой – а их среди фермеров было немало. Хотя новый президент получил кресло в Белом доме не в последнюю очередь благодаря критике предшественника за невыплату ветеранских пенсий и собственным речам с выражением сочувствия славным парням, по отношению к которым была проявлена черная неблагодарность, – однако последующие действия Рузвельта крайне трудно назвать помощью и сочувствием. Хотя Франклин Рузвельт и не разгонял требующих выплаты пенсий ветеранов силой, как это было при Гувере¹, однако нанесенный им удар был

¹ Разгон лагеря ветеранов войны в Вашингтоне, осуществленный войсками под командованием Дугласа МакАртура, вошел в американскую историю как «позорная бойня при Анакостии».

не менее болезненным, чем удары дубинок и ружейных прикладов, - прикрываясь лозунгом «стабилизации бюджета» и требуя «проявить подлинный патриотизм», он сократил величину ветеранских пенсий на 40%.

Но, может быть, в других областях все было хорошо не только в пропагандистских заявлениях, но и в реальности? После роста цен на продовольствие количество денег, начавших переходить от покупателей к продавцам, увеличилось, план Джорджа Уоррена начал действовать - и теперь, по теории, следовало ожидать оживления в промышленности.

1935 год. Генерал Хью «Железные Штаны» Джонсон перед комитетом конгресса по военным вопросам, обвиняющим его в пособничестве сговору судостроителей о завышении цен.

NRA VIOLATOR FREED FROM JAIL

Jacob Maged, Jersey City, N. J., tailor, was back with his family and his business after spending three days in jail. He was sentenced to a month in jail and fined \$100 for running afoul of the state NRA code when he pressed a suit for 35 cents instead of the minimum 40. The judge who first sentenced Maged not only suspended the sentence and remitted the fine but promised to have his own suits pressed at Maged's shop. The tailor is shown reattaching the blue eagle to his window. (Associated Press Photo)

Одна из многочисленных газетных публикаций о Якове Магиде. Вышедший из тюрьмы портной размещает эмблему NRA в витрине своей мастерской.

Да, оживление было. Но, например, в швейных мастерских его наблюдали в основном по ночам – и в этом нет ничего странного. Созданная летом 1933 года Национальная администрация по восстановлению промышленности (NRA, National Recovery Administration) применяла в мирное время те же способы государственного влияния на бизнес и промышленность, которые администрация Вудро Вильсона использовала во время Первой мировой. Отставной бригадный генерал Хью «Железные Штаны» Джонсон, объявленный журналом Time человеком года, действовал на посту директора NRA с той же лихостью, с которой в 1913–1914 годах участвовал в интервенции в Мексику.

Что же это были за способы? Более пяти сотен кодексов, выпущенных NRA, ультимативно определяли правила игры более чем для двух миллионов работодателей, более чем для двадцати двух миллионов рабочих. Обычный портной Яков Магид вошел в историю, угодив за решетку за нарушение одного из кодексов NRA: Магид брал с клиента 35 центов вместо 40 и тем самым якобы жутко демпинговал и подрывал американскую экономику. Чтобы выявить таких вот храбрых портняжек, подчиненные Хью Джонсона устраивали облавы, арестовывали бухгалтерские книги и внезапными налетами с вышибанием дверей – так же, как до отмены сухого закона охотились на бутлегеров¹, – проверяли, не сидит ли кто-либо за швейной машинкой в запретное ночное время.

Придя к власти на волне общенационального страха, получив от конгрессменов и сенаторов широкие, фактически диктаторские, полномочия того уровня, который американские президенты получали ранее лишь во время войн, Франклин Делано Рузвельт принялся перекраивать страну под себя – используя те лекала, которые создавались предшественником, и добавляя новые. Одержать *политическую* победу было для него более важно, чем добиться действительного прогресса в экономике: экономика была для него лишь придатком к политике и инструментом для достижения политических целей. Позже мы рассмотрим дальнейшие последствия такого рузвельтовского подхода, а пока что нам предстоит разобраться, насколько исключительными были практикуемые Рузвельтом меры.

¹ Бутлегеры – гангстеры, промышленные торговцы нелегальным спиртным.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛОНГ, КОФЛИН, ТАУНСЕНД

7 марта 1935-го, после двух лет рузвельтовского Нового курса, в эфире национальной радиокорпорации NBC прозвучала речь, которую в настоящее время включают в сотню наиболее значимых речей и считают образцом ораторского искусства.

Автор этой речи - Хью Пирс Лонг, сын фермера-южанина и внук баптистского проповедника, бывший коммивояжер, бывший адвокат, бывший уполномоченный Комиссии железных дорог штата Луизиана, боровшийся за губернаторское кресло в 1924-м году со словами: «Я не нуждаюсь в поддержке больших боссов. Мне нужна поддержка простых людей». В 1928-м он провозгласил: «Каждый человек - король» и наголову разгромил своих оппонентов, получив почти столько же голосов, сколько и все его противники вместе взятые. Заняв кресло губернатора Луизианы и столкнувшись лицом к лицу с начавшейся депрессией, Лонг не изменил своим принципам и на протяжении своего губернаторства вел решительное наступление на экономический спад, куда как более решительное, чем Гувер и Рузвельт.

Еще в 1918 году он утвердился во мнении, что государство не просто может, а обязано решительным образом вмешиваться в экономическую деятельность, используя всю имеющуюся у него мощь для того, чтобы обеспечить достойную жизнь всем гражданам. Он не был сторонником минимальных точечных расходов, как Гувер (не желавший разбалансирования бюджета ради массированных социальных программ), он не был сторонником обширных трат в духе Рузвельта, более дававших пропагандистский, а не действительный экономический результат. Наученный годами своей адвокатской практики, когда он неоднократно отстаивал в суде иски, направленные против крупных компаний, и имея в друзьях и учителях члена сената Луизианы Сэмюэла Джеймса Харпера, считавшего, что США вступили в Первую мировую войну исключительно ради сверхприбылей

Хью Лонг

немногих финансовых магнатов¹, Лонг был уверен, что конфискационные налоги на прибыли гигантских корпораций должны стать источником поддержки и обеспечения благосостояния рядовых американцев.

Свою речь в марте 1935-го он начал словами: «Дамы и господа, по приказу из Белого дома правительство Рузвельта публично объявило войну Хью Лонгу».

Надо признать, что Лонг, с 1932 года сменивший кресло губернатора на представительство своего штата в Сенате США, был прав, говоря о войне между ним и президентской администрацией. К весне 1935 года он уже не просто подвергался непрерывным атакам в прессе, когда его одновременно позиционировали как большевика, желающего установить в Соединенных Штатах социализм сталинского образца, и как фашиста, жаждущего личной диктаторской власти, – нет, действия антилонговских сил вышли на новый уровень. По приказу Рузвельта ФБР активно рылось в «грязном белье» Лонга и его союзников, старательно (но безуспешно) пытаясь уличить их в коррумпированности

¹ За такие высказывания сенатор Харпер был предан суду по обвинению в нарушении «Закона о шпионаже».

Школьники Луизианы смогли получить бесплатные учебники по реализованной губернатором Лонгом программе улучшения образования в штате.

и уклонении от налогов¹; одновременно в Луизиане вспыхнул настоящий мятеж. 2 января 1935 года антилонговская оппозиция предприняла попытку вооруженного захвата власти, но потерпела поражение после введения военного положения – полиция и Национальная гвардия штата не пошли за мятежниками, а сохранили лояльность к Лонгу и губернатору Оскару Аллену – его преемнику и соратнику.

Чего же на самом деле добивался Хью Лонг, в равной мере цитировавший Библию и Конституцию США? Его программа основывалась на простой идее: Америка достаточно богата для всех, беда только в том, что 85% богатств страны сосредоточено во власти 5% населения. В самом начале 1930-х, когда Лонг считал предпринимаемые Гербертом Гувером меры для восстановления экономики и улучшения благосостояния граждан недостаточными, он выступил как союзник тогда еще кандидата в президенты Франклина Рузвельта. То, чем занимался Лонг в своем штате еще в 1930–1932 годах, можно считать своего рода «репетицией» – и удачной! – многих аспектов первого президентского

¹ Именно по обвинению в уклонении от уплаты налогов – а не за убийства и рэкет – был отправлен за решетку легендарный гангстер Аль Капоне.

срока Рузвельта. Здесь были и программы общественных работ, снижавшие проблему безработицы, и обширная реконструкция дорог под контролем и за счет правительства штата, и содействие образовательным программам, и многое другое. Впрочем, обо всем по порядку.

Президент США может претворять свои идеи в жизнь двумя способами - посредством указов и посредством принятия законов, проводимых через Конгресс и Сенат. Если в два последних (и самых критических с точки зрения экономики) года гу-

Увеличения налога штата на бензин на один цент и тщательного контроля оказалось достаточно для того, чтобы протяженность дорог с твердым покрытием в Луизиане увеличилась с 300 миль в 1928 году до 5000 миль в 1932 году, одновременно были трудоустроены 22 тысячи человек. Масштабная деятельность губернатора Лонга предвосхитила аналогичные программы Рузвельта и дала значительный экономический эффект, ускорив и удешевив перевозки.

веровского правления в Сенате у республиканцев был перевес в один голос, то в нижней палате демократы обеспечили себе большинство за счет опять-таки одного голоса, выдвинутого от рабоче-фермерской партии представителя Миннесоты. Таким образом, в лице законодателей возникал мощный барьер на пути президентских инициатив (ведь и среди республиканцев были популярны далеко не все решения Гувера). Ситуация в начале правления Рузвельта была совершенно иной – среди избранных одновременно с ним представителей штатов он имел подавляющее большинство – и именно это позволило ему на протяжении достаточно долгого времени без существенных проблем облекать в броню закона довольно-таки радикальные и неоднозначные решения. Кроме этого, был и еще один инструмент – право президентского вето на решения законодателей, – и Франклин Рузвельт использовал этот способ проявления своей личной воли чаще, чем любой другой президент, – четверть всех президентских вето за всю историю США принадлежит ему.

PATRONS ARE REQUESTED TO FAVOR THE COMPANY BY CRITICISM AND SUGGESTION CONCERNING ITS SERVICE 12008

<p>CLASS OF SERVICE</p> <p>This is a full-rate Telegram or Cablegram unless its deferred character is indicated by a suitable sign above or preceding the address.</p>	<p>WESTERN UNION</p> <p>NEWCOMB CARLTON, PRESIDENT J. C. WILFELDER, FIRST VICE-PRESIDENT</p>	<p>SIGNS</p> <p>DL = Day Letter</p> <p>NM = Night Message</p> <p>NL = Night Letter</p> <p>LCO = Deferred Cable</p> <p>NLT = Cable Night Letter</p> <p>WLT = Week-End Letter</p>
---	---	--

The filing time as shown in the date line on full-rate telegrams and day letters, and the time of receipt at destination as shown on all messages, is STANDARD TIME.

Received at 1931 AUG 17 AM 8 07

HS17 504 NL 4 EXTRA COUNT ALL PNS & 7 PGHS 1/148=

NEWORLEANS LA AUG 16

HON ROSS S STERLING=

GOVERNOR OF TEXAS PLEASE FORWARD AUSTIN TEX=

WE CAN RESTORE THE PROSPERITY OF THE SOUTH AND MATERIALLY THE BALANCE OF THE WORLD WITHIN LESS THAN TWO WEEKS TIME IF THE COTTON-PRODUCING STATES HAVE GOVERNORS AND OTHER OFFICIALS WHO HAVE THE COURAGE TO ACT NOW AND DECISIVELY.

1931 год. Телеграмма Лонга губернатору Техаса Стирлингу с предложением организации конференции «хлопковых штатов» для решения проблемы катастрофического снижения цен на хлопок и бедственного положения фермеров. Принятое губернаторами решение об ограничении посевов должно было стимулировать рост цены на хлопок, но было объявлено противоречащим конституции. Через два года программа сокращения производства для стимуляции роста цен будет проводиться Рузвельтом в общегосударственных масштабах.

Но был в этом и еще один нюанс - и весьма примечательный. Чем больше были развязаны руки у президента, чем меньше было у него преград, тем (разумеется, для тех, кто был способен внимательно смотреть и слушать) очевиднее становилась та истина, что именно на президенте лежит огромная ответственность за все происходящее - и хорошее, и плохое. Такая же огромная, как и те возможности, которые он получал вместе с почти тотальной поддержкой законодателей. Нужно было быть талантливым политиком (а Рузвельт таким был), талантливым демагогом, чтобы перекладывать вину за совершаемые ошибки на других - на законодателей, на банкиров и бизнесменов, на судей Верховного Суда, на профсоюзных деятелей, внешнеполитические и даже погодные факторы - не просто перекладывать, а перекладывать, стараясь вызвать доверие избирателя.

Тем опаснее для политики Белого дома становился тот, кто прямо говорил общенациональной аудитории об ответственности президента за неискоренение старых и создание новых экономических трудностей, тот, кто не просто говорил, а предлагал свою, простую и понятную множеству граждан программу.

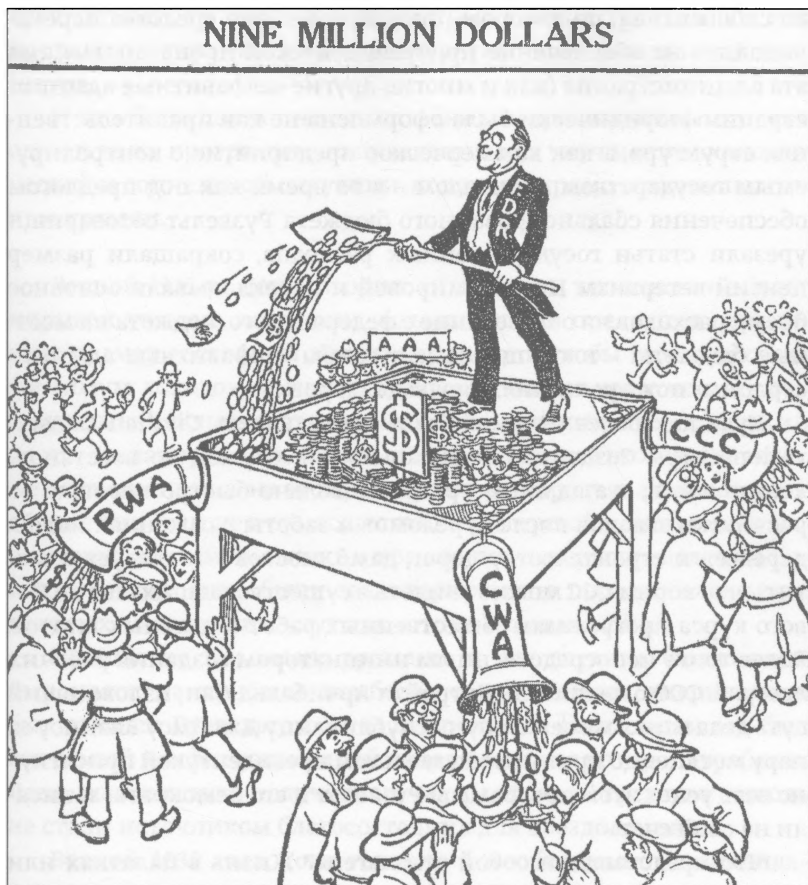
С Библией в одной руке и с конституцией в другой, Хью Лонг призывал «восстановить справедливость», введя прогрессивный налог (конфискационный по сути), который должен был отобрать деньги у миллионеров для последующего их использования на благо американцев среднего класса. Пять миллионов в качестве верхнего предела допустимого богатства он считал более чем достаточным, а две-три тысячи годового дохода для среднего американца - необходимыми. К лету 1935-го движение Лонга «Разделим наши богатства» насчитывало семь миллионов человек - в него входил почти каждый десятый взрослый американец. Хотя Лонг и не собирался выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах 1936 года, откладывая борьбу за Белый дом до 1940-го, но голоса его сторонников, выступающих *против* Рузвельта, могли поставить крест на надеждах президента на второй срок - и именно поэтому Хью Лонгу была объявлена война.

Одновременно с антилонговской массовой пропагандистской кампанией, одновременно с рысканьем специальных агентов ФБР в поисках финансовых зацепок и компромата, президент Рузвельт со своими соратниками раз за разом копирова-

ли те решения Лонга, которые были успешны на уровне штата Луизиана, и, уже от своего имени, распространяли их на всю страну.

Чем было, например, создание WPA (Works Progress Administration, ранее CWA, Civil Works Administration) под руководством Гарри Гопкинса, как не перелицовкой программ занятости и повышения образования, проводившихся Лонгом? Разве трудовые лагеря CCC (Civilian Conservation Corps), рабочие из которых строили дороги и мосты, не повторяли в национальном масштабе лонговскую программу дорожного и общественного строительства, начавшую реализовываться в Луизиане парой лет ранее?

Впрочем, было весьма существенное отличие. Нельзя сказать, что Лонг был совсем уже альтруистом и руководствовался в своих экономических планах исключительно интересами простых американцев, - нет, он не забывал о себе и своем политическом статусе. Но если в случае Лонга активность миллионов его сторонников была ответом на реальные преобразования - строительство дорог, поддержку фермерских хозяйств, развитие университетских и школьных библиотек и так далее, - то о деятельности CWA/WPA можно со всей уверенностью сказать, что ее реальный эффект был ничтожен. Как говорил ее руководитель Гарри Гопкинс (ближайший соратник Рузвельта, считавшийся иногда даже «серым кардиналом» при президенте): «У меня занято четыре миллиона человек, но Бога ради, не спрашивайте меня, чем они занимаются». WPA предоставляла людям такую «важную» работу, как отпугивание воздушными шарами птиц от общественных зданий, каталогизирование рецептов приготовления шпината, ловлю перекасти-поля, написание истории английской булавки и тому подобное. Суммарные расходы руководимой Гопкинсом администрации исчислялись миллиардами долларов - но 41% из расходующих сумм уходило на содержание бюрократического аппарата. По отчетности число людей, которым Гопкинс предоставил работу, было велико, но в реальности это мало влияло на снижение числа безработных - предоставляемая WPA работа обеспечивала только краткосрочную занятость, продолжительностью от нескольких дней до полутора месяцев. Образовательные программы WPA, такие, как обучение негров-подростков работе в качестве слуг в богатых домах

Оппоненты Рузвельта уверены, что программы Нового курса – это лишь подкуп избирателей.

и ресторанах, такие, как женские курсы ритмических танцев, отнюдь не гарантировали трудоустройства ни в качестве черной obsługi, ни в качестве танцовщиц в ревю. Реальный эффект деятельности WPA состоял совсем в ином – тысячи нанятых Гопкинсом актеров, певцов, художников, музыкантов работали на создание положительного образа президента Рузвельта и его Нового курса, создавали рекламу другим государственным программам. Иными словами, в случае WPA фактически имела место отнюдь не программа реального обеспечения занятости и восстановления экономики – в реальности эта администрация представля-

ла собой канал, по которому государственные средства перекачивались на обеспечение пропрезидентской пропаганды. Сама эта администрация (как и многие другие «алфавитные администрации») юридически была оформлена не как правительственная структура, а как коммерческое предприятие с контролируемым государством капиталом – в то время как под предлогом обеспечения сбалансированного бюджета Рузвельт сотоварищи урезали статьи государственных расходов, сокращали размер пенсий ветеранам Первой мировой и перекладывали основное бремя расходов на образование с федерального бюджета на местные бюджеты – плодящиеся как грибы «алфавитные администрации» пожирали миллиарды долларов.

Куда как более весомой была деятельность Civilian Conservation Corps. Созданная изначально как служба по восстановлению лесов, эта администрация довольно быстро перешла от расчистки завалов после буреломов и заботы о саженцах новых деревьев к строительству дорог, дамб, мостов – и следует отметить, что корни ССС можно увидеть в существовавших еще до Нового курса программах общественных работ отдельных штатов. Более того – непосредственным инициатором создания рабочих лагерей ССС был житель Детройта Арчибальд Сан, изложивший суть дела в письме сенатору-республиканцу Джеймсу Казинсу за пару месяцев до принятия Рузвельтом президентской присяги, – но весь успех этой программы Рузвельт и его демократы записали на свой счет.

Что представляли собой эти лагеря? Жизнь в палатках или деревянных бараках, работу, еду и отдых по команде, полный запрет алкоголя, азартных игр и встреч с противоположным полом. Но кроме еды, казенной одежды и инструментов те, кому посчастливилось попасть в такой лагерь, получали еще и неслыханные по тем временам деньги – целых 30 долларов в неделю, пять из них выдавали на руки для трат в магазинчике при лагере, а двадцать пять пересылали семье.

Как и на общественных работах у Лонга в Луизиане, это был тяжелый физический труд. Палящее солнце и ледяной ветер, иссушающая жара или болотная сырость – вот тебе кайло, лом, лопата – тебе несказанно повезло, у тебя есть работа. Но если на фото- и киноплёнке созданные правительством рабочие лагеря подавались как прекрасное средство борьбы с экономическими

трудностями, то точно такой же проект Лонга трактовался как проявление тирании политика, рвущегося к фашистской диктатуре.

И это было далеко не единственным проявлением того, как одни и те же программы, направленные на улучшение экономической и социальной ситуации, получали прямо противоположные ярлыки.

Весной 1935-го Лонг говорил: «Я надеюсь, что никто не будет поражен ужасом, когда они услышат, что я предлагаю ограничить размер состояний магнатов для того, чтобы гарантировать минимум доходов, жизни и комфорта маленькому человеку» – и призывал вспомнить, что Рузвельт получил президентский пост, декларируя будущую заботу о «маленьком человеке». Не останавливаясь на этом, Лонг отвергал предъявлявшиеся ему обвинения если не в сумасшествии, то в пустой демагогии, и напоминал, что именно такие принципы перераспределения богатств сверху вниз были задекларированы первопоселенцами, которых американцы чтут как «отцов-основателей».

Прошло не так много времени, и для латания бюджетных дыр налог на прибыль наиболее обеспеченных американцев был доведен Рузвельтом до 94 процентов – фактически это был тот самый конфискационный налог, введения которого требовал Лонг, но вот только полученные таким образом средства отнюдь не стали источником благосостояния для обездоленных.

Весной 1935 года Лонг говорил о необходимости ликвидации детского труда, о том, что дети должны учиться, а не выполнять тяжелую работу за минимальную оплату. Тогда это трактовалось как демагогический трюк и намерение лишить американские семьи части дохода. Очень скоро президент Рузвельт торжественно подписал закон, фактически запрещавший использование детского труда, – и это было восславлено как великое решение.

Весной 1935 года Лонг говорил о необходимости увеличения почасовой оплаты труда при одновременном сокращении длительности рабочего дня – через год в Конгрессе был принят закон Вагнера «о честных расценках за труд». Хотя в действительности Рузвельт не сделал ничего для прохождения этого закона и, более того, существовала озвученная им реальная угроза президент-

Одна из многочисленных театральных постановок по книге Синклера Льюиса «У нас это невозможно», организованных рузвельтовской WPA. Персонаж, ассоциировавшийся с Хью Лонгом, выступал как возможный создатель в США диктатуры гитлеровского толка.

ского вето, лавры человека, заботящегося о рабочих, достались именно президенту – ведь пропагандистская машина работала очень хорошо.

Летом 1935-го Лонг объявил, что ему стало известно о существовании направленного против него заговора – заговора, целью которого было убийство. Желающие его смерти заговорщики якобы были даже уверены в том, что Рузвельт обязательно простит убийцу своего политического противника.

8 сентября 1935 года Карл Вейсс, врач-отоларинголог, председатель медицинского общества Луизианы и отец трехмесячного сына, с самого утра пребывал в хорошем настроении. Но в этот же день в холле законодательного собрания штата он встретился с сенатором Лонгом – а далее показания свидетелей сильно разнятся между собой. По словам одних, он толкнул сенатора, другие утверждают, что Вейсс выхватил оружие, третьи – что толкнул се-

натора и изготовился стрелять; как бы то ни было, охрана Лонга открыла огонь на поражение, изрешетив доктора пулями. Одна из пуль охранника – а не доктора – угодила в Лонга, и после неудачно проведенной операции человек, которого президент считал одним из своих опаснейших противников, скончался в больнице, спрашивая, кто же был его убийца, и прося Бога не дать умереть.

Но труп Вейсса уже ничего не мог сказать, хотя предполагаемая нить заговора уходила к его тестю – судье Пави, давнему противнику Лонга. Существовала и другая версия, уводящая нить заговора в Вашингтон, к Рузвельту, однако убийство Лонга было ему не только не нужно, но и мешало. Ведь именно в то самое время, когда в Луизиане противники Лонга объединялись и готовили боевые группы для захвата общественных зданий, Рузвельт отдал приказ собрать материал, компрометирующий Лонга с финансовой стороны. Убийство Лонга могло превратить его в знамя для анти-рузвельтовских сил, тогда как если бы сенатора удалось поймать на финансовой нечистоплотности, Рузвельт был бы в выигрыше. Более того, есть и третья версия – а именно организация убийства Лонга кем-то из его ближайших соратников. Хотя посланным Рузвельтом людям и не удалось найти компромат на сенатора (а слухи о его связи с игровой мафией остались только слухами), тем не менее на крючок финансовых разоблачений были пойманы люди из его окружения, и им, сменившим после убийства окрас на про-рузвельтовский, вполне могло прийти в голову выйти таким образом из-под удара. Как бы то ни было – но Хью Лонг сошел в могилу с ярлыком фашиста, а его организация была ликвидирована¹.

¹ Через десять лет после смерти Лонга американский писатель Роберт Пенн Уоррен написал роман «Вся королевская рать», в основу которого положил биографию сенатора. В своем романе автор выставил его беспринципным политиком, не чурающимся никакой грязи для достижения своих целей. Сам Уоррен говорил о своем романе так: «Я могу с уверенностью утверждать лишь одно: если бы я не поехал жить в Луизиану и если бы Хьюи Лонг не существовал, роман никогда бы не был написан. Но это отнюдь не значит, что мой штат во “Всей королевской рати” – Луизиана (или какая-нибудь другая звезда из пятидесяти на нашем флаге) и что мой Вилли Старк – это покойный сенатор Лонг». Тем не менее отголоски политической войны Лонга и Рузвельта и писательский талант Уоррена привели к тому, что романный Старк стал тем образом, по которому стали оценивать подлинного Лонга. Уже первая экранизация романа принесла ее создателям трех «Оскаров», а в отечественном кинематографе роль Старка-Лонга блистательно сыграл Георгий Жженов.

В 1926-м, за два года до того, как Рузвельт впервые начал использовать в своей политической практике возможности широкого радиообращения к народу, в эфире детройтской радиостанции WJR начал выступать католический священник Чарльз Кофлин: еженедельная часовая радиопередача «радиопастыря» стала ответом на кресты, зажигавшиеся Ку-клукс-кланом около его церкви. Довольно скоро поначалу скромная аудитория слушателей «нового пророка» увеличилась до сорока миллионов человек – его слушал каждый третий американец. В чем была популярность отца Кофлина? В предельной простоте и понятности его радиовыступлений. Когда страну охватила Великая депрессия, простой американец пытался найти ответ на мучившие его вопросы – в чем причина спада, почему закрываются заводы, почему фермеры зарабатывают меньше, чем вложили в землю? Ответ Чарльза Кофлина был прост: за спадом американской экономики и разорением американских семей стоят банкиры, чьи грязные махинации вытянули честные доллары из карманов американцев.

«Друзья мои, я обращаюсь к гражданам Соединенных Штатов, чтобы немного поговорить о банках» – именно так Франклин Рузвельт начал свою первую «беседу у камина» 12 марта 1933 года. Совпадение? Ничуть. И Кофлин, и Рузвельт говорили людям то, что люди хотели услышать. Кофлин указывал на виновных – Рузвельт рассказывал, что путь найден и дело делается. «Новый курс – это курс Христа!» – под этим лозунгом мичиганский священник повел свою паству следом за Рузвельтом, став одним из его приверженцев. «Бог направляет президента Рузвельта!» – только так, и никак иначе. Самому Кофлину Бог подсказывал не только поддерживать финансовые реформы Рузвельта, но и требовать национализации железных дорог, предприятий, банков и расширения прав рабочих, угрожая поднять свою паству на революцию, «в сравнении с которой Французская революция будет просто забавной». Вот таких проповедей священнику-революционеру, обзаведшемуся собственной политической организацией – Национальным Союзом Социального Правосудия – простить уже не могли. Кофлин с его радикальными экономическими идеями и многомиллионной поддержкой становился опасен, и против него – католика и ирландца – Рузвельтом был брошен уже известный нам

Чарльз Кофлин.

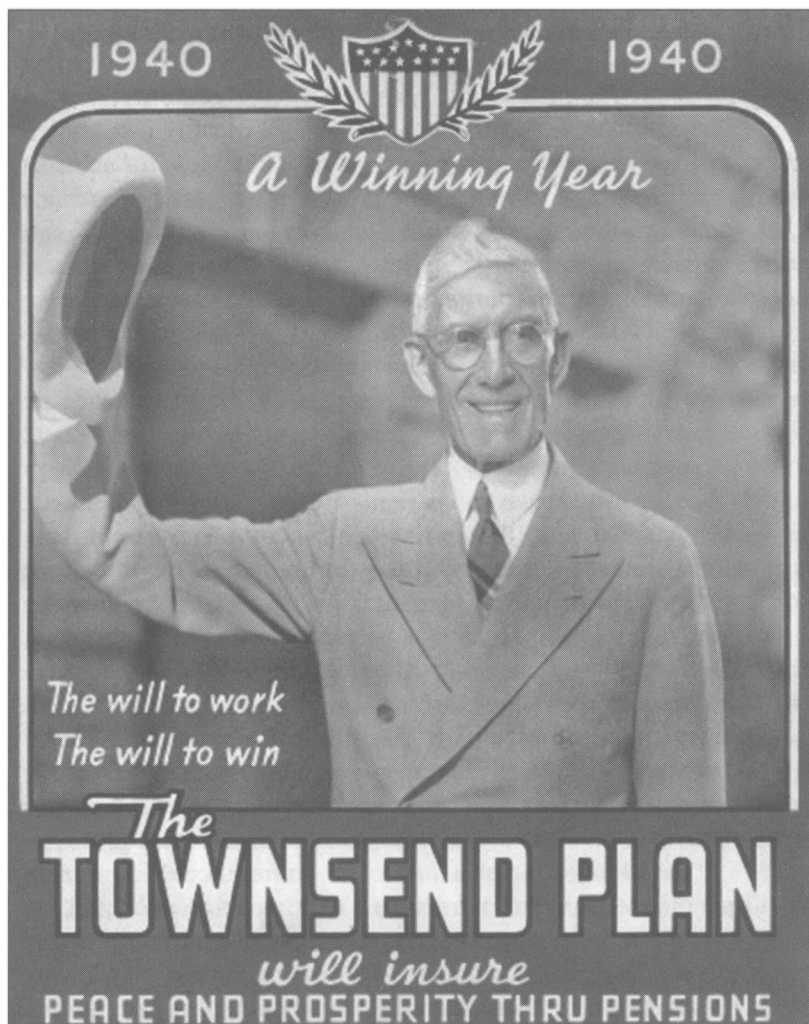
католик и ирландец Джозеф Кеннеди. Кеннеди повел борьбу не в одиночку – на его стороне были могущественные сторонники – бостонский епископ Франк Спеллман, первый американец, рукоположенный в епископы в римском соборе Святого Петра, и кардинал Пачелли, будущий Папа Римский Пий XII. Тяжелая католическая артиллерия, которую сумел задействовать Кеннеди, наголову разгромила Кофлина, который после

этого начал стремительно смещаться вправо. Когда в риторике Кофлина зазвучали крайне правые ноты, когда он начал при-
ветствовать европейские диктатуры, его жестко и решительно
лишили аудитории, пустив в ход административные рычаги
в Национальной радиовещательной ассоциации и угрозу ли-
шения сана.

Не меньшую опасность представляли собой и не такие ради-
кальные деятели. Рузвельтовская программа пенсий по возрасту
возникла не на пустом месте, а являлась попыткой перехватить
стремительно растущее политическое влияние Френсиса Таун-
сенда, калифорнийского доктора, предложившего для обеспе-
чения достойной жизни сограждан и придания ускорения эконо-
мике ежемесячно выдавать каждому американцу, достигшему
60 лет, по двести долларов с условием обязательной траты всей
суммы. Не удивительно, что у Таунсенда, как и у Лонга, были
миллионы приверженцев: каждый был не против получить впя-
теро больше средней заработной платы, причем получать вне
зависимости от былых заслуг, просто «на старость». Но кто из
этих миллионов, очарованных обещаниями Таунсенда, задумывался о том, что шестидесятилетних и старше в США более
десяти миллионов и двести долларов каждому – это два милли-
арда долларов государственных расходов *ежемесячно*, или двад-
цать четыре миллиарда в год, – при том, что суммарные расходы
государственного бюджета 1935 года составляли 14 миллиардов.
Таунсенд предлагал раздавать *ежемесячно* ту сумму, которую *за год*
собирались потратить на оборону страны, – надеясь обеспе-
чить свой план введением дополнительного двухпроцентного
налога на все коммерческие операции в стране, – но попытка
обеспечить такие выплаты привела бы только к галопирующей
инфляции.

Новый курс отнюдь не был единственным вариантом ради-
кальных преобразований – как мы видим, идеологов и сторон-
ников радикальных перемен было много, и они готовы были
для возврата к благополучию жертвовать существовавшими ра-
нее экономическими схемами. На заре Нового курса Рузвельт
говорил, что лучше пробовать, ошибаться и вновь пробовать но-
вое средство, чем ничего не делать вообще. Практика примене-

ния новых средств - расширения государственного вмешательства в пошатнувшуюся экономику - была начата еще во время президентства Гувера, и со временем во властных кругах только крепла убежденность в правильности этого подхода. Общий курс на решительное государственное вмешательство одобряли многие - разница была в том, как именно должно идти это вмешательство.

План Фрэнсиса Таунсенда прельщал американцев на протяжении многих лет.

Идущая одновременно политическая борьба не могла не влиять на экономику - те или иные проекты реформ мгновенно обрастали политическими ярлыками, и Франклина Делано Рузвельта называли «Сталиным Делано Рузвельтом», а Лонга, близкого к умеренному социализму, записывали в фашисты. Эта политическая борьба неизбежно приводила к тому, что политики шельмовали разумные экономические решения, облегчавшие выход из кризиса, - потому что они предлагались их противниками, - и одновременно изо всех сил отстаивали свои, даже те, которые лишь усиливали кризис.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

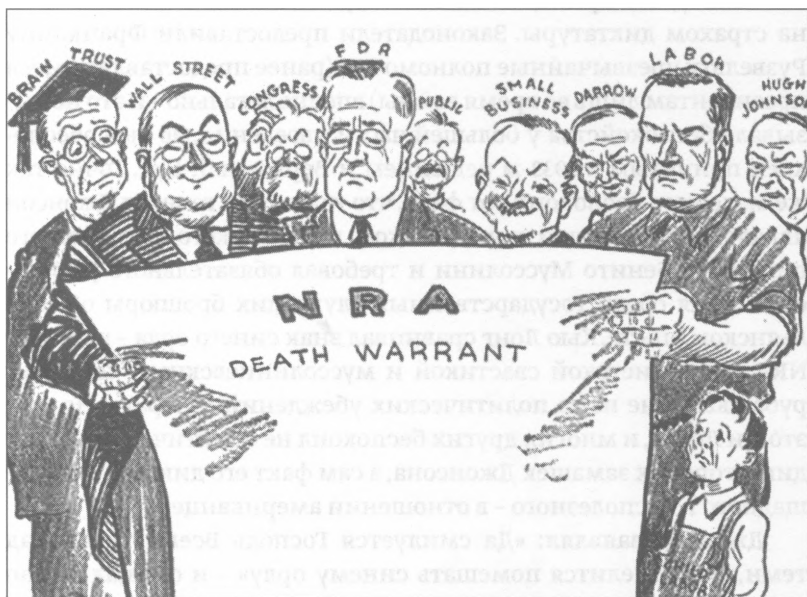
ПОД КРЫШКОЙ КИПЯЩЕГО КОТЛА

За всю историю Соединенных Штатов было лишь два случая, когда Верховный Суд объявлял решения президента страны антиконституционными, - и оба эти случая связаны с экономической политикой Нового курса. По мнению судей, полномочия, переданные Конгрессом NRA по требованию Рузвельта, были избыточны: чиновники этих администраций сами устанавливали правила экономической игры, сами контролировали исполнение этих правил и сами наказывали неисполнявших установленные правила - таким образом, эти чиновники узурпировали полномочия законодательной, исполнительной и судебной властей.

Замечу, что принципиальность судей отнюдь не была вызвана страхом диктатуры. Законодатели предоставили Франклину Рузвельту чрезвычайные полномочия (ранее предоставлявшиеся президентам лишь во время войны) вполне легально - и это не вызывало беспокойства у большей части населения, не был обеспокоен принятым в 1933-м решением и Верховный Суд. Точно так же мало кого беспокоил тот факт, что глава NRA генерал Джонсон являлся убежденным поклонником итальянского фашистского диктатора Бенито Муссолини и требовал обязательного распространения среди государственных служащих брошюры об итальянском опыте. Хью Лонг сравнивал знак синего орла - эмблему NRA - с нацистской свастикой и муссолиниевскими черными рубашками не из-за политических убеждений генерала. Но при этом и Лонга, и многих других беспокоил не политический окрас диктаторских замашек Джонсона, а сам факт его диктата - беспощадного и бесполезного - в отношении американцев.

Джонсон заявлял: «Да смилуется Господь Всемогуший над теми, кто осмелится помешать синему орлу» - и обещал лично дать в нос каждому, кто осмелится выступить против установленных его администрацией правил, но Верховный Суд оказался сильнее не только буйного генерала, но даже и облеченного чрез-

вычайными полномочиями президента. Дело в том, что судьи Верховного Суда никоим образом не зависели от решений действующего президента: каждый из судей имел свои полномочия пожизненно и, в отличие от конгрессмена, сенатора или даже президента не нуждался в переизбрании и не должен был подстраивать свою деятельность под нужды момента. Девять судей - или «девять старцев», как называла их пропрезидентская пресса, - не были поголовно противниками рузвельтовской экономической диктатуры - резко против Рузвельта выступали только судьи Батлер, МакРейнольдс, Сазерленд и ванДевантер - «четыре всадника Апокалипсиса», - но благодаря колебавшимся членам суда они сумели настоять на юридическом запрете двух ключевых экономических администраций. Казалось, что судья Верховного Суда Луис Брэндейс прочел эпитафию Новому курсу: «Это конец политики централизации, отправляйтесь к президенту и скажите ему, что мы не собираемся позволять этому правительству централизовать все» - и особую значимость его словам придавало то, что Брэндейс считался одним из сторонников президентской по-

«Смертный приговор» NRA и вызванные им смешанные чувства: задумчивость Конгресса, огорчение как Рузвельта и его помощников, так и рабочих, негодование генерала Джонсона и радость бизнесменов.

Новый курс не смог им помочь: очередь в ночлежку.

литики. Деятельность NRA и все ее кодексы о регулировании цен, объемов продукции, продолжительности рабочего дня объявлялись вне закона – и в тот же день, 27 мая 1935 года, противоречащими конституции был объявлен регулировавший банковскую деятельность закон Фрейзера-Лемке¹. В этот же день президенту было запрещено увольнять руководство администраций без

¹ Согласно этому закону вводилась пятилетняя отсрочка на выплату фермерскими хозяйствами долговых обязательств и еще на шесть лет устанавливалось преимущественное право выкупа описанного за долги имущества по его начальной стоимости. Этот закон был слишком слабой помощью тем фермерам, которые задолжали банкам, – они разорились и лишились имущества еще до принятия закона, но ударял по бизнесу тех, кто поставлял фермерам удобрения, топливо, электричество. Кроме этого, на деле исключительное право выкупа создало почву для махинаций на имущественных аукционах. Позже был принят обновленный закон, с отсрочкой, сокращенной до трех лет, просуществовавший до 1949 года.

одобрения Конгресса – неудивительно, что у Рузвельта этот день называли «Черным понедельником». Хотя этот день стал черным для президента, но миллионы людей вздохнули с облегчением, ведь кодексы были настолько всеохватывающими, а запутаться в них и угодить под жесткие штрафы и тюремные сроки было так легко, что только самые опытные адвокаты могли дать совет, как вести бизнес в соответствии со все новыми и новыми требованиями бюрократов из администрации. Вскоре после запрета экономической диктатуры в промышленности была запрещена и деятельность сельскохозяйственной администрации.

Но следует подчеркнуть, что решение судей было решением не только и не столько экономическим, сколько политическим. Негативный экономический результат деятельности NRA проявился сразу же после начала ее работы: во втором полугодии 1933-го *падение* промышленного производства составило 25%, тогда как в первой половине 1933-го, до начала рузвельтовских реформ, промышленное производство *выросло* на 69%. Считается, что деятельность NRA привела к удорожанию бизнеса на 40% – но Сенат, Конгресс, а затем и Верховный Суд активизировались лишь тогда, когда оказались затронуты интересы близких им компаний. В политических кругах мало кого интересовал вопрос выживания наемных сельхозработных, оставшихся без средств к существованию после начала деятельности AAA. Запрет деятельности сельскохозяйственной администрации произошел лишь тогда, когда крупные землевладельцы поняли, что они недополучат в полном объеме государственные выплаты за запаханый урожай, уничтоженный скот и незасеянные поля, – тогда-то они и использовали все свои связи.

Используя экономический провал в промышленности и сельском хозяйстве для борьбы против президента и ориентируясь на предстоявшие в 1936-м очередные президентские выборы, республиканцы сознательно забывали о том, что создание специальных администраций, находившихся вне традиционной системы управления государством, было начато еще при Герберте Гувере. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что гуверовские экономические администрации ориентировались больше на добровольное сотрудничество, чем на диктат, – по сути, Рузвельт позаимствовал оболочку чужой идеи и наполнил ее новым содержанием по своему вкусу.

Пока Рузвельт в облике повара соединяет в котле своих реформ множество чужих ингредиентов – его посетитель беспокоится о последствиях этого «кулинарного эксперимента».

Также следует отметить (и это важно!) что критиковалось не вмешательство государства в деятельность бизнеса как таковое, а лишь размер и формы этого вмешательства. Те, кто сейчас критикует действия Рузвельта в экономике с позиций «свободы рынка» (имея в виду абсолютную его свободу), отказываются помнить о том, что сторонники свободы рынка 1930-х жаждали не абсолютной и безудержной свободы, но полагали, что государственное вмешательство должно быть относительно небольшим. Иначе ведь и быть не могло: одно из первых существенных вмешательств государства в экономику на рубеже XIX и XX веков – введение антитрестового законодательства – было именно борьбой за свободу рынка против гигантской власти монополий.

В 1927-м это был преуспевающий фермер с семьей с половиной тысячами долларов годового дохода. Теперь он и его семья кочуют по стране, перебиваясь случайными заработками.

Какими же были реальные результаты экономической политики Рузвельта и какими были последствия юридического запрета двух главных элементов Нового курса?

Если в 1934 году уровень безработицы был равен 21,7%, то в 1935-м этот показатель был равен 20,1%. Казалось бы - налицо очевидный прогресс и улучшение экономической ситуации в стране, однако если рассматривать всю динамику процесса, то ситуация выглядит уже не так радужно. Снижение уровня безработицы в 1933-1934 годах составило 3,2%, а в 1934-1935, когда

реформы Рузвельта набрали максимальные обороты и деятельность его администраций еще не знала никаких ограничений, безработица сократилась только на 1,6%. Более того, в 1935–1936 годах, после решения Верховного Суда, снижение уровня безработицы вновь составило 3,2% – таким образом получается, что чем сильнее были противники Нового курса, тем лучше шли дела в американской экономике.

Если рассматривать динамику роста государственного долга и изменения статей государственного бюджета, то перед нами предстает следующая картина. Хотя в 1933 году были сокращены расходы на образование (на 100 миллионов долларов), оборону (300 миллионов), полицию и пожарную службу (100 миллионов), однако государственный долг вырос более чем на три миллиарда долларов – до 22,5 миллиардов. Бюджет 1934 года предусматривал снижение расходов на образование еще на 200 миллионов долларов, а на оборону – еще на 300 миллионов, но государственный долг вырос еще на полтора миллиарда. Обещая «сбалансированный бюджет» и даже сокращая ради этого обещанные ветеранские пенсии, Рузвельт, тем не менее, не спешил к этому балансу. Еще в годы своего губернаторства он щедро использовал казну штата Нью-Йорк для субсидирования тех социальных программ, которые, возможно, не давали наилучшего экономического эффекта, но обеспечивали поддержку будущих избирателей. Став президентом, он проводил экономические реформы не столько ради реформирования и оздоровления экономики, сколько для обеспечения собственного политического благополучия: миллионы долларов, направленные на оплату пропагандистской деятельности нанятых WPA актеров театра и кино, музыкантов и танцоров, не давали реального экономического эффекта, но давали эффект политический. Именно с WPA связано появление термина *boondoggle* (имитация полезной деятельности), но термин этот применим только в том случае, если рассматривать исключительно экономическую составляющую мероприятий, проводившихся рузвельтовскими администрациями. Так, создание киностудией Republic Pictures по личному заказу Рузвельта фильма «Тайна президента», рассказывавшего о хорошем бизнесмене, пошедшем навстречу рабочим, не приводило ни к появлению новых рабочих мест, ни к сокращению государственного дефицита – здесь эффект проявлялся в иной, неэкономической,

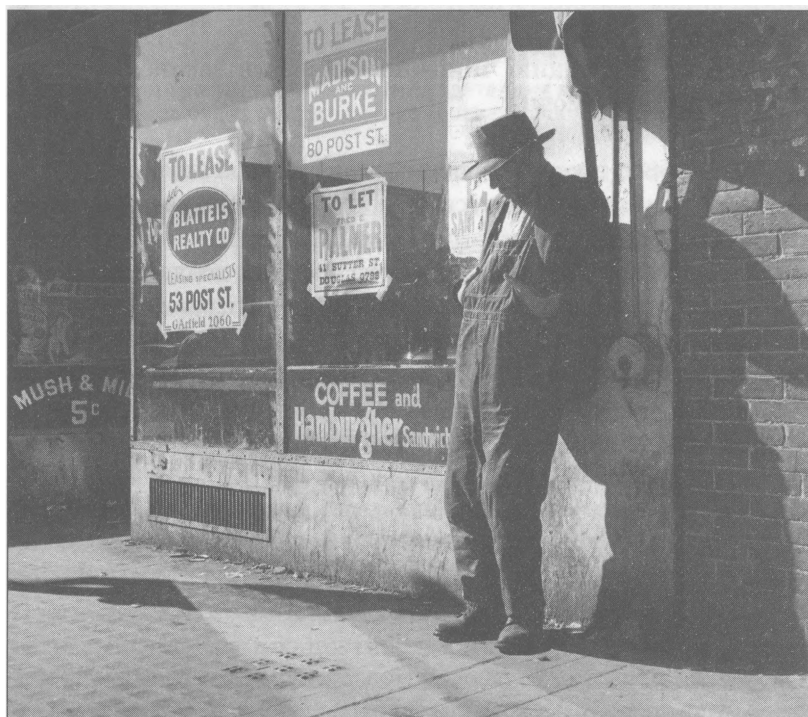
Оклахома, сельскохозяйственное сердце США: крупные землевладельцы продолжают жить в достатке, получая государственные субсидии, но мелкие фермеры лишились работы и земли. Бывший фермер, живущий в хибаре на городской окраине, ежедневно ходит в город в поисках хоть какого-то заработка.

плоскости. Ценность разовых акций WPA была не в предоставлении работы людям на месяц-полтора, а в той информационной волне, которая запущалась этими акциями.

Еще в 1934-м журналистка Лорена Хиккок сообщала Гарри Гопкинсу о том, что жители шахтерских поселков Алабамы полагали, что знают президента персонально: «Подумайте только – они воображают, будто он беседовал с каждым из них в отдельности!..» – как видим, радиовыступления президента в те годы, когда радио было пусть и стремительно распространяющейся, но все еще удивительной новинкой, значили очень много. «Еще одна забавная штука, – продолжала Хиккок, – это огромное количество писем

за подписью Рузвельта и госпожи Рузвельт, которые циркулируют здесь повсюду. Чаще всего они представляют собой всего лишь краткое и чисто формальное уведомление о получении жалобы или просьбы об оказании материальной помощи».

В то время лишь немногие понимали, как на самом деле работает правительство и как принимаются решения. Люди из ближнего круга Рузвельта могли сколько угодно спорить с ним по любым экономическим и политическим вопросам – пока Франклин Делано говорил: «Я думаю, что надо сделать то-то и то-то». Но как только он начинал говорить о себе в третьем лице и произносил «президент считает...» – это означало, что время дебатов закончилось и пришло время четко и беспрекословно выполнять волю и осуществлять планы единственного человека – Франклина Рузвельта. Второй существенной особенностью было то, что полномочия тех или иных подконтрольных президенту структур и права и обязанности их непосредственного руководства

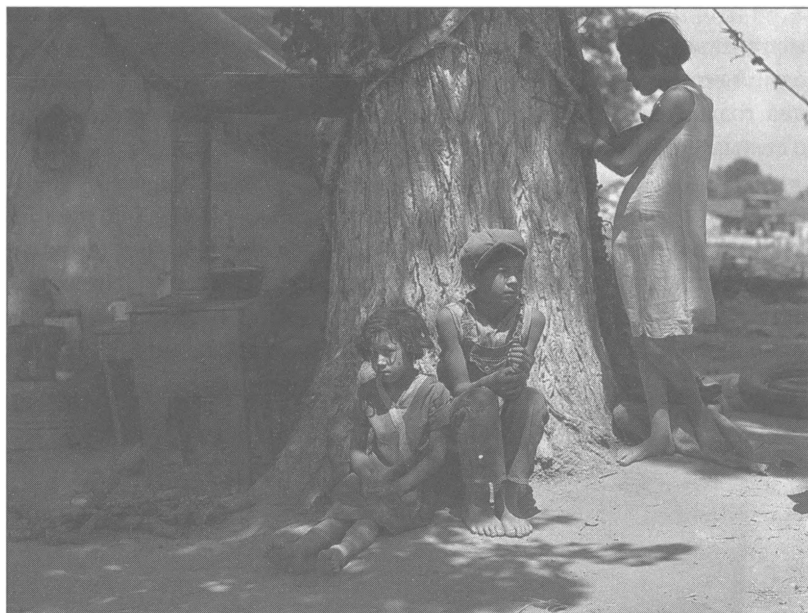
Голодный человек в сытом городе. Нью-Йорк.

определялись Рузвельтом весьма неточно: в результате нередко возникали конфликты полномочий. Такая ситуация означала, что распоряжения Казначейства (министерства финансов) могли вступать в противоречие с распоряжениями министерства торговли, а все вместе они могли противоречить точке зрения руководства министерства юстиции и большому числу документов многочисленных алфавитных администраций. Все это отнюдь не добавляло стабильности экономическому планированию и исполнению ранее назначенных планов, но позволяло президенту переложить личную ответственность на исполнителей более низкого уровня.

Когда Верховный Суд еще только рассматривал вопрос, запретить или разрешить деятельность NRA, президентского детища от начала и до конца – большая часть критики адресовалась не самому Рузвельту, а генералу Джонсону, который в полной мере стал козлом отпущения. Когда Верховный Суд вынес свой вердикт – виновным опять-таки оказался не президент, а Конгресс: ведь это конгрессмены в свое время узаконивали создание NRA и одобряли узурпацию чиновниками части законодательных и судебных полномочий.

В условиях продолжавшегося кризиса значительная часть экономических и политических факторов словно раскачивались на качелях: стоило отдать приоритет политически выгодным действиям, как экономика шла вниз. Каждый доллар, потраченный на действительно эффективные экономические программы (например, лагеря CCC), становился долларом, которого лишались пропагандисты из WPA. Можно было за государственный счет нанять безработных для агитации за Демократическую партию – но это не сказывалось на реальной экономической ситуации. Можно было устроить пышное шоу для рекламы NRA – но из потраченных на него денег лишь малая часть и на весьма непродолжительное время улучшала положение нескольких сотен актеров, а положение тех, чей зажатый кодексами бизнес приходил в упадок, это не улучшало и улучшить не могло.

Вызов, брошенный судьями Новому курсу, был опасен президенту отнюдь не тем, что были закрыты две из нескольких десятков администраций. Если требовалось создать новые рычаги для

Эти дети были брошены обнищавшими родителями в лагере для сезонных рабочих. Теперь они трудятся на сборе хлопка наравне со взрослыми.

влияния на жизнь страны взамен забракованных - это не составляло особого труда: администрации и так находились в процессе непрерывного реформирования, теряя одни функции и приобретая новые. Опасность решения судей была в том, что создаваемая Рузвельтом система могла работать лишь при условии, что его власть не оспаривается, а принятые им решения выполняются вне зависимости от того, чего в них больше - политики или экономики. Если против Лонга, Кофлина и других президент мог использовать законные или полузаконные методы - и использовал их, - то пожизненно назначенные судьи Верховного Суда казались неуязвимыми для подобного воздействия.

Вновь, как это уже не раз было раньше, экономика должна была отступить перед политикой. Напрочь позабыв о необходимости решения острейших экономических проблем страны, Рузвельт начал кампанию против самой системы Верховного Суда. Президентский план состоял в том, чтобы увеличить число судей (за счет своих сторонников) таким образом, чтобы противники действий Рузвельта не могли влиять на принятие решений в суде.

Хотя этот проект и был отвергнут конгрессменами, откровенно испугавшимися *абсолютной* диктатуры, но изнуряющая борьба одной ветви власти против другой затянулась почти на два года – два года, когда политика полностью довлела над экономикой – с самыми печальными для экономики последствиями.

Хотя в 1935-м ситуация и стала лучше, чем в 1933-м, но экономическое положение американцев оставалось весьма тяжелым. В результате деятельности администраций, созданных для вывода страны из кризиса, были потрачены сотни миллионов долларов, хотя для Гарри Гопкинса, по его собственным словам,

Цены этого бостонского зеленщика многим не по карману.

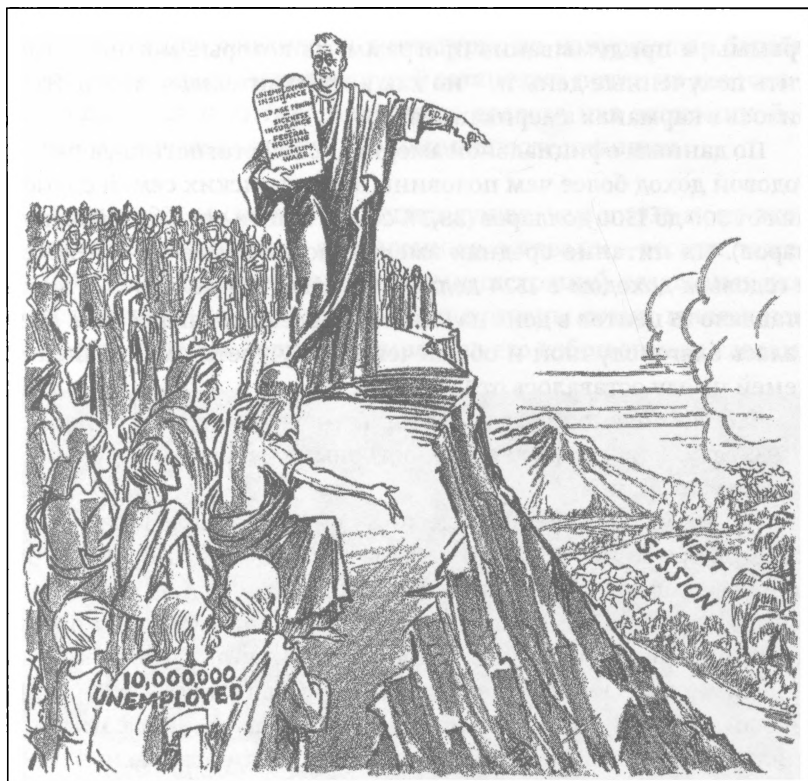
наибольшей проблемой было не получение денег на новые программы, а придумывание программ, на которые можно потратить полученные деньги, – но как в действительности это отразилось в карманах американцев?

По данным официальной американской статистики, в 1935-м годовой доход более чем половины американских семей составлял от 500 до 1500 долларов (38,3% семей имели доход до 1000 долларов). На питание средняя американская семья из 4 человек с годовым доходом в 1524 доллара тратила 508 долларов, что составляло 35 центов в день на одного человека. И такая семья считалась благополучной и обеспеченной – у трети американских семей на еду оставалось от 16 до 21 цента.

Чем же можно было накормить американца на эти деньги в 1935 году, тогда, когда деятельность администраций Нового курса достигла апогея?

400-граммовая буханка хлеба – 8 центов; полкило картофеля – 2 цента, три яйца – 10 центов. Воды выпьем из-под крана, о чае или кофе только помечтаем. Можно отказаться от картошки и добавить еще одно яйцо – и все, верхняя граница суточных расходов одной трети американцев достигнута. А ведь в этом рационе нет ни молока (12 центов за литр), ни масла (4 цента за 50-граммовый кусочек), ни бекона (примерно доллар за килограмм), ни чистого сала по той же цене. В наши дни врачи откровенно говорят о годах Депрессии как о времени массового недоедания – но они старательно обходят вопрос, почему это время так затянулось. Понять, насколько скудной была эта еда, можно из простого примера. На содержание одного заключенного в тюрьме государством ежедневно отпускалось два доллара: доллар на оплату труда тюремщиков и доллар на питание заключенных – оладьи с подливкой и кофе на завтрак, и то же самое плюс тарелка бобов на ужин¹. Впрочем, американцы не стремились в тюрьмы, предпочитая пусть голодную, но свободу – на свободе у них была

¹ Даже предвоенный суточный норматив лагерного питания советских заключенных – и тот был больше, чем могла себе позволить треть американцев на пике реформ Нового курса. В соответствии с приказом НКВД № 00943 «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в ИТЛ и ИТК НКВД СССР» на заключенного, не выполняющего норму выработки, отводилось в сутки 600 граммов хлеба, полкило картофеля, 100 граммов круп, чуть более 100 граммов рыбы и т. д.

Земля обетованная для обездоленных безработных... на следующем президентском сроке.

надежда вновь встать на ноги, в тюрьме этой надежды не было, и за каждый глоток тюремного кофе государство брало сполна тяжелыми работами на строительстве дорог, расчистке завалов, рытье дренажных каналов.

Первый срок президентства Рузвельта подходил к концу. Первый этап Нового курса был похоронен Верховным Судом. Великая депрессия не собиралась сдаваться и отступать. Колоссальные средства были рассеяны по ветру без существенного блага для экономики. Сто двадцать семь миллионов американцев продолжали жить и надеяться на лучшее, слушая обещания политиков и пытаясь своими силами выбраться из трясины кризиса. Они верили всем - и они верили только себе, - и никто не мог предугадать, что ждет их впереди и когда закончится темная полоса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СТАРЫЙ СВЕТ - СТАРЫЕ ДРЯЗГИ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Оставим на время Соединенные Штаты с их миллиардными, но не слишком эффективными тратами, с циничными политиками, безжалостно использующими экономику как средство политической борьбы, с рядовыми американцами, мечтающими о чудесном спасителе, который вернет им процветание. Оставим их в 1935-м - оставим в то время, когда жизнь страны начала потихоньку оживать, приходя в себя после гугеровских лет кризиса и после первых рузвельтовских лет «выхода из кризиса», когда лекарство оказалось хуже болезни. Позже нам еще предстоит вернуться в Новый Свет - а пока что пересечем океан и посмотрим, что же происходило в Старом Свете, в Европе.

Если рассматривать европейскую ситуацию, то в первую очередь следует обратить внимание на Британию. В первой трети XX века именно Британия занимала ключевую позицию в политической и экономической жизни Европы, а в мировом масштабе Соединенные Штаты тогда только лишь начинали теснить ее - и еще не достигли решающего перевеса.

Когда заходит речь об экономическом кризисе в Великобритании, чаще всего доводится слышать две версии. По одной из них кризис начался в 1930 году и был вызван событиями в Соединенных Штатах. По другой - экономический кризис 1930-х годов представлял собой лишь часть затяжного спада британской экономики, начавшегося еще в 1918 году.

Одной из причин «долгого кризиса», последовавшего после Первой мировой, британцы считают технические трудности в торговле между метрополией и заморскими странами - членами Британского Содружества Наций¹. Эти трудности они объяс-

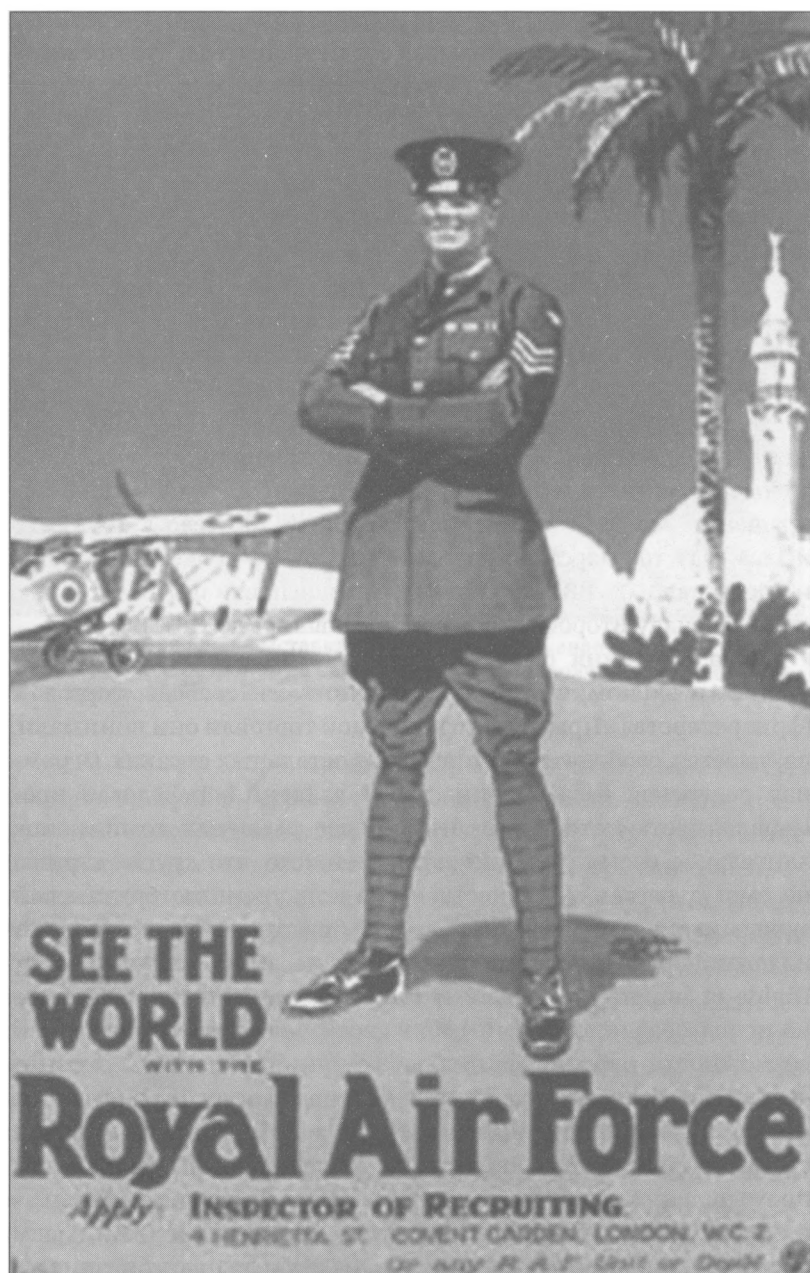
¹ Британское Содружество Наций - политическое образование, состоящее из Великобритании, доминионов и колоний, в которое в 1887-1931 годах была реорганизована Британская империя.

няют значительными потерями (около 40%), понесенными британским торговым флотом от действий немецких подводных лодок во время войны. Правда, при этом авторы этой версии старательно закрывают глаза на то, что еще в начале войны странами Антанты была захвачена примерно треть германских торговых судов, а условия мира, выставленные побежденной Германией, предусматривали, что большая часть германского торгового флота также станет британской собственностью. Таким образом, попытки выставить причинами кризиса именно потери британского торгового тоннажа, вполне компенсированные после войны, могут рассматриваться лишь как ошибочная трактовка и подмена ключевых факторов малозначимыми.

Разумеется, нет ничего удивительного в том, что существует такая попытка возложить бремя ответственности на чужие плечи - в виде ли разговоров о «кризисе, пришедшем из Соединенных Штатов», в виде ли разговоров о потерях тоннажа британского торгового флота. В конце концов, и в Соединенных Штатах есть упомянутая мной ранее теория о британском следе в обвале биржи в октябре 1929-го - и то, и другое есть, по сути, отголосок британо-американского торгово-политического противостояния 1920-1930-х годов.

Однако куда как большую значимость, чем вопрос торгового флота или связанность биржевых инвестиций британских и американских капиталов, имеет та экономическая ситуация, которая сложилась в Британии в 1920-х годах. Рассмотрим ее подробнее.

Закончив Первую мировую войну без значительного ущерба для собственной территории - единичные разрушения, причиненные бомбардировками британской территории германскими цеппелинами, не шли ни в какое сравнение с опустошением Бельгии и восточной части Франции - и увеличив площадь своих владений на четыре с половиной миллиона квадратных километров, а численность населения на 13 миллионов человек, Британская империя, казалось, находилась в зените славы и могущества - но и то и другое далось весьма недешевой ценой. Парадный фасад был прекрасен, но в это самое время премьер-министр Дэвид Ллойд-Джордж, опираясь на мнение министра финансов Остина Чемберлена, напоминал не в меру воинственному министру вооружений Уинстону Черчиллю: «Мы едва све-

Новые колониальные войска для новых британских колоний.

дем концы с концами в мирных условиях даже при теперешних огромных налогах» – и призывал его не надеяться, что прежние безудержные траты будут продолжаться. В 1919-м, уже после подписания Версальского мира, расходы британского военного ведомства все еще составляли 2,2 миллиарда фунтов стерлингов (78% от общей суммы расходов государственного бюджета). Государственный долг Британии за годы Первой мировой увеличился с 30% валового внутреннего продукта до 135%.

Единственный выход, который видело для себя руководство страны, состоял в максимальном сокращении расходов – британскими политиками был официально провозглашен курс на отказ от участия в больших войнах на протяжении 10 лет – и к 1921 году расходы военного ведомства были сокращены до 297 миллионов фунтов. Но даже такое радикальное сокращение все еще не было чудодейственным лекарством для британской экономики – сокращение валового внутреннего продукта привело к тому, что к 1923 году государственный долг вышел на уровень 181% ВВП и превышал 150% ВВП на протяжении еще почти пятнадцати лет, лишь к началу Второй мировой понизившись до 110% ВВП.

Пока Британия была «мастерской мира», британские политики и экономисты были сторонниками свободы торговли (фритредерства). При этом под свободой торговли они понимали, разумеется, свободу своей торговли в остальных странах. Огромная ресурсная база колониальных владений, передовая промышленность метрополии и наиболее развитых доминионов длительное время служили гарантией того, что другие страны не смогут составить существенную конкуренцию британской экономике, а самый мощный в мире британский военный флот надежно обеспечивал коммуникации по всему земному шару. *Divide et impera* – разделяй и властвуй – англичане старательно использовали этот принцип в своей политике, до последней возможности избегая официального принятия на себя союзнических обязательств и регулярно получая выгоду от конфликтов между другими европейскими странами. Но все-таки никакие старания британских политиков, никакая мощь британской промышленности не могли сделать такое положение вечным – и молодые, но зубастые конкуренты, Германия и США, были настроены на то, чтобы откусить изрядную долю от британского имперского пирога. Поражение Германии в Первой мировой

Британская имперская выставка 1924 года: непрерывное шествие к славе от елизаветинских времен до единства войск метрополии и доминионов на полях сражений Первой мировой войны.

войне и условия мира, продиктованные победителями побежденным, временно устранили опасность германской конкуренции – но та же Первая мировая, во время которой у Британии возникла острая потребность в продукции американской промышленности и сельского хозяйства, привела к значительному усилению позиции Соединенных Штатов. На руку Британии играло то, что после окончания войны США самоустранились из европейских политических хитросплетений, но это политическое самоустранение отнюдь не означало самоустранения экономического. Окончание войны и правительственных военных заказов заставляло американскую промышленность активно искать новые рынки сбыта и области инвестирования капиталов – а Британия, со своей стороны, не желала уступать ни пяди своих владений, охватывавших четверть земного шара, – ни в политическом, ни в экономическом плане.

Однако отказ Лондона от избыточно активной внешней политики ради исправления экономической ситуации и курс

на «10 лет без войны» привел к существенному усилению прав доминионов. Уже в 1923 году на имперской конференции в Лондоне доминионам было предоставлено право проводить собственную внешнюю политику, а на имперской конференции 1926 года была принята декларация, согласно которой доминионы признавались «автономными общинами в составе Британской империи, имеющими равный статус и никаким образом друг другу не подчиняющимися». Принятое в 1926 году решение привело к усилению ориентации Канады и Ньюфаундленда в сторону США (в меньшей степени, но тоже ощутимо, это наблюдалось и в Австралии).

В 1930-е годы югославский министр иностранных дел Воислав Маринкович говорил, что свободная торговля выгодна экономически мощным государствам, которые свободно процветают и без защиты, но она может быть смертельна для слабых государств. И именно отказ от свободной торговли в пользу протекционизма – то есть признание слабости государственной экономики – стал тем экономическим курсом, который избрало британское руководство, восстанавливая в мирное время те экономические рычаги, которые использовались в Британии во время войны. Введение протекционистских тарифов на ввоз шелка, принятых в 1925 году, стало первым камнем в той стене, которую Британия начала возводить между собой и остальным миром.

Необходимость такой защитной стены была обусловлена не только давлением на британскую экономику извне. В апреле того же 1925 года в Британии было вновь восстановлено золотое обеспечение фунта стерлингов, от которого пришлось отказаться во время Первой мировой. Это укрепление национальной валюты привело, с одной стороны, к тому, что британские финансовые круги получили прибыль, равную примерно одному миллиарду фунтов стерлингов (немногим менее пяти миллиардов долларов), но одновременно это вызвало негативные последствия для британской экономики в целом. Согласно проведенному Кейнсом анализу, произошедшие изменения привели к тому, что стоимость британских товаров на мировых рынках выросла на 12%, и это неизбежно приводило к ухудшению конкурентоспособности британской экономики.

Премьер-министр Стэнли Болдуин.

Британия уже не могла обеспечить свой имперский блеск силой оружия – но она не могла и отказаться от имперского блеска – тем более после победы в войне. Никто из английских политиков

не мог взять на себя смелость и со всей ответственностью признать тот очевидный факт, что военная победа Британии была одновременно экономическим поражением и, следовательно, расписаться в ошибочности решений, принятых политиками в предвоенное время. Именно поэтому требовалось прикрыть прорехи, зияющие в бюджете, золотой мишурой, и именно поэтому требовалось найти тех, кто заплатит за эту мишуру. Уже через несколько месяцев после принятия решения о возврате к золотому обеспечению премьер-министр Великобритании Стэнли Болдуин заявил: «Все английские рабочие должны согласиться на снижение заработной платы, чтобы английские товары на мировых рынках стали более конкурентоспособными и чтобы положение в английской промышленности улучшилось». Многие британские экономисты¹ были уверены в том, что завышенный курс «золотого» фунта стерлингов вызовет увеличение безработицы и спад в торговле – но они ничего не могли сделать с решением занявшего пост министра финансов Уинстона Черчилля – а вернее, с решением финансового лобби, стоявшего за малосведущим в финансах Черчиллем.

Если летом 1925 года еще удалось избежать серьезных проблем с забастовщиками, частично компенсировав государственными субсидиями снижение заработной платы на угольных шахтах, то в мае 1926-го удержать ситуацию под контролем уже не удалось. Шахтерская забастовка продлилась до ноября, а с пятого по двенадцатое мая Британия была охвачена всеобщей забастовкой.

Вне всякого сомнения, действия забастовщиков в условиях отсутствия новых шагов навстречу со стороны правительства были единственно возможным ходом. Нет ничего удивительного в том, что забастовщики отказались играть навязанную им роль и из сыновней любви к старой доброй Англии отказывать своим детям в лишнем куске хлеба – в то время как стоявшие за спиной правительства инициаторы девальвации приумножали свои капиталы. Такой результат проводимого правительством экономического курса был вполне очевиден и предсказуем – и его вполне

¹ Среди них был и Хью Далтон, получивший в годы войны должность государственного секретаря по промышленности и торговле – из рук все того же Черчилля.

Уинстон Черчилль, министр финансов, обрушивший на Британию экономический кризис.

можно было избежать, не жертвуя общегосударственной экономикой ради интересов немногих частных лиц.

Но нельзя не отметить и тот факт, что широкие забастовочные действия 1926 года в свою очередь, привели к дальнейшему ухудшению состояния британской экономики. Под фанфары и имперские марши страну толкали в яму, и пока она пыталась удержаться на краю, подталкивающие ее члены парламента, министры и прочие приличные джентльмены продолжали произносить свои речи. Если не забывать об этой «золотой» части английской экономической истории – то желание переложить ответственность за кризис на чужие плечи, на американских брокеров и немецких подводников, предстает перед нами как попытка оправдать конкретных виновников – Болдуина и Черчилля. Британия давно уже восстановила свои морские перевозки, до краха на Нью-Йоркской бирже оставалось еще несколько лет – а эти два политика сами, своими руками, провоцировали экономический кризис в своей стране.

Завышение в 1925 году курса фунта стерлингов привело к ухудшению экспортных возможностей британских компаний, а это, в свою очередь, обострило проблему платежного баланса государства. В связи с этим, чтобы поддерживать стабильность национальной валюты, Банк Англии (исполняющий функции центрального банка) проводил политику, направленную на увеличение доли иностранных капиталов в британской экономике. За несколько лет до «официального начала» всемирного кризиса британская экономика уже находилась в непрерывных судорожных метаниях: люди, занимавшиеся руководством финансами, пытались одновременно и защищать экономику страны от иностранных капиталов, и привлекать иностранные капиталы; эти руководители одновременно и экономили на чем только можно, и пытались сохранить амбициозный имперский курс.

Впрочем, прозрение наступило довольно быстро – уже в 1928 году Банк Англии получил право печатать фунты не только под золотое обеспечение, но и под обеспечение государственными облигациями – на 260 миллионов фунтов стерлингов (а по согласованию с казначейством эту сумму разрешалось и превысить). По сути это означало, что британское руководство, не создавая лишнего шума, вновь отказалось от золотого обеспечения британской валюты. Реакция британской экономики не заста-

Золотой стандарт уходит в прошлое: непросто, но неизбежно.

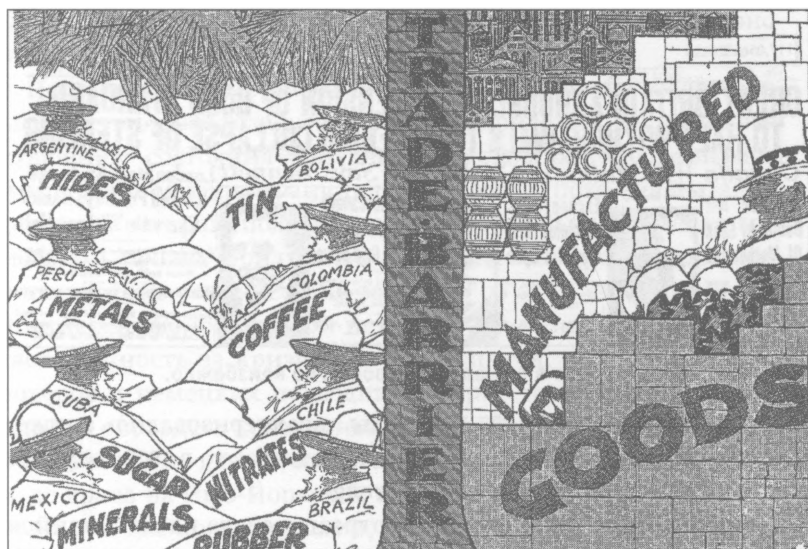
вила себя ждать: если 1927-1928 годы характеризовались снижением индекса промышленного производства¹, то в 1929 году был отмечен 5%-ный рост этого показателя.

Что же дальше? Как Британия отреагировала на начавшийся в Соединенных Штатах кризис?

Прежде всего следует отбросить мнение, что последствия кризиса были для британской экономики исключительно негативными. Конкурирующие между собой экономики Британии и США словно раскачивались на огромных качелях – и там, где одна из стран ослабляла свои позиции, тут же усиливались позиции другой страны.

К 1932 году американский экспорт в страны Британского Содружества, по сравнению с 1929 годом, сократился на 74% – и уменьшение американского проникновения в британскую экономическую сферу было незамедлительно использовано британскими компаниями. Речь в данном случае идет не только о произведенных в США и Британии товарах, но и о финансовых инвестициях: частные американские инвестиции в странах Содружества сократились с 5,1 миллиарда долларов в 1930-м до 4,1 миллиарда долларов в 1938-м, и американское отступление в инвестиционной сфере было сполна использовано англича-

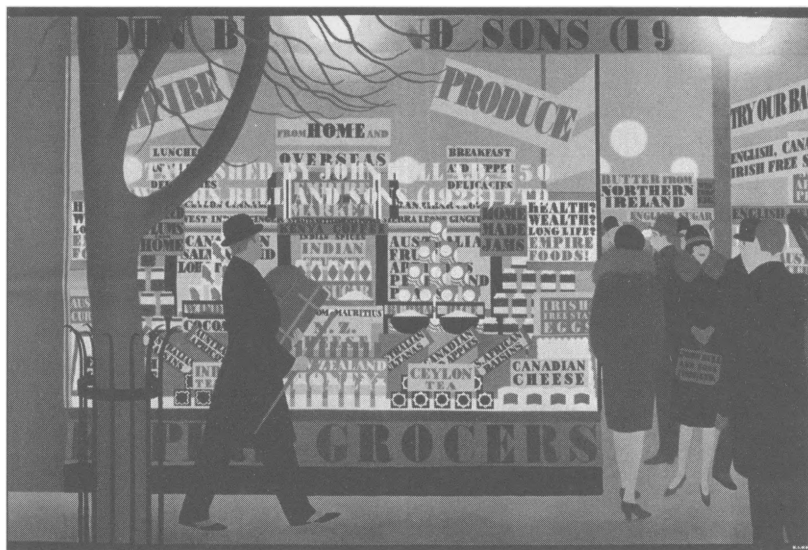
¹ Индекс промышленного производства – это показатель, характеризующий динамику объема промышленного производства, его подъемы и спады. Определяется как отношение текущего объема производства (в денежном выражении) к объему промышленного производства в другом году, принятом за базисный уровень. Расчет ИПП производится по специально отобранным важнейшим видам промышленной продукции.

Высокие тарифно-таможенные барьеры все еще блокируют торговлю между США и их ближайшими латиноамериканскими соседями. Благодаря этому британский бизнес теснит американские капиталы.

нами. Борьба американской и британской экономик не ограничивалась территорией Британского Содружества – в Латинской Америке, которая, казалось бы, являлась едва ли не задним двором США, британским компаниям тоже удалось потеснить американских конкурентов. Если в 1929-м доля США во внешней торговле стран Латинской Америки составляла 20,1%, а Британии – 16,7%, то в 1933-м Британия контролировала уже 36,4% внешней торговли латиноамериканских стран, а США – только 29,3% (угодив на третью позицию после Германии). Даже несмотря на активно проводившуюся Рузвельтом «политику добрососедства» в отношении региона, вплоть до конца 1930-х годов британским компаниям удавалось сохранять свое превосходство южнее Рио-Гранде и одерживать верх над американскими компаниями.

В общемировой торговле британская доля увеличилась с 13,05% в 1929-м до 13,24% в 1932-м, в то же время доля США сократилась с 13,84% до 10,8% – таким образом, Британия вновь захватила лидерство, утраченное ею еще в годы Первой мировой войны. Причиной этого стали девальвация фунта стерлингов в 1931 году и окончательный отказ от «золотого стандарта»

Магазин «Джон Буль и сыновья»: кенийский кофе, цейлонский чай, лосось и сыр из Канады, яйца и бекон из Ирландии. Плакат, пропагандирующий покупку только тех товаров, которые произведены в Британском Содружестве.

в 1932-м, обеспечившие конкурентоспособность британского экспорта. Еще одним решительным шагом стало дальнейшее усиление протекционистской политики: в том же 1931 году был создан так называемый «Стерлинговый блок» из стран, опиравшихся в расчетах на британские фунты стерлингов, а не на американские доллары, а в 1932 году была введена система имперских преференций¹.

На «внутреннем фронте» борьба с экономическими трудностями, которую вело руководство Великобритании, не сводилась к одним только рекомендациям затянуть пояса потуже, *закрывать глаза и думать об Англии*. Пришедшая к власти в 1929 году лейбористская партия опиралась в том числе и на поддержку профсоюзов – неудивительно, что лейбористами был предпринят ряд мер, направленных на решение социальных проблем.

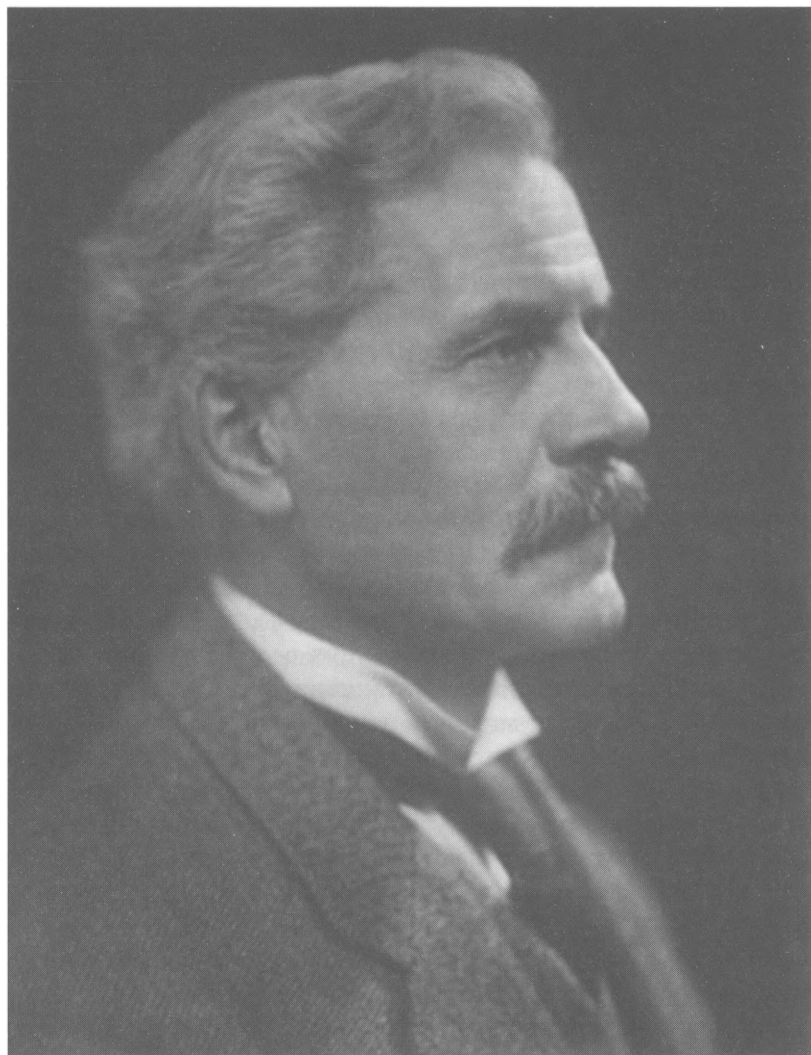
¹ Имперские преференции – особая система пониженных таможенных пошлин, распространявшаяся Британией только на страны, входившие в Британское Содружество. Имперские преференции облегчали и удешевляли торговлю сырьем, что приводило к снижению стоимости британской продукции, улучшало ее конкурентоспособность и благотворно влияло на экономику Британии.

Уже в 1930 году был принят закон о страховании по безработице, изменивший и упорядочивший систему социальных выплат. Хотя количество граждан, которые могли получить помощь от государства, увеличилось, одновременно был усилен и контроль над выплатами – так, чтобы их получали действительно нуждающиеся. Преимущества продуманного и взвешенного подхода проявились достаточно быстро – в 1929 году государственный Фонд социального страхования имел задолженность в 35 миллионов фунтов стерлингов (в пересчете в современные фунты стерлингов с учетом инфляции – более пятидесяти миллиардов), а уже в середине 1930-х годов этот долг был полностью ликвидирован и бюджет фонда стал безубыточным.

Еще одним инструментом государственного регулирования социальных выплат стал принятый в 1934-м закон о безработице, который предоставил возможность молодежи, начиная с 16 лет, получать социальную помощь по безработице и обеспечил возможность участия в программе социального страхования даже работающим подросткам (начиная с 14 лет). Закон 1934 года принимался с оглядкой на волнения 1926–1927 годов и позволил снизить социальную напряженность в стране.

Если сравнивать в этом вопросе Британию и США, то следует отметить, что по степени контроля британская социальная система была ближе к методам Гувера, чем к методам Рузвельта. Кроме этого, важен и тот факт, что американский закон о страховании по безработице был принят с опозданием на пять лет – американские безработные на протяжении всей первой части Нового курса могли надеяться лишь на малые нерегулярные выплаты, но не на стабильное обеспечение.

Нельзя сказать, что процесс восстановления экономической и социальной ситуации в Великобритании шел совершенно гладко. Пришедшее к власти в 1929 году лейбористское правительство во главе с премьер-министром Джеймсом Рамсеем МакДональдом проводило свою политику в условиях довольно жесткого противодействия со стороны финансовых кругов – тех самых, что неплохо заработали на экономической неграмотности Черчилля. Когда правительству МакДональда потребовались дополнительные финансовые займы, финансовые круги блокировали их предоставление, требуя сокращения социальных расходов и программ. Поставленное перед необходимостью вы-

Джеймс Рамсей Макдональд.

бирать между финансовыми проблемами для Британии и потерей поддержки со стороны левой и левоцентристской части избирателей, правительство МакДональда было вынуждено подать в отставку. Выходом из правительственного кризиса было формирование нового правительства, на основе широкой коалиции с консерваторами. Партийное руководство лейбористов запрети-

ло Рамсею МакДональду делать этот шаг - но он, исключенный из своей партии, в 1931 году сформировал новое, коалиционное «Национальное правительство» уже как «национальный лейборист». Пожертвовав партийной принадлежностью, он не дал втянуть страну в глубокий политический кризис с тяжелыми экономическими последствиями.

Несмотря на то что кризис в Британии начался гораздо раньше кризиса в США, английскому правительству удалось и гораздо раньше решить вставшие перед страной экономические проблемы. Как мы могли видеть, первопричиной кризиса по эту сторону Атлантики отнюдь не был крах Нью-Йоркской биржи: возникшие в Соединенных Штатах экономические трудности скорее позволили британской экономике упрочить свое положение, а эффект от сокращения американских инвестиций был перекрыт равным ростом инвестиций британских. Хотя объемы внешней торговли как США, так и Британии, в 1930-х существенно сократились по сравнению с 1929 годом, но если падение американского экспорта к 1932 году составило 69,5%, то британского - только 60,4% (в 1937 году - 60,8% и 51,9% соответственно). Кроме этого, сокращение экспорта британских товаров за пределами стерлинговой зоны отчасти компенсировалось экспортом произведенных в Великобритании товаров в страны Британского Содружества. Уже в 1934 году индекс промышленного производства в Великобритании на 5% превысил уровень 1929 года - в Соединенных Штатах этот показатель составлял всего лишь 69% от докризисного. Если же взглянуть на Канаду - страну, входящую в Британское Содружество, но экономически тесно связанную с США, то в ней ситуация была несколько хуже английской, но лучше американской: канадский индекс промышленного производства в 1934 году составлял 82% от докризисного. Начав в худших условиях, Британия сумела проявить себя весьма достойным образом и эффективнее преодолевала последствия кризиса. Англичане успели наступить на свои экономические грабли задолго до того, как мир охватила большая экономическая паника - и в Лондоне уже исправляли сделанные ошибки в то время, когда в Вашингтоне еще только оценивали масштаб возникших проблем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЛЕТ БУМЕРАНГА

Когда союзнические отношения выдерживают большие испытания – во время войны или в мирное послевоенное время? В те годы, когда миллионы солдат уничтожали друг друга на изрытых воронками полях сражений Первой мировой войны, французское военное командование нередко проявляло крайнее недовольство своими британскими союзниками. По мнению французов, англичане изо всех сил старались переложить максимум военных тягот на французские плечи, а верховный главнокомандующий союзными войсками французский маршал Фош прямо говорил о том, что «британские войска не следует размещать на левом фланге фронта, так как, имея возможность к эвакуации морем, англичане неустойчивы в обороне». Но все эти разногласия военной поры оказались сущим пустяком на фоне тех противоречий, которые возникли между союзниками после победы над Германией. Не солдаты в окопах, а дипломаты за столом переговоров разводили вчерашних союзников по разным углам – не забывая при этом вежливо улыбаться и раздавать налево и направо заверения в вечной дружбе.

Причина же такого развала в лагере союзников была проста до невозможности – речь шла о дележе добычи. Для Франции Первая мировая была войной-реваншем: более сорока лет в Париже мечтали вернуть себе Эльзас и Лотарингию, потерянные во время франко-прусской войны – и более сорока лет мечтали обобрать Берлин до нитки, как когда-то победившие немцы обобрали контрибуцией побежденных французов. Если против возврата Франции двух провинций возражений ни у кого не было (а мнение тамошнего нефранцузского населения никого не интересовало), то от претендентов на золото побежденных просто не было отбоя. Каждый участник Антанты считал, что побежденные должны оплатить все расходы, понесенные победителями во время войны, и каждый считал, что его доля выплачиваемых

Франция неумолима: Германия должна заплатить за все.

Германией средств должна быть как можно большей. Французы, выдвигая заведомо завышенные претензии, требовали для себя 58% от всех выплат, а англичанам готовы были отдать 25%, в свою очередь, не отстававшие от них англичане требовали себе 30%, а французам уступали 50%.

«Мы получили все, что требовали, и даже больше» – такое заявление было сделано во французском парламенте перед ратификацией Версальского договора. Франции не удалось добиться расчленения Германии на отдельные государства, но статья 235 мирного договора, написанного большей частью стараниями именно французских дипломатов, требовала от Германии выплаты только до апреля 1921 года двадцати миллиардов марок – золотом, товарами, кораблями, ценными бумагами и так далее. Затем специально созданная Репарационная комиссия должна была определить окончательные суммы выплат – германских представителей, приглашенных лишь для того, чтобы расписаться под предъявляемыми им требованиями, по сути, заставили подписать пустой бланк долгового обязательства, который победители могли заполнить соответственно своему разумению. 27 апреля 1921 года счет был предъявлен: Германия должна была уплатить 132 миллиарда золотых марок (не считая дополнительных сумм), из которых Франции причиталось 52%, Британии – 22%, Италии – 10%, Бельгии – 8%. Парижские дипломаты и эконо-

номисты могли надеяться, что они на десятилетия обеспечили страну гигантским источником золота, гарантировавшим, вместе с французской армией, гегемонию Франции в Европе, – но в действительности все оказалось не так просто. Уже первые выплаты были сорваны – к весне 1921-го Берлином было выплачено лишь восемь из первоначально требовавшихся 20 миллиардов. Союзники были поставлены перед выбором – либо добиваться выплат любой ценой, используя в качестве рычага давления оккупацию части германской территории и не обращая внимания на рост активности немецких политических радикалов, либо же искать схему, которая позволила бы выкачать из Германии золото, но не уничтожила ее окончательно. Если англичане были сторонниками более умеренного подхода (их не привлекали перспективы тотальной французской гегемонии на континенте или большевизации Германии), то французы с упрямством, достойным лучшего применения, настаивали именно на первом варианте действий. Постоянно заявляя о своем «священном праве на репарации», они армейскими штыками подкрепляли свое желание денег *здесь и сейчас* – без оглядки на реальные возможности побежденных. Все это не замедлило привести к репарационному кризису 1922–1923 годов и четко обозначившемуся разрыву

Французские оккупационные войска в германском Руре: новые военные расходы вместо ускоренного получения репарационных выплат.

между бывшими союзниками - но и в этих условиях Франция была уверена в своем «праве силы». Заставить Париж отказаться от дальнейшего нагнетания ситуации смогло только совместное действие нескольких факторов - поддержка Германии Британией и Соединенными Штатами, многочисленные попытки внутригерманских мятежей и переворотов и разбалансированность французской финансовой системы, вызванная в том числе и затратами на оккупацию части Германии.

Для стабилизации франка осенью 1923 года Франция была вынуждена взять у американского банковского дома Морганов кредит в 100 миллионов долларов, а летом 1924 года международная комиссия, состоявшая из финансовых экспертов и возглавлявшаяся Чарльзом Дауэсом, представителем все тех же Морганов, представила новую схему германских выплат победителям. Эта схема, вошедшая в историю как «план Дауэса», предусматривала ежегодную выплату Германией от 1 до 2,5 миллиардов марок, международный контроль над Рейхсбанком и германскими железными дорогами, американский кредит Германии и отказ Франции от дальнейшей оккупации германской территории. Чтобы французам было легче согласиться с новым репарационным планом, им указали на кошелек, напомнив и о прежнем кредите, и о еще одном кредите, также стомиллионном, взятом в США в марте 1924-го.

В том же 1925 году Чарльз Дауэс получил Нобелевскую премию мира, а Франция внезапно обнаружила, что юридически оформленная 52%-ная доля германского «золотого источника» отнюдь не превратилась в полноценные выплаты и, более того, попытки настоять на своем лишь ухудшили экономическое положение страны. Вынужденно смирившись с тем, что вместо денежного водопада из Германии идет лишь не очень обильный финансовый ручеек, Париж несколько умерил аппетиты. Кроме этого, если ранее репарационные требования, гиперинфляция и французская оккупация вталкивали Германию в политический хаос, то теперь уже французские политики испытали на себе недовольство всех тех, кому они обещали, но так и не дали благоденствие после победы, - в июне 1924-го во Франции успело смениться три премьер-министра за две недели. В значительной мере экономическая политика Франции теперь была посвящена не столько попыткам получить как можно больше немецких денег, сколько попыткам избавиться от долгов перед Соединен-

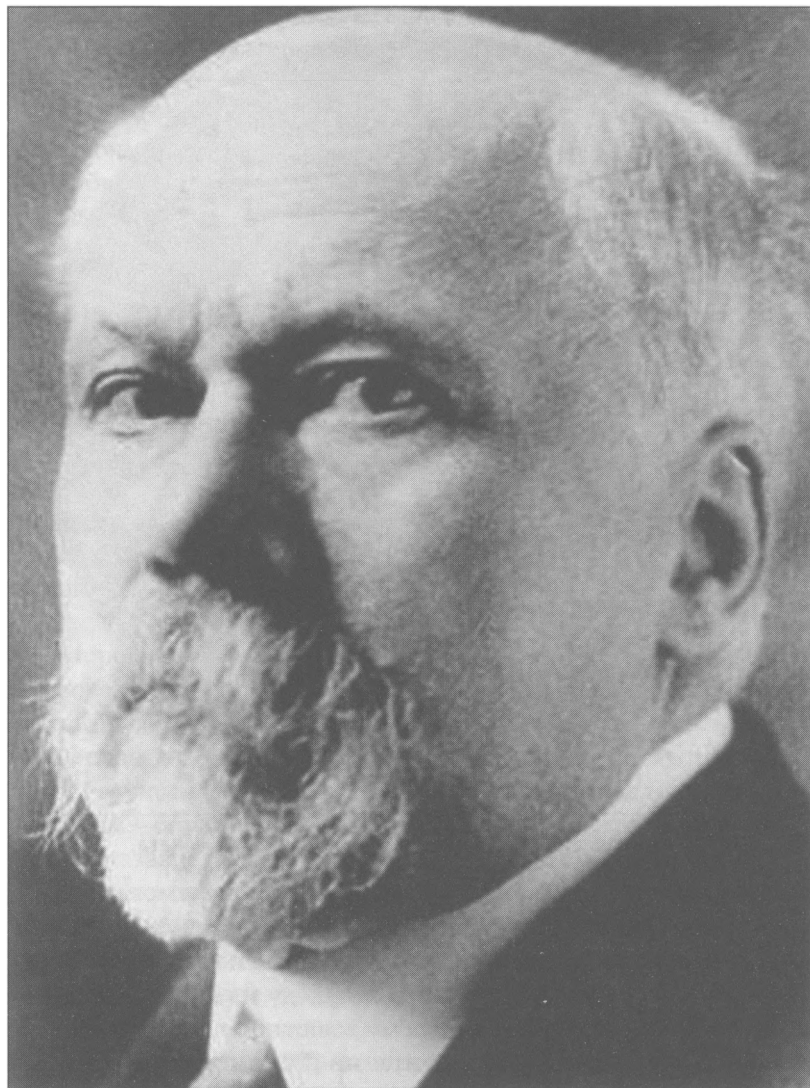

Чарльз Дауэс, долларový миротворец.

ными Штатами и Британией, как до-, так и послевоенными, или хотя бы жестко увязать ликвидацию своей задолженности с получением репараций с Германии. Должно быть, теперь политики в Париже сильно сожалели о том, что в 1922 году они отказались обменять французский долг перед Британией на отсрочку германских выплат на пять лет.

Впрочем, общемировое улучшение экономической конъюнктуры, наступившее во второй половине 1920-х годов, позволило Франции несколько оправиться и укрепиться на ногах. Когда же в Соединенных Штатах произошел обвал фондовой биржи, вызвавший сначала экономический спад, а затем и глубокую депрессию, французы смогли вздохнуть с облегчением, видя в этом возможность избавиться от накопившихся проблем. Относительная стабильность экономической ситуации сохранялась во Франции до 1931 года, а в 1932-1933 годах даже наблюдался кратковременный экономический рост - но вскоре ситуация начала решительно меняться.

Первая причина, определившая сползание Франции в глубокий экономический и политический кризис, продлившийся до 1938 года, была связана с курсом французского франка. В 1928 году премьер-министр Раймон Пуанкаре девальвировал французский франк на 80%. Отменив обмен бумажных денег на золотые монеты, Пуанкаре сохранил обмен франков на золото в слитках - за 215 тысяч франков можно было получить 12 килограммов золота. Пользуясь ухудшением экономической ситуации в США и Британии, французское правительство целенаправленно обменивало имевшиеся у него валютные запасы - доллары и фунты стерлингов - на золото: в 1932 году золотой запас Франции вырос до 83 миллиардов франков, тогда как в 1929 году он составлял 29 миллиардов. Развязка наступила после отмены золотого стандарта фунта стерлингов: теперь уже у англичан были свободны руки и они могли беспрепятственно играть против французской экономики. Отмена золотого стандарта в США и девальвация доллара ускорили падение: ни британские, ни американские экономисты не забыли жестких действий французов в предшествующие годы, не забыли их нежелания сотрудничать - не забыли и не собирались прощать. Как и в Британии второй половины 1920-х годов, так и во Франции первой половины 1930-х золотая мишура оказалась слишком обременительна для экономики, а резкое увеличение налогов в 1935-м не только не позволило залатать прорехи в экономике, но и снизило деловую активность. Мрачным фоном для экономического спада служил продолжавшийся кризис государственного управления: трудно надеяться на оздоровление экономики, если с июня 1932-го по февраль 1934-го во Франции сменилось шесть правительств.

Раймон Пуанкаре, превративший бывших союзников по войне в непримиримых экономических противников.

Только в 1936 году во Франции, наконец, решились отказаться от золотого стандарта, в 1936-1938 годах последовали три серьезные девальвации франка, в результате которых французская валюта подешевела вдвое. Эти девальвации должны были помочь

Последний аккорд французского величия: стофранковая монета, отчеканенная в 1936 году, но так и не вошедшая в обращение.

французской экономике встать на ноги и улучшить экспортные возможности французской промышленности – но эти меры уже явно запоздали и не привели к выходу из кризиса. Попытка положить предел общемировому валютному хаосу была сделана в 1937 году, когда США, Британия и Франция достигли соглашения по валютным курсам. К этому времени французская экономика находилась на дне глубокой ямы, куда ее столкнули как события 1928–1936 годов, так и действия пришедшего к власти после выборов 1936 года «Народного фронта свободы, труда и мира». Правительство Народного фронта, стоявшее на платформе широких социальных преобразований левого толка, пыталось зафиксировать цены, реализовать программы обществен-

ной занятости и повышения заработной платы, реформировать налоговое законодательство. Большой объем программ потребовал значительного роста государственных затрат, одновременно правительство не приняло серьезных мер по защите национальной экономики. Только за 1936–1937 год в результате «бегства капиталов» французская экономика лишилась более чем 100 миллиардов франков – крупные французские экономические игроки переводили свои средства за границу, спасая их от взявшего влево правительства. Таким образом, серьезные экономические реформы не только не стали спасением для французской экономики, но и привели к дальнейшему ухудшению ситуации.

В этих условиях трехсторонние американо-британо-французские решения 1937 года представляли собой, по сути, оформление де-юре произошедшего де-факто разгрома франка и его подчинения доллару и фунту, ставшим мировыми валютами. Можно даже сказать, что привязка франка к фунту стерлингов стала тем рубежом, после которого Франция перестала быть великой державой – хотя еще считалась таковой.

Второй причиной экономического падения стала лавина банковских кризисов, возникшая в Австрии и нанесящая мощнейший удар по стабильности континента.

Весной 1931 года Creditanstalt – крупнейший австрийский банк, ведущий свою историю с 1855 года и принадлежащий Ротшильдам, – опубликовал финансовый отчет о своей деятельности, отчет, оказавшийся неожиданностью для многих. За массивным фасадом помпезного здания, за громким именем с достойным прошлым обнаружилась огромная финансовая дыра. После поражения в Первой мировой войне, когда из большой империи, старейшей в Европе, Австрия превратилась в маленькое заштатное государство, ее экономика неуверенно колебалась между состоянием «пациент скорее мертв, чем жив» и состоянием «пациент скорее жив, чем мертв». Попытка австрийских банкиров воспользоваться неустойчивостью французского франка в начале 1920-х годов и выправить положение не обернулась успехом, наоборот, ряд банков, таких как Allgemeine Industriebank, Austro-Polnische Bank, Austro-Orientbank и другие, не выдержали рискованной игры и обанкротились. Чтобы удержать экономику на плаву, австрийские власти были вынуждены прибегнуть к полу-

Creditanstalt. Краеугольный камень австрийской экономики, оказавшийся слишком непрочным.

чению ссуды при посредничестве Лиги Наций и установлению международного наблюдения над австрийскими финансами в 1922-1926 годах.

Тогда Creditanstalt сумел устоять, но новые ошибки и рискованные банковские инвестиции привели к дальнейшему ухудшению ситуации. Сухие строчки финансового отчета сообщили о наличии у банка финансовых потерь в 140 миллионов шиллингов – при том что уставный капитал банка составлял 125 миллионов, а его резервы – 40 миллионов – а ведь по австрийским законам потеря 50% уставного капитала уже требовала немедленного исправления баланса или начала процедуры банкротства. Вот почему финансовый отчет Creditanstalt, являвшийся фактически признанием банкротства, оказался подобен разорвавшейся бомбе – ведь речь шла не просто о банке, речь шла о банке, в котором было размещено 50% всех австрийских депозитов и на который было завязано 70% государственной экономики.

Для спасения банка были приняты экстраординарные меры – австрийское правительство и Национальный банк 11 мая 1931-го объявили о своей поддержке и выделили 130 миллионов шиллингов. Банковский дом Ротшильдов добавил еще 22 с половиной миллиона, но этого едва хватало на покрытие уже су-

ществующих долгов – тогда как уже начала нарастать уже такая знакомая нам волна финансовой паники, и множество иностранных и австрийских игроков начали спешное изъятие своих капиталов. За четыре дня – с 12 по 15 мая – количество тех, кто желал бы забрать свои деньги, увеличилось более чем втрое. Уже 5 июня – менее чем за месяц – от правительственного кредита не осталось и следа, и 14 июня было принято решение предоставить новый – но для обеспечения этой операции австрийское правительство в свою очередь нуждалось в иностранной ссуде. Наиболее вероятным кредитором могла стать Франция, которая уже успела заработать на спекуляциях с фунтом стерлингов и долларом, но здесь-то и возникли трудности особого рода.

Чтобы понять суть проблем, нужно сделать небольшое отступление. Победив в Первой мировой, Франция не только не смогла избавиться от страха перед германской силой, но и обрела новую фобию – теперь французских политиков пугала уже одна только мысль о возможном германском усилении. Оказавшись не в состоянии навязать свою политику континенту и не выдержав противостояния по германскому вопросу с Британией и Соединенными Штатами, Франция встала на зыбкий путь, состоявший из попыток создать для Германии если не одну большую проблему, то хотя бы множество мелких. Одной из таких проблем стало активное французское противодействие австро-германскому таможенному союзу: ликвидация или хотя бы снижение таможенного барьера сулили перспективы улучшения для экономик этих двух стран – ну а любое улучшение положения Германии было словно кость в горле для рьяных французских политиков.

Одним из таких политиков, декларировавших принципы национализма и обещавших избирателям не допустить германского возрождения, был Пьер Лаваль – бывший адвокат, депутат парламента и сенатор, активно игравший на национально-патриотическом поле и ставший в январе 1931 года премьер-министром Франции. Именно он увязал возможность получения кредита с выполнением Веной французского требования об отказе от таможенного союза с Германией. Те несколько недель, пока австрийское правительство пыталось бороться с жестким французским давлением и отстаивало свое право на таможенный союз (видя в нем спасение для австрийской экономики), оказа-

Вкладчики у закрытых дверей Danat-Bank.

лись критическими. Банкротство Creditanstalt вызвало цепочку банковских падений, уже в июле рухнул мощный германский Danat-Bank – и Лаваль мог бы потирать руки, но выпущенный им из бутылки джинн экономического кризиса в Центральной

и Восточной Европе не ограничился только теми странами, которые Франция рассматривала как своих противников. Стремительно распространяясь, банковский кризис ударил и по тем восточноевропейским странам, которые активно поддерживались французскими политиками именно в качестве союзников на случай будущей германо-французской войны – и это стало началом конца всей французской военной стратегии. Не разбирая ни правых, ни виноватых, кризис прокатился по всей Европе – следом за Австрией, Германией и Венгрией, Польшей и Италией, волна дошла до Нидерландов и Британии – и, в силу многочисленности американских инвестиций в европейскую экономику, пересекла Атлантику и способствовала второму этапу банковских крахов в США.

Но главным результатом жесткого французского давления на австрийцев стал отнюдь не сам банковский обвал 1931–1932 годов – последствия оказались куда более весомыми, чем просто экономические потери в результате многочисленных банкротств. Да, экономическое здоровье Австрии и Германии значительно ухудшилось, да, используя деньги вместо танков и бомбардировщи-

Пьер Лаваль, инициатор европейского банковского кризиса.

ков, французское правительство нанесло сильный удар по противнику, которого так ненавидело и боялось, – и именно этот экономический спад создал для Франции противника куда как более сильного, чем прежде. Выборы в Рейхстаг в июле 1932 года дали нацистам 230 депутатских мест, а Герману Герингу – должность председателя Рейхстага, 30 января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером.

История может мстить и мстить очень жестоко.

Когда во Второй мировой войне Франция была смята гусеницами немецких танков и капитулировала – именно Пьер Лаваль оказался в первых рядах коллаборантов, тех французов, которые сотрудничали с оккупировавшими страну немцами. Именно Пьер Лаваль стал премьер-министром коллаборационистского правительства.

Надеясь в 1945-м спасти свою шкуру после разгрома Германии, Лаваль бежал в нейтральную Испанию – но был выслан и предстал перед французским судом. Судебный вердикт не заставил себя ждать, и 15 октября 1945 года премьер-коллаборант, которого в далеком уже 1931-м журнал Time объявлял «человеком года», был расстрелян.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК ГЕРМАНИИ

«- Сколько же стоит доллар сейчас?

- Сегодня в полдень он стоил тридцать шесть тысяч марок!

А утром всего тридцать тысяч!

Георг Кроль рассматривает свою сигару.

- Уже тридцать шесть тысяч! Дело идет быстрее кошачьего романа! Чем все это кончится?

- Всеобщим банкротством, господин фельдмаршал, - отвечаю я. - А пока надо жить. Ты денег принес?

- Только маленький чемоданчик с запасом на сегодня и завтра. Тысячные и сотысячные билеты и даже несколько пачек с милыми старыми сотенными. Около двух с половиной кило бумажных денег. Инфляция растет такими темпами, что государственный банк не успевает печатать денежные знаки. Новые банкноты в сто тысяч выпущены всего две недели назад, а теперь скоро выпустят бумажки в миллион. Когда мы будем считать на миллиарды?

- Если так пойдет дальше, то всего через несколько месяцев.

Банкнота в биллион марок. В ноябре 1923 года этого хватит на четыре фунта хлеба или 250 граммов сала.

- Боже мой! - вздыхает Георг. - Где прекрасные спокойные дни 1922 года? Доллар поднялся в тот год с двухсот пятидесяти марок всего до десяти тысяч. Уже не говоря о 1921-м - тогда это были какие-то несчастные триста процентов».

Роман Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск» - это, пожалуй, одно из ярчайших описаний Германии периода гиперинфляции 1920-х годов в художественной литературе. Все действительно было так - инфляция росла буквально не по дням, а по часам, и заработную плату выдавали дважды в день - деньги, выданные утром, но не потраченные в обед, к вечеру значительно обесценивались. Тот, кто оседлывал инфляционную лихорадку, - роскошествовал, живя, по сути, на необеспеченный кредит, а тот, кто не мог спекулировать валютой и акциями и не имел твердого и не зависящего от валютного курса источника дохода, - скатывался в нищенское прозябание. Одновременно на улицах можно было встретить и людей в щегольских костюмах, просаживающих за вечер миллионы, и полунищих, пытающихся обменять вещи на продукты. В среднем в 1923 году инфляция в Германии составляла *более трех миллионов процентов в месяц*, а цены удваивались каждые сорок девять часов. Купюры с номиналом в миллиарды марок печатались с изображением, наносившимся только на одну сторону - для ускорения выпуска и экономии типографской краски.

Период инфляции 1921-1923 годов обычно связывают с оккупацией французскими войсками Рейнской области, когда Франция силой оружия установила свой контроль над территорией, дававшей Германии 72% угля, 50% чугуна и стали. Суммарный ущерб, нанесенный германской экономике как непосредственно французской оккупацией, так и действиями германского населения, направленными против оккупационной администрации, оценивается в 4-5 миллиардов золотых марок. После того, как на оккупированной французами территории по призыву германского правительства была начата всеобщая забастовка, государство приняло на себя еще и финансовую поддержку бастующих - эти расходы покрывались именно за счет выпуска необеспеченных денег. Впрочем, начало массовой оккупации Франции - это январь 1923-го, а инфляционный процесс в стране начался гораздо раньше - *если бы французской оккупации не было, ее следовало бы выдумать*. Все больше и больше обесценивая марку, германское правительство, над которым

Банкнота в 100 миллиардов марок. Хватит на пару новых подметок для обуви (8 миллиардов) и гроб (90 миллиардов).

дамокловым мечом нависали требования победителей, ликвидировало свой внутренний долг, обращая в ничто прежде такие стабильные государственные облигации, лишая людей их сбережений. Одновременно с помощью инфляции решалась задача максимального удешевления для государства тех товаров, поставками которых с 1922 года в основном и исполнялись репарационные выплаты.

«Духота позднего лета повисла над городом, курс доллара поднялся еще на двести тысяч марок, голод усиливается, цены подскочили, а в целом – все очень просто: цены растут быстрее, чем заработная плата, поэтому та часть народа, которая существует на заработную плату, жалованье, мелкие доходы и пенсии, погружается все больше в безысходную нужду, а другая захлебывается в неустойчивом богатстве. Правительство же ничего не предпринимает. Инфляция для него выгодна: благодаря ей оно аннулирует свои долги, а что при этом оно теряет доверие народа – никто не замечает».

Беспрецедентное падение национальной валюты принесло немалую выгоду тем, кто сумел на волне инфляции облегчить карманы сограждан и прибрать к рукам реальные ценности. Но и правительство не могло бесконечно долго уповать на списание долгов за счет печатного станка – тот самый гиперинфляционный 1923 год вызвал всплеск радикальных выступлений и слева,

Рентная марка. Не просто деноминация, а конец гиперинфляционного безумия.

и справа. Можно было с легкостью избавиться от государственных долгов - но можно было и с легкостью лишиться своего теплого министерского места в случае успеха радикального переворота. Именно поэтому, не давая отдыха печатному станку, правительство одновременно искало способ, который позволил бы стабилизировать курс или хотя бы притормозить катастрофическое падение. 16 ноября 1923 года появилась новая германская валюта - рентная марка: за миллион миллионов старых марок можно было получить одну новую. Мелкие спекулянты, не имевшие сведений о планах государства, вылетели в трубу; крупные акулы, не бедствовавшие и во время гиперинфляции, устояли на ногах, ну а простым гражданам пришлось вновь потуже затянуть пояса и начать считать мелочь. Там, где еще вчера номиналы почти бесполезных фантиков исчислялись в миллиардах марок, счет пошел на пфенниги.

«Подкрадывается серый рассвет. Мимо нас проходит мальчишка-газетчик. Ризенфельд делает ему знак и покупает газету. В ней крупными буквами напечатано:

“КОНЕЦ ИНФЛЯЦИИ! ОДИН БИЛЛИОН - ОДНА МАРКА!”

- Что скажете?

- Ребята, я ведь, может быть, действительно уже банкрот, - заявляет Вилли. - Я еще спекулировал на понижении курса. - Он

Карл Гельферих.

огорченно смотрит на свой серый костюм, потом на Рене. – Как нажился, так и прожился, но что такое деньги, верно?

– Деньги – вещь очень важная, – холодно отвечает Рене. – Особенно когда их нет!»

Новая валюта обеспечивалась не золотом, а имуществом – государство провело еще один ловкий финт, введя ипотечный залог и отписав на себя 6% недвижимого имущества всех германских граждан, которые, таким образом, приняли на себя не только бремя ликвидации государственного долга, но и бремя восстановления экономики. Удивительное дело, но немецкая уверенность в несокрушимости бюрократического предписания оказалась весомее традиционных антикризисных мер. В отличие от Австрии и Венгрии, Германии удалось избежать бремени новых внешних заимствований для стабилизации валюты: гражданам было предложено просто поверить в устойчивость новых денег, обеспеченных лишь бумагами на их же собственное имущество, и принять новые правила игры – и граждане коллективно пошли на это.

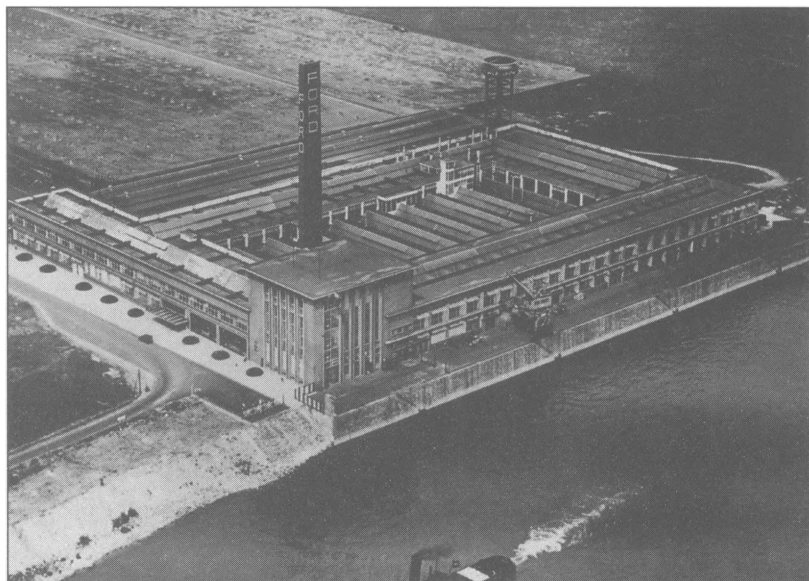
Автором идеи рентной марки, вытаскившей Германию из инфляционного колодца, являлся бывший министр финансов кайзеровской Германии Карл Гельферих. Именно Гельферих в 1915 году, будучи уверенным в победе в войне, объявил, что Германия потребует со своих противников возместить все причиненные войной убытки, – и тем самым создал предпосылки для будущих репарационных требований победителей к самой Германии. Предлагая идею выпуска рентной марки – обеспеченной не золотом, но бюрократическим решением – Гельферих боролся с банкиром Ялмаром Шахтом, который считал, что стабилизация возможна только за счет внешних займов. Ирония истории состоит в том, что по партийно-политическим причинам тогдашнее правительство предпочло доверить руководство введением новой валюты именно либералу Шахту, а не считавшемуся консерватором Гельфериху – таким образом, лавры Шахта достались ему лишь за реализацию идеи его оппонента. Еще раз история посмеялась, когда, забыв о якобы либерализме «спасителя нации» Шахта, Гитлер в 1933-м вручил ему пост главы Рейхсбанка, а в 1934-м – еще и рейхсминистра экономики. Расплачиваться за все это пришлось после 1945-го: хотя Шахт и был оправдан, но все же успел посидеть на скамье обвиняемых во время Нюрнбергского процесса.

Хотя вытеснение Германии с внешних рынков в сочетании с навязанными победителями ограничениями в отношении германских армии и флота и привели к длительной стагнации германской тяжелой промышленности, но легкая промышлен-

Ялмар Шахт.

ность после стабилизации валюты и цен начала быстро вставать на ноги: уже в 1924 году занятость в легкой промышленности достигла довоенного уровня. В целом ситуация стабилизировалась к 1927 году: рентная марка пользовалась доверием у насе-

Завод Форда в Кельне.

ления, введенная в 1924-м параллельно с ней рейхсмарка уже даже обеспечивалась золотом, рост цен был незначительным, а потребительские товары пользовались стабильным спросом: страна сбрасывала с себя обноски, оставшиеся от военных и довоенных лет. Поощрявшиеся государством инвестиции в развитие промышленности, осуществленные в 1920–1922 годах, еще висели мертвым грузом неиспользуемого оборудования на металлургии и тяжелом машиностроении, но и они пригодились в 1930-х.

Принятие плана Дауэса положило начало широкой привязке экономики Веймарской Германии к экономике США: предоставленный Германии заем в 800 миллионов золотых марок де-факто вдвое превышал реальную стоимость ходившей в стране денежной массы; одновременно с кредитным сотрудничеством двух государств, расширилось и частное сотрудничество компаний. После вступления Соединенных Штатов в Первую мировую войну финансовые активы, имущество и даже технические и торговые патенты германских компаний в США были реквизированы государством и переданы под управление их бывших американских партнеров. Теперь пришла пора создания большого числа

американо-германских компаний – отчасти возвращая германским владельцам ранее реквизированное имущество, американцы сохраняли свой контроль под вывеской совместных предприятий. Так, например, компания Winthrop Chemical была создана как совместное предприятие с равным участием американской Sterling Drug и немецкой I.G. Farben на производственных мощностях, принадлежавших ранее американскому подразделению германской фармацевтической компании Bayer. В то время как Winthrop Chemical расфасовывала по американским упаковкам прибывающие из Германии лекарственные препараты – Coca-Cola отправляла в Германию свой концентрат, разволившийся и разливавшийся там по бутылкам, Генри Форд открыл филиал своего завода в Кельне, ну а General Motors приценивался к акциям Opel. Танкеры с нефтью Standard Oil и универсальные магазины Woolworth, телефоны и фотоаппараты, бритвенные лезвия Gillette и электрические лампочки Osram – бизнесмены двух стран с легкостью находили общий язык, а период 1924–1929 годов получил в германской историографии название *Goldene Zwanziger* – «Золотые Двадцатые».

Еще одним направлением германо-американского взаимодействия стало репарационное: в 1929 году президентом General Electric Оуэном Юнгом была предложена новая схема выплаты репараций, предусматривавшая сокращение ежегодных выплат, отмену репарационного налога на германскую промышленность и транспорт. Хотя официально Соединенные Штаты и не участвовали в Гаагской конференции по репарациям (чтобы не дать европейцам возможность увязать выплату репараций и выплату военных долгов США), однако у них было достаточно сил, чтобы обеспечить принятие этого плана участниками конференции и, следовательно, обеспечить стабильность германской экономики и безопасность собственных инвестиций. Фактически план Юнга предусматривал если не полную отмену репарационных выплат де-юре, то, по крайней мере, ликвидацию их де-факто растягиванием на несколько десятилетий¹. После того,

¹ План Юнга предусматривал, что репарационные выплаты будут завершены только в 1950-х годах; в действительности Вторая мировая война и послевоенный раздел Германии на ФРГ и ГДР привели к тому, что завершающая репарационная выплата была совершена только 3 октября 2010 года.

«Золотые двадцатые»: попытка забыть нерешенные проблемы...

как Германия отказалась от репарационных выплат, именно Соединенные Штаты поддержали ее в этом решении: чем меньше денег Германия отдавала Франции и Британии, тем слабее становились эти американские экономические конкуренты и тем больше Германия могла приобрести в США.

Но именно это взаимовлияние, эта связанность экономик двух стран и сослужила плохую службу: стоило только американской экономике ослабеть, как и у германских партнеров начались проблемы. Уже первоначальное замедление экономического роста привело к затруднениям для германской экономики. На Нью-Йоркской бирже еще раздували пузырь, а германская экономика уже проявила склонность к снижению: количество безработных в стране выросло с 650 тысяч в сентябре 1928-го до 1 миллиона 320 тысяч в сентябре 1929-го. В 1930 году индекс промышленного производства в Германии понизился на 14% по сравнению с 1929 годом, а к 1932 году падение составило 41% – спад происходил синхронно со спадом в США, хотя и был чуть

...но проблемы остаются. Стоило германской экономике пошатнуться, и инвалид Первой мировой войны вновь вынужден просить милостыню.

менее глубоким. Количество безработных в 1930-м достигло уже трех миллионов человек, а к январю 1933-го – превысило 6 миллионов. Банковский кризис, спровоцированный политикой Франции в отношении австро-германского таможенного союза, оказался отчасти скомпенсирован тем, что Германия, пользуясь завышенным курсом французского франка, начала активно завоевывать позиции на рынках Восточной Европы – но, в совокупности с сокращением американских инвестиций, он создал проблемы для перспективного развития промышленности и экономики.

Можно долго рассуждать, *что было бы*, если бы в январе 1933-го к власти в Германии не пришел Гитлер, как бы тогда повернулась история – в том числе и экономическая история. Можно рассуждать о том, как иные правительства отказывались бы от ограничений Версальского договора, как меняли бы структуру германской экономики – ведь для неминуемого восстановления армии требовалось усиление доли тяжелой

промышленности¹. Определенно можно быть уверенным лишь в том, что даже более умеренное германское правительство все равно добивалось бы отмены статей Версаля – и причина этого не в особой злобности и врожденной склонности к реваншизму, а в той ситуации, которая складывалась в Центральной и Восточной Европе в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Многолетнее противостояние вчерашних союзников, Британии и Франции, в совокупности с запущенным требованием Лавалля европейским банковским обвалом привело к тому, что строившаяся французами система зависимых государств приказала долго жить. И речь шла не только о развале политической системы восточноевропейских профранцузских военных блоков – нет, увлеченно выталкивавшие друг друга французы и англичане фактически своими руками открыли для Германии рынки Восточной Европы. Первую скрипку при этом, безусловно, играла Британия, рассматривавшая Германию в качестве удобного инструмента давления на французскую политику и французские экономические интересы. В Лондоне полагали, что франко-германская напряженность позволит ослабить европейское влияние Франции и Британия сможет воспользоваться этим для укрепления и расширения своего экономического и политического влияния.

Но в то же самое время, когда Британия пыталась лишить Францию политического и экономического влияния и ради этого благоприятствовала германской политике и экономике, США тоже не оставались безучастными. Хотя после Первой мировой войны Соединенные Штаты самоустранились из большинства европейских политических вопросов, однако никакая американская политическая самоизоляция не могла быть помехой американской экономике. Экономическая катастрофа 1921–1923 годов превратила Германию в обширный рынок – и компании Соединенных Штатов видели этот рынок в первую очередь своим.

¹ Уже в 1939 году лишившийся былого влияния Ялмар Шахт высказывал мнение о том, что проведенный Гитлером ускоренный рост германской тяжелой промышленности и расходы на восстановление армии расшатали германскую экономику и в ближайшее время неизбежно падение марки и рост инфляции. Если точка зрения Шахта верна, то к экономическим причинам начала Германией Второй мировой войны следует добавить и стремление военной добычей закрыть прорехи, возникшие за шесть гитлеровских лет в германской экономике.

Упомянутое мною выше американско-германское экономическое сотрудничество, планы Дауэса и Юнга – это взаимодополняющие элементы американской экономической политики в отношении германского рынка: с одной стороны, шло непосредственное проникновение на этот рынок и расширение на нем своего влияния, с другой стороны – принимались политико-экономические решения, обеспечивающие интересы своего бизнеса.

Германия была нужна всем – и именно поэтому из оборванной нищенки, роль которой мыслилась лишь в услужении сильным мира сего, она превращалась в переборчивую невесту, вокруг которой стаями увивались женихи. Проявляя благосклонность то к одному, то к другому, германская невеста требовала соответствующих знаков внимания – вначале за то, что она уже сделала, а затем уже и просто за обещание подумать и, возможно, сделать.

Нередко приходится слышать о том, что якобы еще до Второй мировой войны Британия и Соединенные Штаты, проводили совместную политику по противодействию германской политической и экономической агрессии. Однако германский историк Ганс-Юрген Шредер, анализируя вопросы торговых и политических отношений в треугольнике США – Британия – Германия в межвоенный период, отмечает, что эта точка зрения полностью ошибочна – достаточно лишь внимательно присмотреться к историческим событиям. По мнению Шредера, курс, проводимый Британией и Соединенными Штатами, представлял собой ряд последовательных актов, направленных на политическое и экономическое умиротворение Германии.

Германский историк считает, что британская сторона пыталась поддержать группировку «умеренных» в германском руководстве, полагая возможным признать германские притязания в политической и экономической сферах, что, как надеялись в британском руководстве, уменьшит стремление Германии к созданию мощной военной промышленности и созданию военной напряженности. Возможно, такая политика в отношении Германии и имела бы шансы на успех – но тот рукотворный кризис, который был создан в Британии Черчиллем, подводил британских политиков и экономистов к необходимости больших уступок Германии, чтобы германским усилением компенсировать собственное ослабление в борьбе за континент.

Если британские действия предполагали большее количество политических шагов, то американцы более уповали на экономику – но нельзя считать, что экономику в данном случае можно отделить от политики. В июле 1938 года, за пару месяцев до подписания в Мюнхене англо-франко-германо-итальянского договора по Чехословакии, ставшего символом политического умиротворения Германии, помощник секретаря американского департамента морской торговли Хадсон анализировал события прошлых лет. В своем анализе Хадсон отмечал, что «экономические соглашения с Германией давали большую возможность заложить краеугольный камень для политического умиротворения». В том же 1938-м году государственный секретарь США Корделл Хэлл заявлял, что «не может быть разоружения без экономического умиротворения», и трактовал обширные экономические отношения США и Германии как необходимое условие обеспечения мира в Европе.

Нельзя говорить о том, что устремления германских политиков проявились только в 1938 году. Еще весной 1934-го американский дипломат Джордж Мессерсмит направил заместителю госсекретаря Уильяму Филлипсу меморандум, подготовленный торговым атташе Дугласом Миллером, в котором излагалось мнение о главных целях нацистов. На первом месте в меморандуме стояла экономическая опасность реализации нацистских планов, опасность войны американскими дипломатами рассматривалась только в четвертом, предпоследнем пункте меморандума, и, по их мнению, военная угроза могла быть создана Германией «после десятилетнего или более длительного периода»:

«Германия намерена стать экономическим центром самообеспеченного территориального блока стран-сателлитов Центральной и Восточной Европы, обратившихся к Берлину как лидеру. Этот блок должен стать достаточно сильным, чтобы быть в состоянии бросить вызов военной блокаде, и достаточно большим, чтобы дать населяющим его народам те же выгоды, которыми сейчас обладают 48 американских штатов».

Американский дипломат просил руководство своей страны усилить экономическое давление на Германию – но он не учитывал той роли, которую Германия играла в американо-британском экономическом противостоянии. В Вашингтоне готовы были пойти на уступки Германии в отношении ее проникнове-

ния в Восточную Европу – пока что только экономического, а не военного, – чтобы взамен получить режим наибольшего благоприятствования на внутригерманском рынке. Объемы торговли между Соединенными Штатами и Германией в 1930-х годах превышали объемы торговли между США и странами Латинской Америки: интересы собственного бизнеса подталкивали Вашингтон ко все новым и новым шагам навстречу Берлину.

В свою очередь, американские уступки приводили к новым шагам со стороны Британии – которая отнюдь не желала уступать заокеанским кузнам свои позиции на германском направлении, – а там и Франция была вынуждена идти на уступки, чтобы не остаться в одиночестве и изоляции.

Борьба между Британией, Францией и США за политическое и экономическое влияние неизбежно создавала обширные возможности для германского политического и экономического маневра, и маневры эти велись германской стороной с самого начала 1920-х годов: сменявшие друг друга правительства Веймарской Германии шаг за шагом возвращали своей стране былое влияние и мощь. Какими бы ни были эти правительства, но сам по себе факт наличия противоречий между мировыми державами был благоприятен для германского восстановления – как политической, так и экономической силы. Отнюдь не Гитлер был автором германского «экономического чуда» 1920-1930-х годов – он получил готовый результат, как ранее Ялмар Шахт получил рентную марку от Гельфериха. Даже если бы Гитлер не стал рейхсканцлером в январе 1933-го – десятилетие деятельности его предшественников на этом посту уже обеспечивало германский рост. Мы никоим образом не можем полагать, что Германия все время оставалась бы второстепенным игроком и играла подчиненную роль: политические и экономические решения, принимавшиеся в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Берлине могли повлиять на сроки исполнения событий, но они задавали направленность этих событий – и задавали ее однозначно.

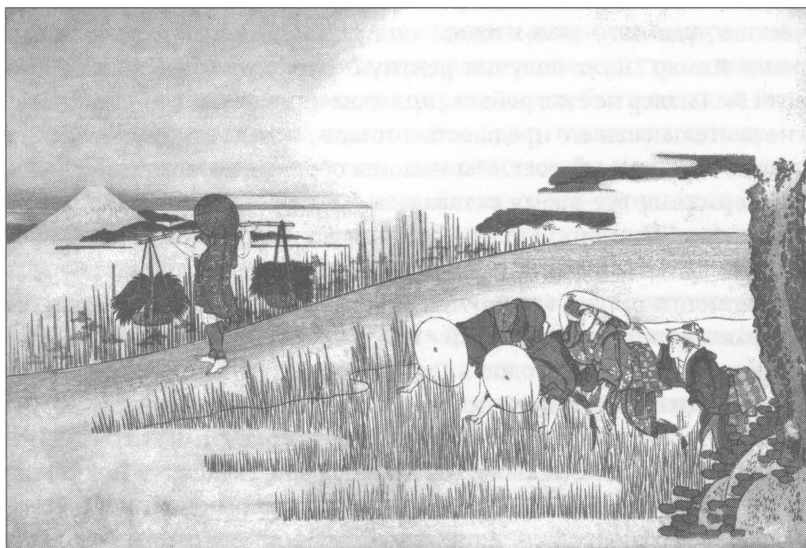
Кризис 1928-1933 годов в Германии, безусловно, определялся обширными международными связями германской экономики – и эти же хитросплетения экономических и политических связей обеспечивали выход из кризиса – не полагаясь исключительно на собственные силы, но старательно используя разлад в стане политических и экономических конкурентов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

АЗИЯ: РИС, ТРУД, ДЕНЬГИ

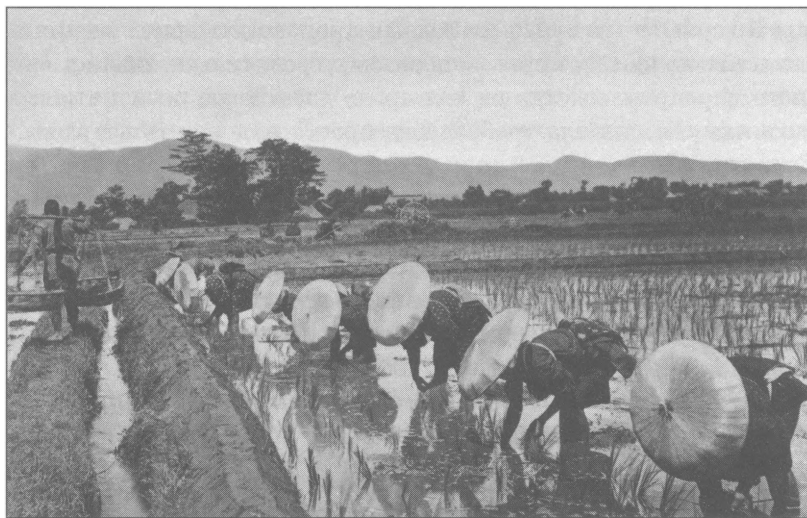
Для того чтобы понять, как и под воздействием каких сил в 1920-1930-х годах колебалась азиатская экономика (в первую очередь – японская и китайская), нам потребуется разобраться не только с историческими предпосылками тех или иных событий, но даже затронуть вопрос культурно-бытовых особенностей азиатского региона. Огромные азиатские территории, сотни миллионов человек, объединялись и объединяются не только расовой принадлежностью или буддийским вероучением, но и куда более прозаичными вещами. От Индии до Японии, от Китая до Индонезии – рис, подарок богов, символ благополучия и богатства, рис, обладающий собственной душой и являющийся не просто едой, а символом всей еды, – вот что объединяло и объединяет азиатские страны.

Требующий упорного кропотливого труда, труда коллективного, рис год за годом, поколение за поколением, век за веком

приучал людей к подчинению общей цели для достижения общего успеха. В 1924-м году Владимир Маяковский писал, восхваляя идею коллективизма: «единица – вздор, единица – ноль», но миллионы азиатских крестьян, склонявших свои спины над залитыми водой рисовыми полями, знали это с рождения, как знали их отцы и деды. Технология возделывания риса не менялась веками. На европейских, американских и австралийских пшеничных полях появлялись конные жнейки и первые комбайны – вначале паровые, а затем и с бензиновым двигателем, стальные плуги вспахивали землю от горизонта до горизонта – под небом Азии миллионы человеческих спин все так же склонялись над каждым пучком узких зеленых рисовых листьев.

В десятилетие, предшествовавшее Первой мировой, европейские страны выращивали 35 миллионов тонн пшеницы ежегодно, а поля четырех крупнейших экспортеров – США, Канады, Аргентины и Австралии – давали еще до 32 миллионов тонн в год. Когда европейские крестьяне надели солдатские шинели и отправились в окопы, а их поля заросли колючей проволокой и пулеметными гнездами – в Америке и Австралии увеличили производство пшеницы на треть, а ее экспорт вырос почти что вдвое. К 1925 году сельское хозяйство европейских стран было восстановлено до предвоенного уровня, особо

Труд на рисовом поле: вековое постоянство Азии.

урожайные годы - 1923-й, 1927-й и 1928-й (когда мировое производство пшеницы достигло 68, 82 и 92 миллионов тонн соответственно) - обильно наполнили закрома. Непрерывный рост американского и австралийского экспорта пшеницы неизбежно приводил к снижению цен, и даже неурожайный 1929 год не позволил исправить ситуацию - только спешно возведенные таможенные барьеры смогли приостановить падение европейского сельского хозяйства.

Европа вела «хлебные войны» с заокеанскими конкурентами, новые технологии высвобождали рабочие руки и усиливали конкуренцию на рынке труда - миллионы азиатских крестьян все так же продолжали дело отцов и дедов. В 1930-м году в Британской Индии и Бирме было выращено 49 миллионов тонн риса, в Китае - 43 миллиона тонн, в Японии - 10 миллионов. Филиппины, Индонезия (тогда - Нидерландская Ост-Индия), Таиланд, Французский Индокитай и Корея дали совместно 22 миллиона тонн - но все это богатство практически полностью поглощалось внутренними рынками стран-производителей. Британская Индия, являвшаяся крупнейшим экспортером риса, выставляла на мировой рынок всего лишь 2 миллиона тонн (4% от произведенного). При общем объеме азиатского производства в 124 миллиона тонн риса, суммарный объем экспорта всех стран-производителей составлял 3 миллиона тонн - менее 2,5%.

По сравнению с 1920-ми годами производство риса увеличилось только на 10%, и, таким образом, угроза сельскохозяйственного перепроизводства не только не возникала, но и не могла возникнуть: сначала требовалось просто накормить все голодные рты¹. Только в 1928 году, когда сельское хозяйство Японии наконец-то вышло на уровень самообеспечения страны, в Токио были введены первые ограничения на импорт индийского риса - но и это решение не привело к лавинообразной тарифной войне. Куда как более серьезные последствия имел высокий урожай японского риса 1930 года. В октябре 1930-го японские цены понизились на треть, в январе 1931-го падение на рынках Калькутты и Рангуна превысило 50%: европейские хозяева индийского и бирманского рынков слепо перенесли в Азию европейский

¹ Производство и потребление риса на душу населения в Китае было на треть меньше японского.

пшеничный опыт и не учли, что прежде цена японского риса специально завышалась правительственными мерами. В результате, вместо того, чтобы заработать, индо-британские торговцы лишь увеличили свою кредитную задолженность: ошибка была в точности та же, что и у американских фермеров, поддавшихся панике годом ранее.

Казалось, что сама природа Азии способствует сохранению благополучной и стабильной ситуации – но природа бывает не только добра.

1 сентября 1923 года, вскоре после полудня, вздрогнуло дно залива Сагами – возле острова Осима, в 90 километрах от Токио. Восьмибальное землетрясение встряхнуло японскую столицу, обратив в руины те здания, что были построены по европейскому образцу. Исполненная иностранными архитекторами работа соответствовала облику современной, непатриархальной Японии, той Японии, которая после консервативной революции *Мэйдзиисин*¹ 1868 года семимильными шагами догоняла остальной мир – но она не соответствовала природе Японии, и кирпичи, полетевшие с красиво сложенных фасадов, стали смертельно опасны. Но еще большую опасность, чем обрушившиеся стены западного образца, представляли собой сотни тысяч жаровен и печей, которыми японцы обогревали свои дома и на которых как раз начали готовить обед. Пожар стремительно охватил город, и усилия нескольких сотен токийских пожарных не смогли остановить его. Дома и кварталы выгорали один за другим, горели магазины и храмы, деревья и мосты. Японская столица лишилась более 300 тысяч зданий (до катастрофы их было около миллиона). Зоной бедствия стало более 50 тысяч квадратных километров самого густонаселенного района Японии. Кроме Токио, стихия уничтожила Июкогаму и причинила значительный ущерб еще 10 крупным городам.

Вслед за землетрясением на прибрежную полосу обрушились многометровые волны цунами – но, несмотря на это, именно

¹ Мэйдзиисин – восстановление полноты императорской власти, за которым последовали окончательный отказ от самоизоляции и ускоренная модернизация промышленности, финансов, армии и флота страны по европейскому образцу.

Последствия землетрясения.

в море тысячи японцев пытались укрыться от пламени пожаров. Они не знали, что подземные удары разрушили находившиеся в порту хранилища нефтепродуктов, и вскоре море, залитое бензином и нефтью, тоже запылало.

Двое суток горели города, и двое суток содрогалась земля. Официально погибшими были объявлены 174 тысячи человек, но еще 542 тысячи до сих пор числятся пропавшими без вести. Более миллиона человек лишились крыши над головой. Общее число пострадавших достигло четырех миллионов человек. Экономические и имущественные потери исчислялись четырьмя с половиной миллиардами долларов¹ – в то время это составляло два годовых бюджета Японии и было в пять раз больше, чем японские расходы во время русско-японской войны. Именно землетрясение 1923 года, вошедшее в историю как «Великое землетрясение Канто», послужило той базой, которую в годы Второй мировой войны использовали американские военные при планировании тотальных бомбардировок японских городов. Но тогда, в 1923-м,

¹ Более 55 миллиардов долларов в нынешних ценах.

классик новой японской литературы Акутагава Рюноскэ писал: «После того как Великое землетрясение наконец утихло, люди, которые, спасаясь от землетрясения, покинули свои дома, стали дружелюбными и приветливыми. Повсюду... можно было видеть сцены, когда люди, независимо от того, были они соседями или нет, приветливо беседовали между собой, предлагали друг другу сигареты, сладости, нянчили детей... картина невиданного добросердечия, царившего среди множества людей, собравшихся на газоне, поистине прекрасна...»

Получив такой удар под дых, японцы не застыли в вечной скорби, не опустили руки, а стали кропотливо, шаг за шагом восстанавливать разрушенное и создавать новое. Мобилизуя внутренние ресурсы и используя внешнеполитическую конъюнктуру, Япония продолжала усиливаться, сохраняя свое звание сильнейшей державы региона. Когда-то, в начале века, Япония заключила договор с Британией, который помог усилить японский тыл и выбить Российскую империю из Кореи и с Ляодунского полуострова. 1910 год превратил Корею в часть Японской империи, 1914-й позволил Японии захватить германские владения в Азии и на Тихом океане. Пользуясь слабостью Китая, расшатанного длившейся с 1911 года гражданской войной, пользуясь американско-британскими противоречиями, Япония шаг за ша-

Токио через три года после катастрофического землетрясения: новые трамваи, новые автомобили, новые, более высокие, дома.

гом усиливала свои позиции на материке – вначале только экономические. Бедная сырьем, она остро нуждалась в колониях, и неудивительно, что в отношении Китая Японией проводилась точно та же политика, которую ранее проводили в Китае Британия и США: экономическое влияние и вооруженная сила, совместно дополняя друг друга, обеспечивали преимущественные права, экономические льготы, юридическую неприкосновенность.

Внутри самой Японии борьба за усиление страны приобретала весьма жесткие формы: желание видеть Японию страной максимально сильной, не стесненной международными договорами и обладающей всеми правами великой державы, привело к появлению недовольных и возникновению ряда заговоров. В мае 1932-го и в феврале 1936-го группы молодых офицеров устраивали в японской столице военные мятежи, желая привести к власти своих представителей и требуя ужесточить государственный курс. Они просто не понимали, что Японии пока что не по карману такая политика, и не хотели ждать, когда Япония станет достаточно сильна экономически для реализации их политических планов. Эти заговорщики имели очень плотные связи с командованием расположенной на материке японской Квантунской армии¹, и можно с уверенностью сказать, что занятость японского руководства борьбой с внутренними экономическими проблемами развязала руки авантюристам-квантунцам. Не желая ждать, когда Япония получит доминирующее положение в Китае политическим и экономическим путем, квантунцы фактически самовольно начали военные действия в Китае.

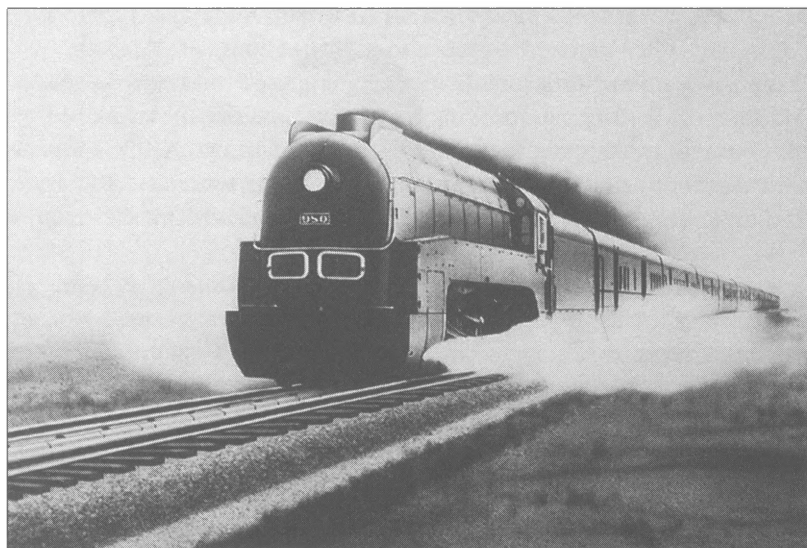
Уже осенью 1931 года японские войска установили контроль над Манчжурией – цепочка «конфликтов» перешла в широкомаштабную войну. Но это было непримитивное установление контроля для последующей выкачки всех колониальных ресурсов – нет, японцы полагали, что они пришли всерьез и надолго, и, как

¹ Армейские части, занимавшие первоначально Квантунскую область – часть Ляодунского полуострова с военными базами Реджун и Дайрен (бывшие российские Порт-Артур и Дальний, отошедшие Японии после русско-японской войны).

Манчжурский император Пу И, чья империя, по сути, была японской колонией.

и ранее в Корее, японское руководство приступило к модернизации обретенных территорий. С 1931 по 1936 год японские капиталовложения в Манчжурии выросли почти в 2 раза и достигли 2,8 миллиарда иен. 90% этих капиталов составили инвестиции в транспортную систему, обрабатывающую промышленность и горное дело. Там, где раньше было только две железнодорож-

Японский экспресс на железной дороге в Манчжурии.

ных магистрали - КВЖД и ЮМЖД¹, - возникла обширная транспортная сеть. В течение первых четырех лет (1932-1936) существования формально независимого, но подконтрольного Токио государства Манчжоу-Го появилось 248 новых японских и японо-маньчжурских предприятий, шло активное строительство и реконструкция заводов, электростанций, рудников, угольных шахт. В течение 1932-1936 годов объем производства в десяти ведущих отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности Манчжоу-Го вырос с 73,6 миллионов до 159,5 миллиона маньчжурских юаней, при этом среднегодовой прирост составил 16,7%.

¹ КВЖД - Китайская Восточная железная дорога, построенная в 1897-1903 годах Российской империей на территории Манчжурии. Вплоть до завершения строительства Транссибирской магистрали в 1916 году являлась единственной связью между российским Дальним Востоком и остальной частью страны. ЮМЖД - Южно-Манчжурская железная дорога, ответвление КВЖД в направлении российских баз на Ляодунском полуострове. После поражения России в русско-японской войне ЮМЖД перешла в собственность Японии. КВЖД оставалась в собственности России, но в 1935 году была продана Манчжоу-Го (перейдя в фактическую собственность Японии), с 1945 года вместе с ЮМЖД - под советско-китайским управлением, а в 1952 году советская доля прав на обе дороги уступлена Китаю.

В 1935 году в соответствии с соглашением между Японией и Манчжоу-Го был создан «Объединенный экономический комитет», имевший своей целью обеспечение «экономических связей двух стран и контроля над особым японо-маньчжурским сотрудничеством». С целью более полного и всестороннего использования экономических и людских ресурсов Манчжоу-Го японская сторона к концу 1936 года разработала первый пятилетний план на 1937-1941 годы, в соответствии с которым в первую очередь предусматривались ликвидация дефицита стратегических материалов, в которых особенно остро нуждалась Япония. В 1938-1941 годах планировалось обеспечить поставки из Манчжурии в Японию полутора миллионов тонн чугуна, более одного миллиона тонн стали, шести миллионов тонн угля, 20 тысяч тонн свинца, 450 тысяч тонн соли, 25 тысяч тонн соды, 300 тысяч тонн бумаги - для чего были намечены инвестиции в объеме 6 миллиардов маньчжурских юаней. Покрытие этих расходов велось за счет японского (государственного и частного) капитала, бюджета Манчжоу-Го и привлечения иностранных инвестиций (в том числе из США). Хотя этот пятилетний план так и не был выполнен в полном объеме, но к 1941 году созданная в Манчжурии хозяйственно-экономическая база являлась второй по величине в регионе - уступая только собственно японской метрополии. Индекс производства добывающей и обрабатывающей промышленности Манчжоу-Го в 1941-м году составил 934 против 100 в 1936 году, индекс производства в сельском хозяйстве - 403 против 100. Там, где раньше существовали лишь убогие маньчжурские деревни, где брикеты опиума служили самой надежной валютой, а пределы технического прогресса ограничивались фактически лишь полосой отчуждения, построенной русскими инженерами и рабочими Китайско-Восточной железной дороги, стремительно вырастала новая промышленная база - с шахтами и сталеплавильными печами, с автомобильными, станкостроительными, авиационными и танковыми заводами. Даже Вторая мировая война не смогла остановить этот процесс: в 1944 году добыча железной руды в Манчжурии составляла 228% от добычи в Японии, добыча каменного угля - 51,9% от японской, выплавка чугуна - 84,9% от японской.

Существенные перемены произошли не только в промышленности: для обеспечения новых владений и метрополии

Японские колонисты в Манчжурии.

продовольствием в августе 1936 года был принят двадцатилетний план японской сельскохозяйственной колонизации. Этот план предусматривал переселение на материк пяти миллионов японцев-колонистов, и, хотя полностью осуществить его не удалось, успех этой программы был весьма значительным. Уже в 1940 году посевная площадь, обрабатываемая японскими колонистами, составила 72,9 тысячи гектаров (что в 170 раз больше, чем в 1932 году), сбор риса вырос в 72 раза, соевых бобов – в 70, овса – в 106 раз. Если ранее Манчжурия едва лишь могла скудно кормить свое население, то теперь, кроме полного самообеспечения, манчжурское продовольствие пошло и в Японию. В 1944 году сбор сельскохозяйственных культур (непрерывно возраставший каждый год) достиг рекордного уровня 20,9 миллиона тонн, при этом в Японию было вывезено 8,9 миллиона тонн сельхозпродукции (двумя годами ранее – 6 миллионов тонн).

Аналогичным образом Японией проводилась индустриализация Кореи. В 1931–1936 годах было введено в эксплуатацию более 1300 промышленных предприятий (горнорудных, металлургических, химических), велось строительство электростанций. В 1939–1945 годах в Корее было произведено более 1 миллиона тонн чугуна, 800 тысяч тонн стали, добыто 3 миллиона тонн железной руды, 8 миллионов тонн угля, построенные японцами электростанции произвели более 15 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. На нынешнем гербе КНДР красуется гидроэлектростанция – но около 90% всей северокорейской гидроэнергетики – это наследие японского правления.

В чем же секрет японского экономического чуда 1930-х годов? Что позволило стране, лишь немногим более полувека приобщавшейся к прогрессу, совершить такой рывок?

Кто-то видит ключ к пониманию произошедшего исключительно в золотом факторе – Япония одной из первых отказалась от золотого стандарта и, приняв гибкий валютный курс, обеспечивала конкурентоспособность своей экономики. Но не следует забывать и о том, что в середине 1930-х годов японский рабочий получал за свою работу в четырнадцать раз меньше, чем американец, – это позволяло сделать японские товары дешевле на четверть. Срабатывало то самое, воспитанное веками, понимание необходимости поступиться личным ради общего успеха: в то время как американцы скатывались в нищету и прозябание с личными автомобилями, японцы шли к успеху страны пешком.

Удивительно, но и Китай длительное время оставался в стороне от кризиса – даже несмотря на продолжительную гражданскую войну, несмотря на жуткий политический хаос, когда страна была фактически разорвана на отдельные провинции, руководство которых не признавало власть друг друга. После Синхайской революции 1911 года Китай не представлял собой единое государство: еще в ходе революции часть провинций не подчинилась новому, республиканскому правительству. В последующие годы уже в республиканском правительстве произошел раскол, и руководство партии Гоминьдан бежало из Пекина на юг, создав там свое отдельное правительство, не подчиняющееся пекинскому и не признающее его. Кроме этого, военно-политическое руководство практически каждой провинции, при наличии у него достаточных военных и экономических ресурсов, проводило свою собственную политику, воевало с соседями и пыталось играть роль на международной арене. Только к концу 1920-х годов гоминьдановское правительство, захватившее к тому времени Нанкин и сделавшее этот город столицей «своего» Китая, начало одерживать верх в длившейся уже почти два десятилетия гражданской войне – но все еще не контролировало Китай в целом.

Десятилетиями Британия поставляла в Китай опиум – и отстаивала свое право на наркоторговлю силой оружия. В 1932 году

Чан Кайши, военный диктатор Китая, один из многих, захватывавших власть в ходе длившейся десятилетиями гражданской войны.

британские бизнесмены нашли новый способ обогащения за счет Китая, и способ этот состоял в вывозе китайской серебряной монеты. Отказ Лондона от золотого стандарта и увеличение стоимости серебра в сочетании с существовавшим тогда курсом обмена валют создал предпосылки для весьма специфической торговли: фунты стерлингов обменивались на серебряные юани, китайские монеты паковались в ящики и вывозились в Британию, где за счет более высокой стоимости серебра получалась стабильная прибыль.

Такие действия британцев привели к существенной дефляции китайской валюты. Прямым следствием этой дефляции стал упадок и так подорванного гражданской войной сельского хозяйства Китая: выращивать продовольствие стало попросту невыгодно. Стоимость 1 ши (60 кг) риса в 1930-м была 11 таэлей, в 1932-м она упала до девяти, а в 1933-м – до шести. Крестьяне бросали землю, посевы риса сокращались, все больше и больше

людей оказывалось на пороге голодной смерти. Помимо прямого ущерба был и косвенный: китайские власти были вынуждены перейти к взиманию арендной платы за землю и налогов с крестьян не деньгами, а продуктами – в результате наполнение бюджета шло из рук вон плохо. Еще один удар по экономике Китая был нанесен в 1934 году, на этот раз в виде повышения цены серебра в США.

Американские владельцы серебряных рудников, продавливая в Конгрессе Silver Purchase Act, намеревались увеличить собственные прибыли – но их ожиданиям не суждено было сбыться: в США пошел поток дешевого иностранного серебра. Знали ли в Соединенных Штатах о том, какой результат уже дали действия британцев в Китае? Да, знали. Понимало ли американское руководство, чем чревато дальнейшее продолжение такой политики? Да, понимало. Министр финансов США Генри Моргентау предупреждал президента Франклина Рузвельта о том, что продолжение действия серебряного акта и рост стоимости серебра оказывает негативное влияние на Китай и ослабляет его перед японским влиянием. Так почему же проводилась именно такая политика?

Нет, это не было ошибкой – за действиями американской стороны стоял вполне определенный политико-экономический расчет. Все тот же Моргентау предполагал, что Китай, лишившись серебряной монеты, будет вынужден перейти на долларовую базу, а это создаст для США беспрецедентно выгодные условия на гигантском китайском рынке. Намереваясь лишить Китай независимой валюты, американские экономисты играли не столько против Китая, сколько против своих конкурентов: обваливая китайскую валютную систему, американцы намеревались выбить почву из-под ног у англичан и японцев.

Из-за нарушения денежной системы в 1934 году ВВП Китая сократился на 26%, уже 15 октября 1934 года в Китае произошел частичный отказ от серебряного стандарта и частично ограничен вывоз серебра, а 3 ноября 1935 года китайские власти полностью отказались от серебряного стандарта. Попытки китайского правительства блокировать вывоз серебряных монет привели к тому, что их стали вывозить контрабандно – и не только отдельные граждане, но и непосредственно иностранные банки (поль-

THE NEW (OPEN) DOOR MAN

Японский «швейцар» наступил даме-Америке на шлейф с надписью «Американские интересы в Китае». Отношение США к азиатским событиям определялось лишь тем, насколько конкуренты не мешали американским политике и бизнесу.

зовавшиеся неприкосновенностью и находившиеся вне юрисдикции китайских властей). Однако надеждам Моргантау не суждено было сбыться - в Китае не перешли на долларовую привязку, а запустили массированный выпуск необеспеченных бу-

мажных денег для покрытия бюджетных расходов. Запущенный на максимальные обороты печатный станок стал последним гвоздем, забитым в крышку гроба китайской экономики. Страна окончательно скатывалась в экономический хаос, а хаос в экономике приводил к хаосу в политике. Желая сохранить свою власть, Чан Кайши, лидер китайской партии Гоминьдан, не побеждавший на выборах, но объявленный в Британии и США демократом, готов был к любым авантюрным ходам - лишь бы только они могли принести ему иностранную поддержку и новые кредиты. В свою очередь, японское военное командование было уверено в своей правоте и жаждало славы и почестей. Пушки уже не могли не выстрелить - и они выстрелили. То, что началось как «инцидент на мосту Марко Поло» 7 июля 1937 года, закончилось только 2 сентября 1945 года, когда на палубе американского линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЯ ТЬМЫ, ВРЕМЯ ГНЕВА

Совершив своего рода «кругосветное путешествие», мы смогли воочию убедиться в том, насколько по-разному возникали и развивались экономические трудности 1920-1930-х годов в различных странах. Как мы смогли увидеть, далеко не везде экономические трудности были прямым следствием Великой депрессии в Соединенных Штатах. Можно полагать, что существует связь между американским кризисом и кризисом в Германии, можно считать, что глубокий французский кризис есть отчасти следствие активной американской валютной политики, возникшей именно как средство борьбы с Депрессией – но есть и другие примеры. В то время, когда в США еще только определялись с причинами и планировали действия, Британия уже миновала свою экономическую яму, а Япония всю разворачивала обширную и весьма затратную программу модернизации. Самое серьезное падение индекса промышленного производства в Швеции наблюдалось в 1932 году и составило 11% (в четыре раза меньше, чем в США в то же время), а уже в 1935 году уровень производства в Швеции был на 25% *выше* базового показателя 1929 года.

Если бы не Франция, своими руками загнавшая себя и своих восточноевропейских сателлитов в финансовую пропасть, – то можно было бы говорить о том, что к 1935 году Европа в целом благополучно миновала кризис и твердо держалась курса на дальнейший экономический рост. Ну а Соединенные Штаты... Соединенные Штаты представляли собой в 1935-м удручающее зрелище. За три года рузвельтовских реформ безработица так и не опустилась ниже 20 процентов, а сами эти реформы признавались противозаконными. По дорогам страны в поисках хоть какой-то временной работы продолжали кочевать миллионы американцев – с женами и детьми, и то и дело армия этих вынужденных мигрантов пополнялась все новыми и новыми экс-фермерами, так и не получившими обещанных государством благ.

В дополнение к хроническому неисполнению государством своих обязательств по выплатам фермерам «паритетных» доплат, в 1935 году на сельское хозяйство Соединенных Штатов обрушилась новая беда.

День 14 апреля 1935 года вошел в историю США как «Черное воскресенье». Этот день был назван так не потому, что на бирже шаталась цена акций или резко обесценивался доллар, – нет, в этот день тьма в буквальном небе поглотила солнечный свет. Ветры, разогнавшиеся по Великим Равнинам – огромному фермерскому полю Америки, протянувшемуся на три тысячи километров с севера на юг и на полтысячи километров с востока на запад, – подхватили мириады мельчайших частиц земли. Словно черные стены высотой в десятки метров, пылевые бури пронеслись по районам, которые давали пшеницу и кукурузу, хлопок и сою, районам, где пасся скот, районам, которые были сельскохозяйственным сердцем страны.

Уильям Гилпин, исследователь, политик и писатель, первый губернатор Территории Колорадо, в 1860-х годах восславил эти края как «плодородную чашу, окруженную горами». В апреле 1935-го репортер Associated Press Роберт Гейгер назвал эту землю «пыльным котлом».

Черная буря: стена поднятой ветром земли надвигается на городок.

Там, где раньше зеленели поля, - словно прокатился гигантский каток: триста тысяч тонн земли, поднятой ветром, погребли в толстом слое пыли города и фермы, уничтожили посевы и постройки, поставили крест на надеждах миллионов людей. Пылевые бури не ограничились одним ударом, они повторялись и повторялись вновь. 5 июня 1935-го в городке Ролла, штат Канзас, был сделан фотоснимок - документ эпохи. Его автор, забравшийся на тридцатиметровую водонапорную башню, чтобы запечатлеть гигантскую стену мрака, надвигавшуюся на городок, подписал свой снимок просто и безыскусно: «Дорогой мистер Рузвельт. Наступила тьма, когда буря дошла до нас».

Ветер нес черные тучи на огромные расстояния - сорванная ветром почва прерий осыпалась даже на Атлантическом побережье - преодолев половину континента, перевалив через горы. Три с половиной миллиона американцев, лишившихся домов и средств к существованию, устремились в Калифорнию. Там, в краю, который казался им раем земным, им предстояло превратиться в батраков, кочующих от поля к полю в надежде на хоть какой-то заработок. Вплоть до вступления США во Вторую мировую войну, до того времени, когда военному производству потребовались миллионы рабочих рук, покинувшие родные дома фермерские семьи будут влачить самое жалкое существование.

Пытаясь объяснить причины возникновения «черных бурь», ученые приводят множество версий. Некоторые полагают, что эти бури - просто рядовое природное явление, которое встречалось и задолго до 1935 года. Действительно, ветер начинал сдувать землю с незасеянных фермерских полей и в 1932-м, и в 1933-м - но именно на 1934-1935 годы пришелся максимальный разгул стихии. Предполагается, что причиной таких изменений стало тихоокеанское течение Эль-Ниньо, непостоянство которого обусловило изменение климатических условий. Анализируют даже солнечную активность - но в любом случае мнения сходятся в одном: если бы не было пустующих полей, то даже самые сильные ветры, дующие на Великих Равнинах, не смогли бы превратить их в пыльный котел.

Ученые сходятся в том, что это природное бедствие имеет рукотворную природу, что оно родилось на брошенных и незасея-

Этому бывшему фермеру повезло: он получил временную работу от государства и теперь ему будет, чем накормить ребенка.

ных полях, - но при этом не спешат сделать еще один шаг и связать заброшенность земли с экономической ситуацией. Начало пылевых бурь на Великих Равнинах - это то самое время, когда фермеры были вынуждены отдавать свои земельные участки за долги. Доставаясь банкам-кредиторам, фермерские участки все равно в массе своей оставались пустыми. После того, как администрация Рузвельта, придя к власти, объявила о всемерной поддержке фермеров, после того, как была создана специальная администрация, целью которой была нормализация ситуации в сельском хозяйстве, - ситуация должна была пойти на поправку. Скажем прямо: - *казалось бы*, должна была пойти на поправку - а в реальности именно во время работы рузвельтовской ААА черные бури стали особенно сильны и безжалостны. Парадокс? Нет, никаких парадоксов - достаточно лишь вспомнить, какие именно меры проводились ААА в отношении фермеров. Сельско-

хозяйственная администрация выступала за сокращение посевов, за запахивание уже выращенного урожая – то есть прямо способствовала увеличению незащищенных от ветра земельных участков.

Уже 27 апреля 1935 года был принят The Soil Conservation and Domestic Allotment Act – федеральный закон Соединенных Штатов. Этот закон преподносился как реакция на черные бури и очередной шаг помощи сельскому хозяйству – но содержание его значительно отличалось от заявленных деклараций. В соответствии с этим законом правительство *вновь* платило фермерам-землевладельцам за *уменьшение* производства сельхозпродукции – но уже не под предлогом возвращения к ценам 1914 года, а под предлогом сохранения почвы и предотвращения эрозии. Иными словами, в то самое время, когда Верховный Суд начинал свою атаку на первую рузвельтовскую ААА, создавалась новая структура под новой вывеской – но с сохранением старого курса и старых методов. Считается, что новый закон был улучшен по сравнению с предыдущим актом о помощи фермерских хозяйствам, но улучшений было совсем немного.

Во-первых, землевладельцу *рекомендовалось* учитывать положение фермера-арендатора – рекомендовалось, но не *предписывалось*. Во-вторых, земля теперь не должна была стоять просто брошенной – должны были проводиться землезащитные мероприятия, высадка трав и деревьев – и это позволяло организовать новый поток расходования государственных средств, создавать новую кратковременную занятость на низкоквалифицированной работе.

Неудивительно, что эффективность новой системы оказалась так же невелика, как и старой. В феврале 1939 года фотодокументалист Дороти Ланг, работавшая на Администрацию по защите фермерских хозяйств (FSA, Farm Security Administration), поймала в объектив своего фотоаппарата дочь беженцев из Оклахомы. Ее отец ранее был фермером-арендатором и расплачивался с землевладельцем за участок земли четвертой частью выращенного урожая в натуральном виде и третьей частью наличных от стоимости урожая, проданного на рынке («on third and fourth»). В 1938 году эта семья была изгнана с арендуемой земли с пятьюдесятью долларами в кармане – рекомендация землевладельцу

Дочь фермера все еще надеется, даже на краю нищеты после множества лет пустых обещаний.

учитывать положение арендаторов осталась лишь ничего не решающей рекомендацией – и за три года деятельности «новой» системы реальное положение фермеров-арендаторов не стало лучше.

Перебравшись в Финикс, Аризона, эта оклахомская семья собирала там хлопок за восемьдесят центов в день (столько, сколько квалифицированный работник страховой компании получал в час), после перебралась в Маккол, Айдахо, где до августа 1938 года шел сбор гороха. Оттуда с сорока долларами в кармане они отправились в 700-мильное путешествие в Седар-Сити, Юта, где сбор урожая длился еще месяц. Новый переезд – в Холлистер, Калифорния, вновь сбор гороха, вновь жалкие гроши, позволившие прожить еще месяц. Наконец, кочуя из штата в штат, от поля к полю, они добрались до городка Калипатрия, однако заморозки уничтожили урожай и лишили эту семью (и тысячи других) перспектив хоть как-то заработать. До весны они могли надеяться только на продовольственную помощь от FSA, а весной они со-

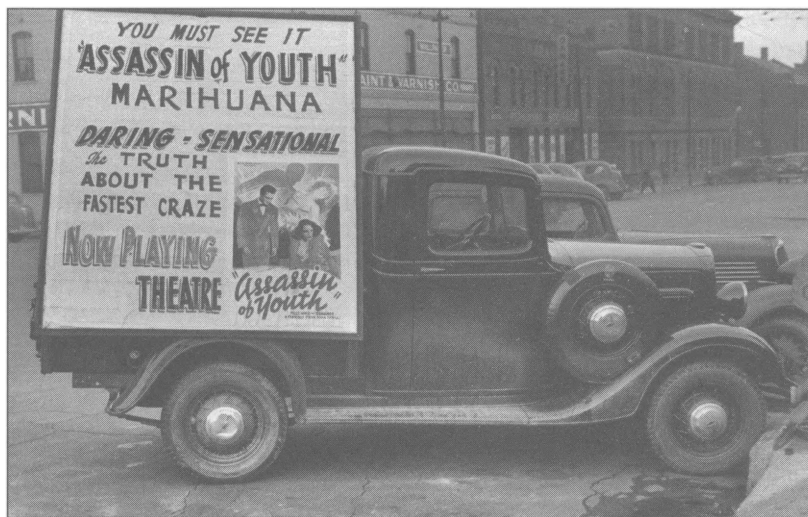
бирались вновь начать свою кочевую жизнь и борьбу за выживание. Но пока что палатка из старого брезента и земляная яма со стоячей водой в качестве единственного источника пресной воды стали основой их существования в калифорнийском лагере для рабочих-мигрантов.

Поражает не то, что после пяти лет шумных реформ положение сельскохозяйственных рабочих не стало лучше. Поражает то, как нищенское кочевание по стране изменило отношение людей к жизни: «Вернувшись в Оклахому, мы пойдем на дно. Ты не покладая рук выращиваешь урожай и потом видишь, как все сторает. Ты живешь в долгах, из которых никогда не выберешься. *Сейчас не хорошая жизнь, но это лучше, чем было.*»

Не все удары, обрушивавшиеся на сельское хозяйство Соединенных Штатов в годы рузвельтовского Нового курса, были следствием необдуманности правительственных решений или слепого следования удобной схеме, позволяющей шумно расходовать значительные государственные средства с минимальным реальным эффектом. Были и такие, которые являлись результатом тщательно спланированной, выверенной до мелочей операции.

В 1920-е годы департамент сельского хозяйства США уделял большое внимание конопле – но не как источнику наркотического зелья, а как источнику сырья для промышленности. Конопляное волокно шло на изготовление канатов и тканей, из него делали корд в автомобильных покрышках, бумага из конопли превосходила произведенную из древесной целлюлозы тем, что не требовала дополнительного химического отбеливания. К началу 1930-х годов производство конопли становилось не просто прибыльным делом, но едва ли не основным структурным элементом для многих отраслей промышленности. Да, ее и покуривали – но это все же было в основном глупой забавой скучающей деревенщины, а не модным и широко распространенным пороком; основным же применением было применение техническое. Производство текстиля и обуви, машинных масел и технического спирта – кто только не нуждался в скромном растении, выращивавшемся американскими фермерами.

Но в этой большой потребности в конопле как в промышленном сырье и было то, что ее сгубило, когда в 1936–1937 годах уже известный нам газетный король Херст нашел общий язык с по-

Антимарихуановая кампания: борьба и пропаганда одновременно.

роховыми магнатами ДюПонами, некоронованными императорами американской химической промышленности.

Корпорация ДюПонов давно уже оставила простое производство порохов – теперь ее заводы и научные лаборатории интересовались химическими технологиями на очень широком фронте. В феврале 1935-го лаборатории этой гигантской корпорации создали нейлоновую нить, которой предстояло превратиться не только в чулки, украсившие женские ножки, но и стать основой для новых – синтетических – тросов и канатов, автомобильных кордов и упаковочных мешков. В то же время работавшие на ДюПонов ученые-химики создавали и новые реактивы для отбеливания бумаги. Теперь, чтобы добиться продвижения новых товаров, химической корпорации предстояло заставить Соединенные Штаты отказаться от конопляных нитей и от не требующей отбеливания бумаги. В свою очередь, газетный магнат Херст преследовал собственные интересы – его новостная империя пользовалась собственной бумагой, бумагой, произведенной на собственных заводах Херста, из древесины, принадлежащей Херсту. Лишить других дешевого сырья, навязать конкурентам рулоны своей бумаги, произведенной из дерева и отбеленной ДюПонами, – это казалось ему хорошим ходом в конкурентной борьбе – и пусть побежденный плачет и платит.

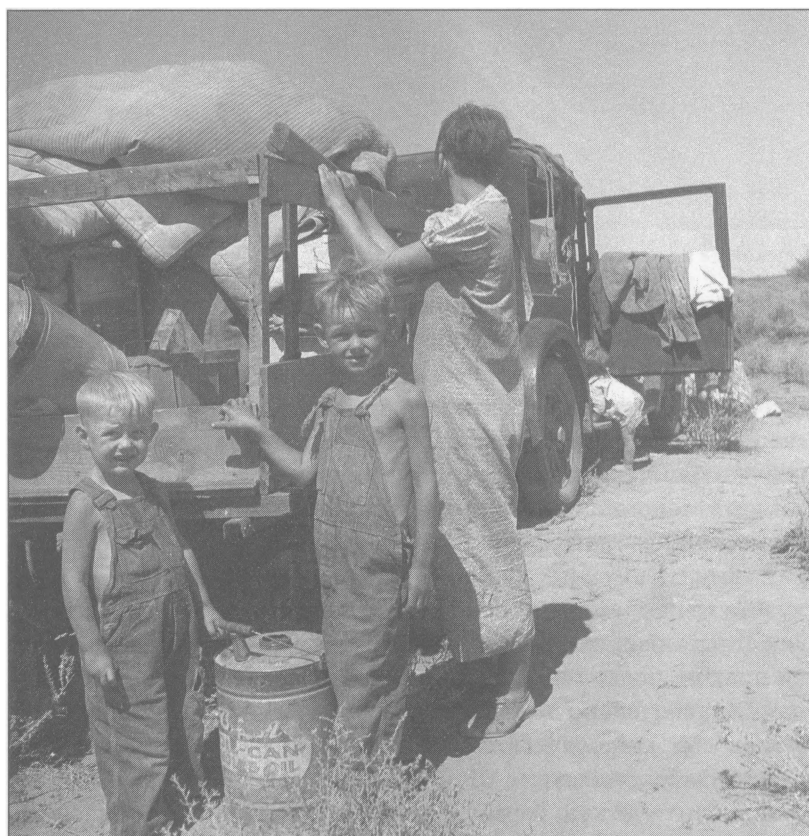

Прополка хлопка – доллар в день. Большинство из работающих – бывшие фермеры-арендаторы и их дети-подростки.

«Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» – эти слова Маркса как нельзя лучше подходят для описания союза Херста и ДюПонов.

Шума и брани стало более чем достаточно, когда пресса Херста развернула массированную кампанию, изобличающую коноплю как опаснейший наркотик. Причем в этих статьях не просто рассказывалось об опасности: после тех описаний, которые давали ученые, призванные на борьбу с коноплей, среди учащихся старшей школы и колледжей число специалистов по выращиванию конопли и употреблению ее в качестве наркотика росло не по дням,

а по часам – настолько подробной и доходчивой была та информация, которую давали лучшие химики, наркологи и психиатры. Херст с ДюПонами добились своего – летом 1937 года, под угрозой стремительного роста численности наркоманов, под давлением перепуганной общественности, Конгресс законодательно запретил выращивание конопли, приравняв ранее прибыльное производство сырья для технических отраслей промышленности к тяжчайшим преступлениям. ДюПоны торжествовали и подсчитывали прибыли, Херст торжествовал и отпускал свою бумагу втридорога – ну а фермеры Среднего Запада, ранее выращивавшие коноплю, в один момент были лишены заработка и оставлены ни с чем.

Семья бывших фермеров, скитающихся по стране с 1932 года, вынуждена продать прицеп от своего автомобиля: не удалось найти работу, нет денег ни на еду, ни на бензин, а оставаться на месте означает умирать от голода.

Пешком за надеждой.

И ДюПонам, и Херсту было откровенно плевать на тех, кто пострадал в результате их операции. Они были уверены в своем праве – основанном не на древности рода, а на размере капитала, – но дающем почти что королевские привилегии. Они сами, своими руками создавали пьедестал для того, кто придет и воспользуется растущим социальным недовольством, – и человеком, которого они, и такие, как они, подняли над толпой, стал Франклин Делано Рузвельт.

После непреклонных вердиктов Верховного Суда, после того, как стало очевидно, что большинство реформ Нового курса пошли прахом, после того, как не только не была достигнута победа над Депрессией, но не было видно даже решительного перелома в борьбе с экономическими трудностями, – президент отнюдь не собирался сдаваться. Он был полон решимости продолжать свою политическую борьбу, борьбу за удержание власти – и это означало, что эффективность экономики вновь будет принесена в жертву громкой политике. Вопрос был только в одном – кто теперь будет объявлен главным виновником бедствий.

В своей второй инаугурационной речи 20 января 1937 года Рузвельт говорил:

«...Я вижу десятки миллионов сограждан - существенную часть населения страны - которым в это самое время отказывают в большей части жизненно необходимого.

Я вижу миллионы семей, пытающихся жить на скудные доходы, под ежедневной угрозой полного краха.

Я вижу миллионы, чья жизнь в городе и на ферме продолжают в условиях, считавшихся недостойными еще полвека назад.

Я вижу миллионы, лишённые образования, отдыха и возможности улучшить свою судьбу и судьбу своих детей.

Я вижу миллионы, которым не хватает средств купить продукцию ферм и фабрик и чья бедность сводит на нет работу многих других миллионов.

Я вижу одну треть нации, живущей в плохих домах, плохо одетой, плохо питающейся».

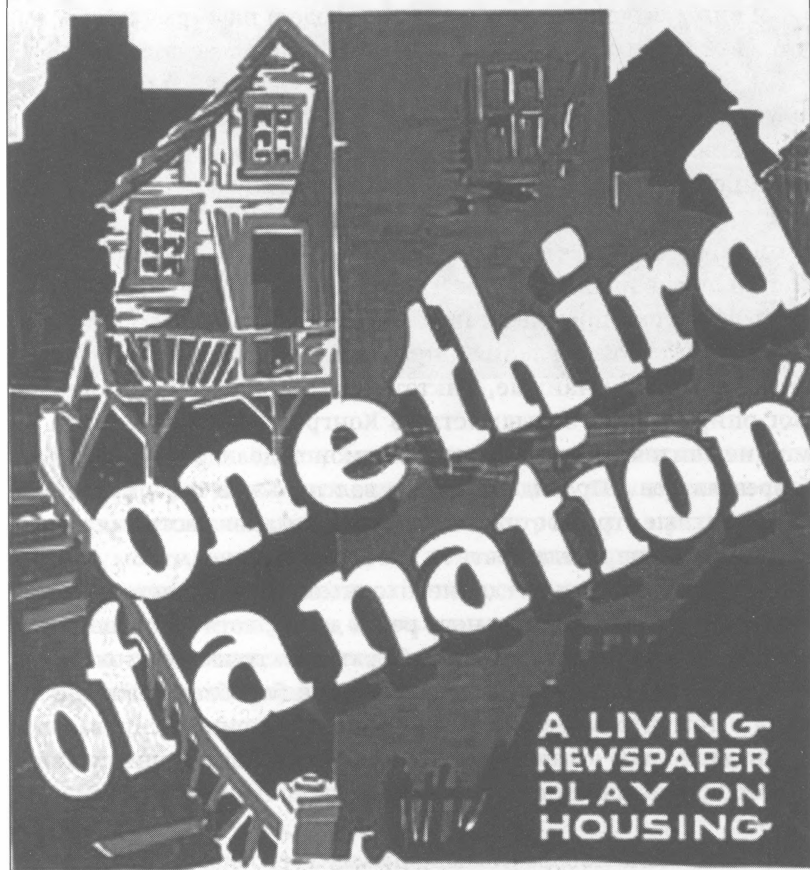
Фактически президент признавал, что вся политика первых четырех лет его правления - правления, когда ему были предоставлены чрезвычайные, диктаторские полномочия, когда он мог опираться на большинство в Конгрессе и Сенате, когда он мог, не считая, тратить сотни миллионов долларов, - оказалась безрезультатна. Президент признавал то, о чем говорили сухие бесстрастные строки статистики: значительная часть американских семей «не могла тратить достаточно денег, чтобы обеспечить количество и виды еды, необходимой для хорошего здоровья всей семьи и для нормального роста детей, хотя у большинства еды было достаточно, чтобы избежать фактического голода...»¹. Но еще в 1936-м, во время предвыборной борьбы, президент заявил о том, что в бедах страны виновны «привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремящиеся поставить под контроль само правительство».

Сознательно поворачивая политику влево, навстречу даже не умеренным, а радикальным сторонникам социальных преобразований, президент вставал на путь социального популизма.

¹ Faith M. Williams and Alice C. Hanson, Money Disbursements of Wage Earners and Clerical Workers, 1934-36, Summary Volume, Bulletin No. 638, Washington: U.S. Government Printing Office, 1941.

614 S.W. 11th NEAR ALDER PHONE BR-0461

OREGON W.P.A. THEATRE

A LIVING
NEWSPAPER
PLAY ON
HOUSING

OCT.

MON	TUES	WED	THURS	FRI	SAT
17	18	19	20	21	22
8:30 P.M. NIGHTLY			27		

THEATRE POINT
• USA •
WORK
PROGRAM
W.P.A.

ADULTS 25¢

CHILDREN 10¢

FEDERAL THEATRE'S

"ONE THIRD OF A NATION"

SPECIAL STUDENT PRICE SCHEDULE

\$1.14 Tickets 84¢ • 86¢ Tickets 63¢
57¢ Tickets 42¢ • 26¢ Tickets 20¢

Present your matriculation or registration
card at the box office for reduced rate tickets.

Evenings at 8:30 • Saturday Matinees 2:30

Walnut St. Theatre

Слова президента подхвачены WPA и без устали вновь и вновь доносятся до американцев – за их же с трудом заработанные центы.

Ошибаются те, кто считают этот путь простым и дешевым: дешево обходясь популисту, расширенные социальные льготы ложатся бременем на экономику страны - и не столько в виде прямых выплат пособий и льгот, которые остаются мизерными, сколько в виде побочных расходов.

Рузвельт заявлял: «Если я пойду работать на завод, первое, что я сделаю, - это вступлю в профсоюз» - новые законодательные нормы, определявшие продолжительность рабочего времени и минимальную его стоимость, удорожали производство продукции на американских предприятиях, едва-едва начавших приходить в себя после запрета кодексов NRA. Позже оказалось, что новые нормы и правила принесли улучшение жизни далеко не для всех: там, где нанимать двух рабочих стало слишком накладно, владельцы предприятий стали организовывать производство так, чтобы за счет интенсификации труда получить с одного рабочего полуторную или двойную норму выработки. На американских предприятиях начинался новый технологический скачок - через пять лет он дал очень хороший результат, но не все смогли продержаться на ногах эти пять лет и вынести все траты на модернизацию. Если раньше потерявшие землю фермеры и лишившиеся места рабочие соглашались трудиться хоть за гроши, то теперь, когда закон требовал платить не ниже определенного уровня, им пришлось остаться за воротами фабрик - они стали невыгодны работодателям.

Тем не менее массированная пропагандистская кампания делала свое дело. Чем больше политические оппоненты Рузвельта шумели о его безудержных тратах на пособия, чем больше они обвиняли его в попытках построить социализм в Америке - тем большую поддержку Рузвельт получал от тех, кто остро нуждался в помощи и социальной справедливости, - ему даже не нужно было прилагать особенных усилий для поддержания правильного имиджа.

Популярный журнал The Literary Digest, проводя свой традиционный предвыборный опрос, разослал десять миллионов опросников, охватывая самую широкую аудиторию за все время подобных исследований. Более двух миллионов американцев прислали ответы на вопросы, и из этих ответов специалисты-социологи делали вывод, что республиканцы наголову разгромят

демократа Рузвельта. Однако в расчеты специалистов вкралась очень существенная ошибка: опрос охватывал далеко не всех американцев, а лишь тех, чей доход был выше среднего¹. В то же самое время еще практически никому не известный Джордж Гэллп² установил, что среди получающих пособие от государства сторонниками Альфа Лэндона, республиканского кандидата в президенты, являются только 18%.

Шестьдесят процентов американцев к 1936 году *не были* владельцами автомобилей. Более семидесяти процентов американцев имели годовой доход на семью *до* двух тысяч долларов. Только 12% квартир, снимавшихся Нью-Йоркцами, имели телефоны. Поэтому, не приходится удивляться тому, что Рузвельт победил на выборах, набрав 60,8% голосов и удержался у власти.

¹ Опросные списки The Literary Digest были составлены из списков владельцев автомобилей и телефонов.

² Джордж Гэллп – крупнейший теоретик и практик в области исследования общественного мнения, талантливо использовавший психологию и статистические данные для прогнозирования социального поведения людей. В 1935 году создал Американский институт общественного мнения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДАЙМОКРАТИЯ

В годы Депрессии, в годы Нового курса разница между голодом и сытостью, нищенским прозябанием и более-менее сносной жизнью составляла считанные центы. Именно дайм – десяти-центовая монета, стоимость тарелки супа – стала символом экономического краха, а песня «Братишка, можешь одолжить мне десятицентовик?» – гимном эпохи.

В наши дни проведение забастовки ради повышения заработной платы на четверть доллара кажется чем-то невероятным и комичным – в те годы это был жизненно важный вопрос. По сравнению с 1918 годом, к 1935 средняя почасовая заработная плата в промышленности выросла только на 3 цента, достигнув 58 центов за час работы, на транспорте рост составил 11 центов, до 72 центов в час – и одновременно в строительстве и горнорудной промышленности часовые расценки даже понизились. Именно эти гроши, именно то, что теперь шахтеры получали лишь 55 центов в час – на 20 процентов меньше, чем в 1918-м – и стали причиной возникновения новых, более радикальных профессиональных организаций и союзов.

Как и в Британии второй половины 1920-х годов, в Соединенных Штатах второй половины 1930-х наиболее мощная часть профсоюзного движения была связана с угольной промышленностью. Как и в Британии, в США шахтеры представляли собой тесно сплоченную силу, проявлявшую себя со всей решительностью. Еще в начале века противостояние между рабочими и владельцами шахт приобрело очень острые формы: шахтная охрана вооружалась пулеметами, а каждый шестой шахтер держал дома оружие. Одной из наиболее ярких вспышек противостояния стали события 1914 года в штате Колорадо: 13-месячная шахтерская забастовка сопровождалась подлинными боями между отрядами забастовщиков с одной стороны и отрядами охраны шахт и подразделениями Национальной гвардии шта-

Оставшиеся без работы шахтеры вынуждены переселяться в такие хибары: их дома принадлежали владельцам шахт, и плата за жилье стала непомерно высока.

та с другой, с конными атаками, стрельбой из пулеметов и обустройством полевых укреплений – для установления перемирия между враждующими сторонами пришлось даже задействовать федеральные войска.

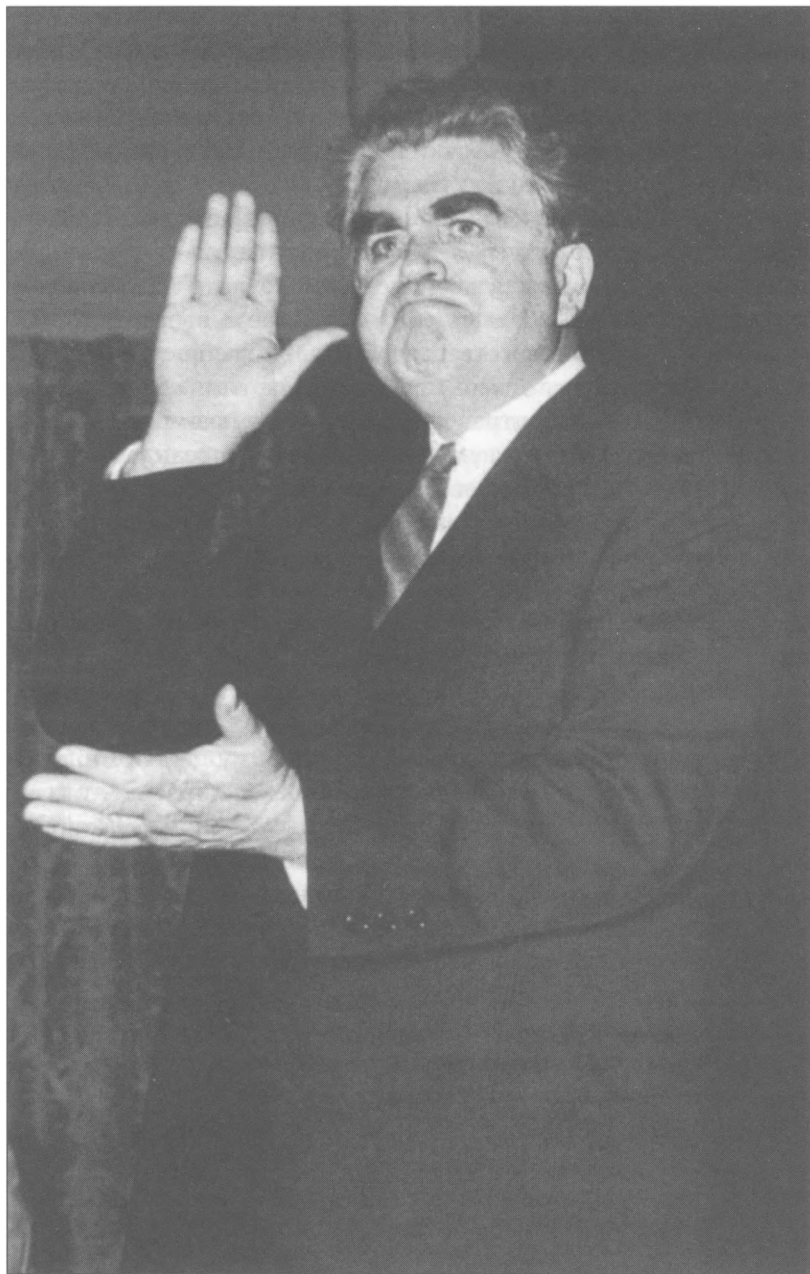
В те годы усиление мощи профсоюзов было блокировано законами военного времени, по которым участие в забастовочном движении становилось достаточной причиной для предъявления обвинений в подрывной антигосударственной деятельности и помощи противнику. Наступившая затем эпоха процветания – 1920-е – была временем существенного улучшения жизненных условий, и это также способствовало определенному ослаблению роли профсоюзного движения. Играли свою роль и внутренние конфликты в руководстве, и его готовность идти на уступки, довольствуясь малой выгодой для себя. Сохраняя крепкие позиции в ряде узких отраслей, в целом к 1935 году профсоюзное движение потеряло былую хватку, а руководство наиболее массовой организации – Американской федерации труда (American Federation of Labor, AFL) – было откровенно вялым и слабым.

9 ноября 1935 года решением нескольких профессиональных союзов, ведущую роль среди которых играл профсоюз горняков (United Mine Workers), был создан Конгресс производственных профессиональных союзов (Congress of Industrial Organizations, CIO). Лидером этой новой организации, начавшей быстрый и мощный рост, стал Джон Льюис – человек решительный, не гнушающийся грубой силы и склонный к жесткому, авторитарному стилю управления. Заявив о полной поддержке декларированных президентом социальных реформ, Льюис распоряжался профсоюзной мощью практически как маленькой армией – сильной, дисциплинированной и готовой к боям.

Резко повернув штурвал корабля-государства влево, президент Рузвельт заложил фундамент нового соотношения сил между рабочими и работодателями. В середине 1930-х сложилась та система из рабочих, профсоюзов, работодателей и государственных структур, которая оставалась неизменной на протяжении нескольких десятков лет и оказала весомое влияние на развитие государства.

Выступая в 1935–1936 годах одним фронтом с президентом, профессиональные союзы, особенно те, что входили в КПП, по сути, превращались в придаток государственной машины, в инструмент для продавливания президентских идей среди руководства американской промышленности. Этому немало способствовали те методы, к которым перешло рабочее движение: теперь дело не ограничивалось забастовкой или маршем пикетчиков, несущих плакаты с требованиями, – нет, теперь забастовщики захватывали заводы и фабрики. Время просьб заканчивалось – наступало время требований, время ультиматумов, а не переговоров.

С одной стороны, решительность действий руководителей и членов профсоюзов определялась тем, что они устали ждать, устали влачить существование, а не жить. С другой стороны, эта решительность подпитывалась пламенными заявлениями из Белого дома, придавая бастующим полную уверенность в поддержке со стороны государства. Хотя отнюдь не президент был автором закона «о честных тарифах и нормах выработки», хотя Франклин Рузвельт даже говорил о возможном ветировании этого закона – но он умело пользовался плодами чужого труда. Бу-

Джон Льюис аплодирует Новому курсу.

дучи в годы Первой мировой войны заместителем военно-морского министра, и в этой должности внимательнейшим образом изучив отношения между государством, владельцами верфей и рабочими, Рузвельт очень хорошо знал, на какие рычаги нужно нажимать и за какие веревочки нужно дергать, чтобы профсоюзы начали выполнять нужную ему работу.

25 января 1936 года в вашингтонском Mayflower Hotel на Коннектикут-авеню собралась настроенная антирузвельтовски финансовая и политическая элита страны. Это были те, кто не оценил забот Рузвельта о большом бизнесе за счет малого, те, кого по праву можно записать в «твердолобые». Тон всей встрече задавала речь бывшего лидера Демократической партии Аля Смита, решившего вернуть себе утраченные в 1932 году позиции. При полном одобрении присутствующих, он обвинил президента в разжигании войны против своего собственного класса и в попытке установления в США коммунистических порядков. Они не хотели примирения, они хотели войны – и они были уверены в том, что политическое поражение Рузвельта на выборах станет концом любых чересчур радикальных преобразований в экономике и социальной политике.

Именно для борьбы с такими своими политическими противниками Рузвельт давал карт-бланш профсоюзам, именно ради этого закрывались глаза на захваты имущества и блокирование дорог. Но острые атаки нацеливались президентом не только на промышленников, недовольных экономической политикой первых четырех лет его правления. Победа на выборах 1936 года была только половиной цели: недостаточно было просто сохранить за собой место в Белом доме, недостаточно было решиться коренным образом изменить правила игры – нужно было еще заставить остальных признать эти правила, признать как новый и непреложный закон.

10 февраля 1937 года, через три недели после принятия Рузвельтом второй присяги, Верховный Суд принял к рассмотрению дело «NLRB¹ против Jones & Laughlin Steel Corporation».

¹ NLRB – Национальное бюро по регулированию трудовых отношений, государственная структура, созданная в соответствии с законом Вагнера о регулировании трудовых отношений и контролирующая отношения работодателей и профсоюзов.

Рассмотрение этого дела происходило на фоне все учащающихся и все ужесточающихся конфликтов между рабочими и владельцами предприятий. В апреле 1935-го президент Рузвельт обратился к нации с речью, полной намеков на противников здоровой и взвешенной политики президента, противников, которые готовы смущать умы американцев обещаниями легкой прибыли вместо долгой и кропотливой работы по полному восстановлению страны после кризиса. Одновременно с этим он утверждал, что выход из кризиса не за горами и американцы уже сейчас чувствуют улучшение жизни. Но самое главное – он противопоставлял США и официальный Вашингтон, говоря, что политики в Вашингтоне за деревьями не видят леса и что только он и вице-президент – два человека на всю страну, которые избираются всеми американцами. Президент отступал в сторону и фактически предлагал своим противникам в Верховном Суде: ну-ка, рискните, откажите требующим своих прав рабочим! Оппоненты президента очень долго пугали общество социальными катаклизмами – теперь оппонентам предлагалось нажать на спусковой крючок и своими руками спровоцировать социальный конфликт – либо же смириться и признать новые правила, установленные Рузвельтом. Неудивительно, что всего через два месяца после принятия дела к рассмотрению судьи Верховного Суда, не желая становиться наиболее ненавидимыми людьми в стране, признали закон Вагнера и гарантируемые им права и принципы профсоюзной деятельности полностью соответствующими конституции США.

Сломав Верховный Суд в вопросе рабочего движения, Рузвельт сломал его и в вопросе реформирования собственно Верховного Суда. Нет, просто увеличить количество судей за счет своих сторонников президенту все так же не разрешалось – но по новым правилам по достижении определенного возраста судьи должны были подавать в отставку – и на место уходящих стариков президент уже мог спокойно ставить своих людей.

Радикализовав общество и использовав профсоюзы в качестве «большой дубинки» для усмирения оппонентов, Рузвельт добился своего, восстановив и усилив свой контроль над государством. Платой за это стали расходы на популистские программы, платой за это стал очередной виток удорожания

Рузвельт-капитан требует от Конгресса заменить компас с надписью «Верховный Суд» – этот компас показывает не тот курс, который нужен капитану.

бизнеса. За долгие годы своего существования профсоюзное движение успело сыграть разные роли. Профсоюзы были формой незаконной и полузаконной борьбы за рабочие права, когда драки с охраной и полицией становились платой за по-

вышение заработной платы и улучшение условий труда. Профсоюзы были одним из инструментов мафиозного давления на владельцев компаний, когда средством прекращения забастовки становилось предоставление мафии доли в управлении и прибыли компании. Пришло время профсоюзам начать сражаться с государством – или, иными словами, превратиться в тот же инструмент шантажа, но уже не частного, а государственного.

Во время первого Нового курса, в 1933–1935 годах, новые правила поведения были навязаны бизнесу железной рукой отставного генерала Хью Джонсона. Бизнес сумел добиться отмены самой одиозной части этих правил.

Теперь новые правила навязывались железной рукой бывшего шахтера Джона Льюиса. Бизнес предпочел согласиться с новыми правилами, поняв, что следующий вариант может оказаться еще радикальнее и лучше поделиться небольшим сейчас, чем потерять все потом. Самые жесткие налоги, самый плотный государственный контроль – это все равно лучше, чем захват цехов фабричным забастовочным комитетом.

И вот теперь начинался следующий акт талантливо разыгранной пьесы. *«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»*. У страны может быть только один лидер, и Франклин Рузвельт был уверен, что этого лидера не могут звать Джон Льюис.

Выступая единым фронтом с президентской администрацией, рабочие и профсоюзное руководство забывали о том, что согласно кодексам NRA почасовая оплата труда в промышленности устанавливалась на уровне от 30 до 40 центов в час – в полтора-два раза ниже тех расценок, которые едва позволяли сводить концы с концами. Они полагали, что ответственность за это лежит не на президенте, а на Хью Джонсоне.

Выступая единым фронтом с президентской администрацией, они забывали о том, что в 1934 году, когда на юге забастовками пытались добиться повышения оплаты до 75 центов, Администрация общественных работ (PWA) выплачивала за временную работу доллар и расшатывала единство в рядах бастующих. Они полагали, что ответственность за это лежит не на президенте, а на руководящем PWA министре внутренних дел Гарольде Икесе.

Полиция атакует участников забастовки Little Steel.

26 мая 1937 года началась организованная Конгрессом промышленных профессиональных союзов забастовка против руководства металлургических компаний Inland Steel, Republic Steel и Sheet & Tubecompany (это объединение было известно как Little Steel). Если на стороне девяноста тысяч рабочих закон, если на стороне рабочих федеральное агентство, если Верховный Суд на их стороне, если они уверены в поддержке даже со стороны президента Рузвельта – то кто им может помешать? Что весомее – гарантии государственной машины или позиция владельца Republic Steel Томаса Гирдлера, заявившего, что он скорее оставит стальной бизнес и отправится выращивать яблоки, чем согласится подписать договор с профсоюзом?

Забастовщики верили президенту, позвавшему их на бой с «привилегированными принцами новых экономических династий». Вот только когда Рузвельт говорил об этом, когда он клеймил этих принцев – думал ли он о ДюПонах? Думал ли он тогда о своем сыне Франклине Делано Рузвельте-младшем, том самом, который еще в 1934 году начал встречаться с Этель ДюПон,

дочерью Юджина ДюПона? Думал ли он об их предстоящем браке, поистине династическом?

Забастовка на Little Steel переросла в настоящие бои с применением холодного и огнестрельного оружия, жертвами которых стали 16 убитых и более 300 раненых. Ни одна шестеренка государственной машины не провернулась ради рабочих. 30 мая полиция Чикаго расстреляла десять невооруженных участников демонстрации в поддержку бастующих, еще пятеро получили пулевые ранения, но выжили, а около ста демонстрантов были избиты. После этого Рузвельт ответил профсоюзному руководству, что американские граждане недовольны *обеими* сторонами конфликта и восклицают: «Чума на оба ваших дома!», а пресса заклеила бастующих как «красных мятежников».

26 июня 1937 года силы Национальной гвардии Огайо были задействованы для подавления забастовки металлургов. 28 июня фотография счастливых жениха и невесты, Франклина Делано Рузвельта-младшего и Этель ДюПон, украсила обложку журнала Time,

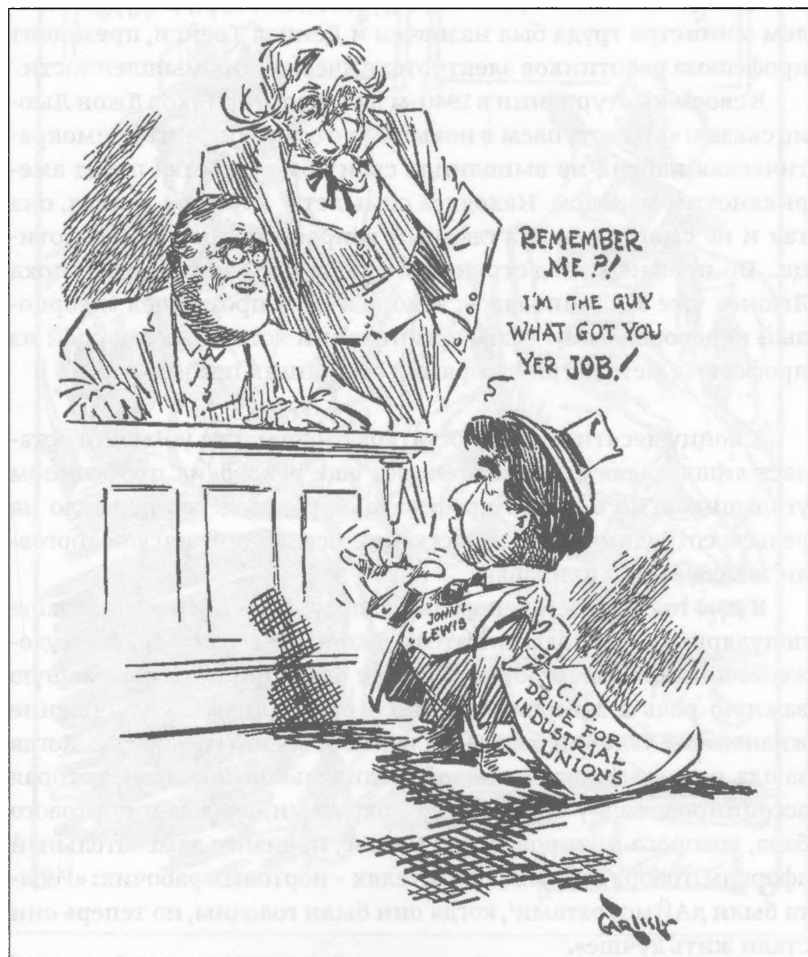
Пулеметчики Национальной гвардии штата Огайо охраняют металлургический завод от возможного захвата его забастовщиками.

Франклин «Ромео» Рузвельт и Этель «Джувелетта» ДюПон.

а в журнальной статье их именовали *Ромео Рузвельт* и *Джульетта ДюПон*. Звон свадебных колоколов оказался громче выстрелов полицейских револьверов и винтовок Национальной гвардии.

Добившись при помощи профсоюзов своих целей в политической борьбе, принудив к сотрудничеству промышленные круги и переломив ситуацию с Верховным Судом, Рузвельт вновь резко изменил курс и перешел в наступление на вчерашних союзников. В 1937-1941 годах уровень забастовочного дви-

Джон Льюис напоминает Рузвельту о том, что помог ему вновь стать президентом.

жения продолжал оставаться высоким, ежегодно происходило около трех с половиной – четырех тысяч забастовок, в которых участвовало одновременно до двух с половиной миллионов человек. Но теперь уже никто из власть имущих не колебался в применении силы, а правительство вело активные действия по ослаблению верхушки профсоюзного движения. В 1940 году должность в государственном аппарате была предложена Сиднею Хиллману – заместителю Льюиса в руководстве КПП и руководителю Объединенного профсоюза швейников. Заместителем министра труда был назначен и Дениэл Трейси, президент профсоюза работников электротехнической промышленности.

В своем выступлении в 1940-м на съезде горняков Джон Льюис сказал: «Мы вступаем в новый год с сознанием, что Демократическая партия не выполнила свои обязательства перед американским народом. Находясь семь лет у кормила власти, она так и не смогла решить главный вопрос – вопрос о безработице... По-прежнему над страной витает дух отчаяния...» Но эпоха Льюиса уже заканчивалась: вскоре в КПП произошел «дворцовый переворот», и во главе организации встал Фил Мюррей из профсоюза металлургов, горячий сторонник президента.

К концу десятилетия от остатков былой силы у Льюиса осталась лишь малая доля в 3%. Он все еще руководил профсоюзом угольщиков, но в целом профсоюзное руководство перешло на рельсы сотрудничества с властями и неспешной мягкой торговли за небольшие прибавки.

В 1944 году в своем репортаже для журнала *Harper's Magazine* популярный в те годы писатель Джон Дос Пассос ярким художественным мазком обрисовал еще одну причину, сыгравшую важную роль в завершении эпохи радикализма, – улучшение жизненных условий благодаря войне и военным заказам. Когда зашла речь об отходе от левой, радикальной позиции, которая ассоциировалась у многих с демократами, владелец портового бара, которого цитировал Дос Пассос, произнес замечательный афоризм, говоря о своих посетителях – портовых рабочих: «Ребята были дАЙмократами¹, когда они были голодны, но теперь они стали жить лучше».

¹ Игра слов, построенная на сочетании democrat и dime (десятицентовик).

BARTENDER'S EYE VIEW

"That man acts as though he had St Vitus dance. Wish to heaven he'd get through and stop experimenting."

This country is through as soon as it stops experimenting"

Что видно бармену в 1937 году: бизнесмен надеется на прекращение рузвельтовских экспериментов, рабочий уверен, что только эти эксперименты помогут стране.

Заложенное президентом Рузвельтом сращивание профсоюзной верхушки и государственного аппарата, отстранение от власти наиболее радикальных деятелей, размывание и ослабление профсоюзных рядов с каждым повышением заработной платы, с каждой локальной уступкой – все это на десятилетия сформировало лицо американских профсоюзов, все это на десятилетия определило их роль в политической и экономической жизни Соединенных Штатов.

В годы Депрессии, в годы президентства Рузвельта *даймократия* – власть десятицентовика, власть страха перед нищетой – была мощной силой. Она могла оставить свои позиции только в результате реального улучшения жизненных условий или в результате жестких действий властей. Ее заставили отступить последовательные удары полицейской дубинкой и долларом – но для этого потребовались долгие, долгие годы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ДНО

Если задать историкам экономики простой вопрос - когда закончилась Великая депрессия? - то, к нашему удивлению, мы не сможем получить на него однозначного ответа. Одни назовут нам годом окончания кризиса 1936-й, другие - 1939-й, третьи - 1942-й - и самое удивительное в том, что каждый ответ будет вполне аргументированным.

Разве к 1935-1936 годам не снизилась безработица? В 1936-м доля безработных опустилась до 16,9%, то есть почти до того же уровня, что был в 1931-м. Разве это не победа над Депрессией? Нет, не победа: безработица, хотя и снизилась на треть по сравнению с началом Нового курса, но оставалась *вдвое* выше уровня 1930 года и *более чем впятеро* превышала докризисный уровень.

После того, как Верховный суд запретил деятельность NRA и заблокировал преобразования Нового курса в промышленности, объем розничных продаж вырос *почти* до уровня 1929 года, достигнув в 1937-м 42,2 миллиарда долларов (до кризиса - 48,5 миллиарда). Объем экспорта к 1937 году удвоился в сравнении с уровнем начала Нового курса - разве это не победа? Нет, не победа.

Те, кто полагают Депрессию завершившейся только в 1941-1942 годах, скажут вам, что объем розничных продаж только в 1941-м наконец-то *действительно* вышел на докризисный уровень - а в 1938-1939 годах наблюдался существенный спад. Они скажут вам, что объемы экспорта также вернулись на уровень 1929-го лишь в 1941-м, а экспорт сельхозпродукции достиг прежнего уровня уже в разгар войны. Точно так же вели себя и объемы реальных показателей строительства, и объемы инвестиций в строительство.

Но... что же стало причиной нового спада? Почему весной 1938-го в своем радиовыступлении президент был вынужден признать, что американская экономика свалилась под ударом

«Экономический насос» Нового курса никак не может заработать из-за многочисленных «утечек», даже несмотря на вливание все новых и новых средств, взимаемых с налогоплательщиков.

нового кризиса? Что это было - продолжение Депрессии или новый, не зависящий от нее спад? Если Депрессия закончилась в 1936-м *благодаря деятельности правительства*, как любили и любят утверждать многие сторонники Нового курса, то *благодаря кому* начался новый кризис, кризис, вошедший в американскую историю как Рецессия Рузвельта?

Ответ на вопрос - что же стало предпосылкой к Рецессии Рузвельта? - лежит на поверхности.

Два года, не добившись реального экономического успеха во время первого Нового курса, президент и его администрация по-

тратили на политическую борьбу – вместо борьбы с экономическими проблемами государства.

Два года было потрачено на борьбу, основным оружием которой стал политический и экономический популизм. Сотни миллионов долларов были выброшены на ветер, так и не оказав реального воздействия на американскую экономику. Нужные – действительно нужные – проекты блокировались, если их инициаторами или руководителями оказывались политически не устраивающие президента люди¹.

Распределение денег по стране шло в действительности крайне скудно: по данным историка Леонарда Аррингтона, все многочисленные траты программ Нового курса с 1933 по 1939 год дали среднему американскому гражданину *за все это время* только лишь 291 доллар – пятую часть от среднего *годового* дохода американской семьи.

Распределение денег по стране шло крайне неравномерно: тот же Аррингтон определил, что западные штаты получили в среднем на 60 процентов больше, чем южные. По программам Нового курса на одного жителя Невады было потрачено 1130 долларов, а на одного жителя Северной Каролины – только 143 доллара – и это при том, что положение жителей юга изначально было много более тяжелым, чем положение жителей запада. Юг уступал не только западу, но и северу – в своей работе «The Political Economy of New Deal» экономисты Джим Коуч и Уильям Шухарт привели данные о том, что занятые по программам WPA получали в Алабаме, Кентукки, Теннесси и Вирджинии 31 цент в час – в то время как в Нью-Джерси часовые выплаты составляли 2 доллара 25 центов – в семь раз больше.

Программы Нового курса, осуществлявшиеся в сельском хозяйстве – как до решения Верховного суда об антиконституционности деятельности AAA, так и после, под прикрытием нового закона о сохранении земли, – оказались на руку немногим. Двадцать один процент государственной помощи, выделенной на

¹ Этот процесс начался еще в 1934 году, когда условием предоставления федеральной поддержки программам развития Нью-Йорка стало увольнение Роберта Мозеса – политического оппонента Рузвельта – с поста руководителя этих программ.

Двое с плугом: подросток-поденщик на Юге...

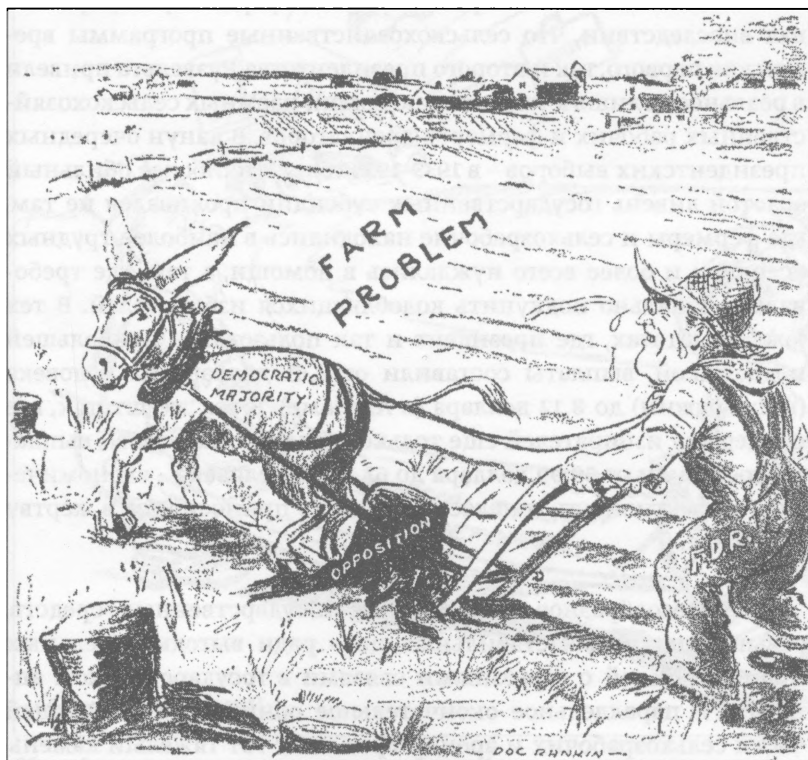
поддержку сельского хозяйства, достался *одному* проценту землевладельцев. В 1937 году из каждой тысячи ферм восемнадцать были проданы за долги – так же, как и в 1931 году, в «мрачные гурверовские времена». В результате реформ Нового курса количество фермеров-арендаторов на американском Юге сократилось в десять раз.

Вызванное как предшествовавшим экономическим спадом, так и препонами на пути восстановления экономики от деятельности NRA и AAA снижение объемов производства промышленной и сельскохозяйственной продукции нанесло болезненный удар по транспорту. Так, в штате Омаха компании, занимавшиеся автомобильными грузоперевозками, вынуждены были вдвое сократить свой автопарк.

Экономика Соединенных Штатов встречала второй срок президентства Рузвельта все в том же состоянии глубокой болезни, более того, предписанные ей лекарства вызвали множество опасных побочных явлений. Начавшееся в 1935 году улучшение, когда освободившиеся от государственных пут и предписаний

компания начали восстанавливать экономику страны, могло бы вывести страну из Депрессии - но не вывело. Экономический организм страны был еще слишком слаб для стремительного роста. Инвестиции, сделанные в 1935-1936 годах, были «длинными инвестициями» - предшествующие годы слишком ударили по уровню обеспеченности населения, и американцы физически не могли мгновенно отреагировать на рост производства адекватным ростом потребления. Для восстановления требовалось несколько спокойных лет - но их-то экономике и не дали, обрушив на нее волну популизма и новых реформ.

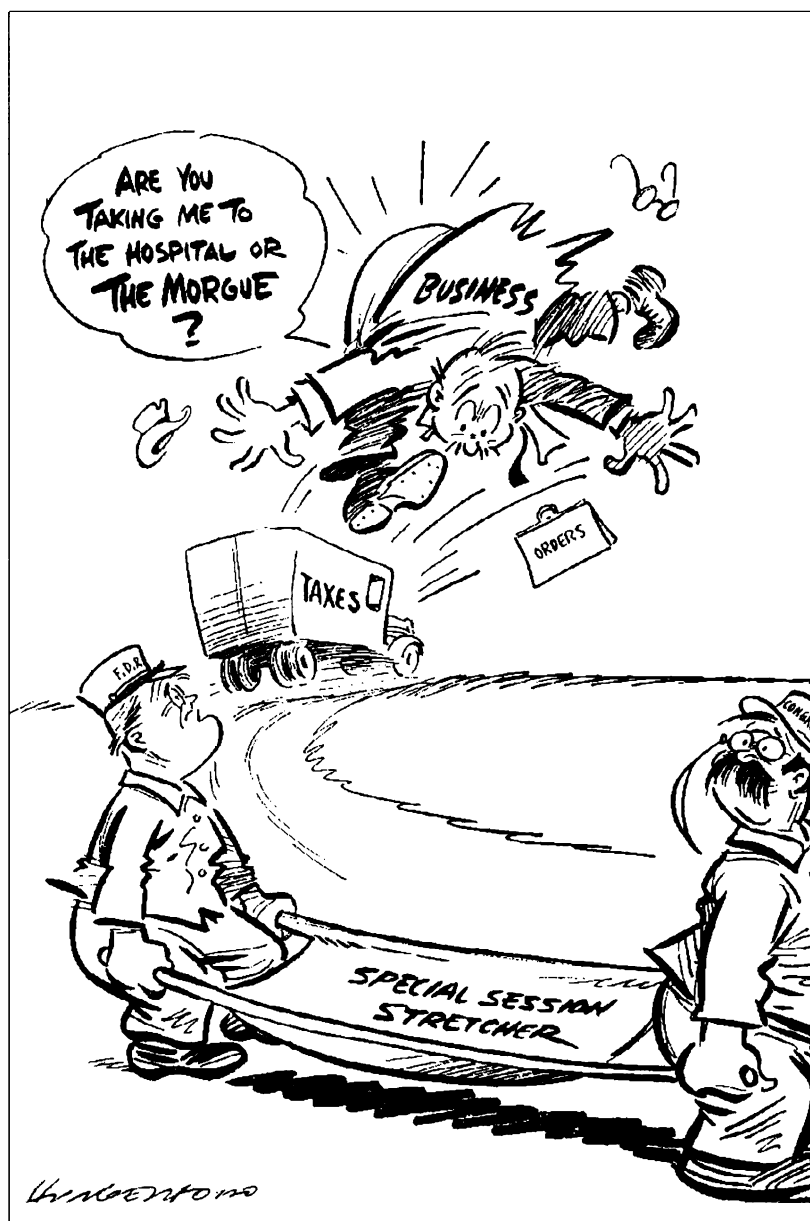
Промышленности удалось отдохнуть от рузвельтовских экономических методов полтора десятка месяцев, но для сельского хозяйства эта передышка составила считанные недели и дни. Верховный суд 6 января 1936-го признал деятельность AAA анти-

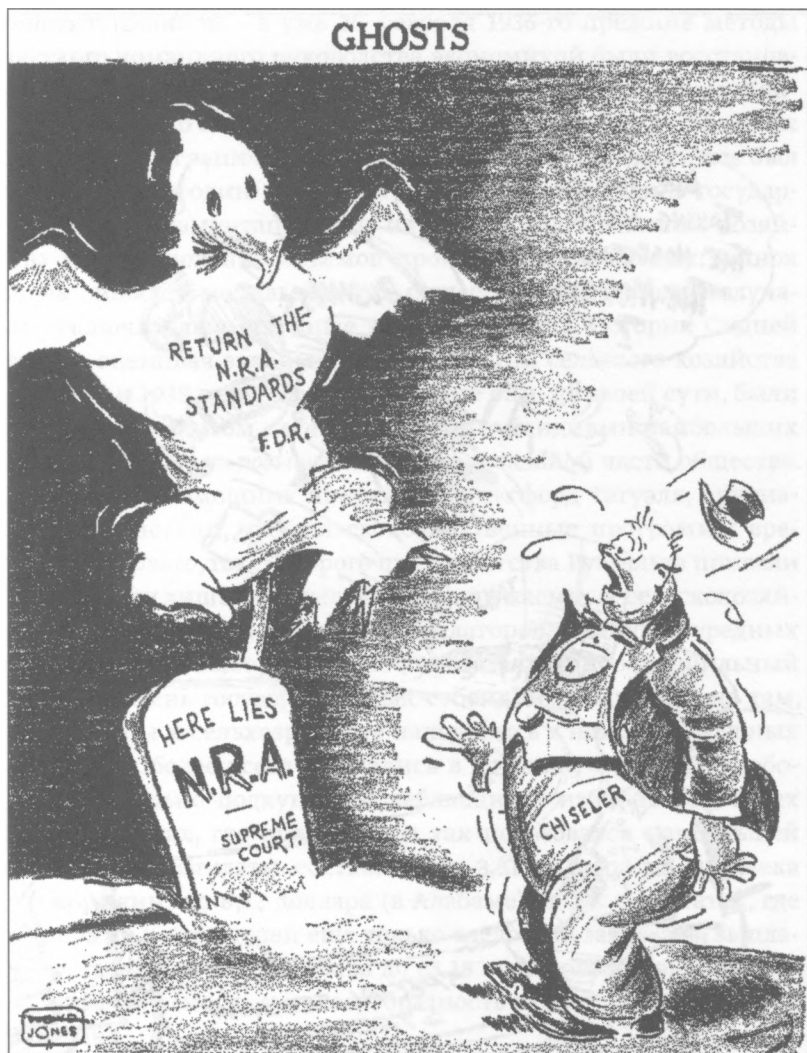
...и Рузвельт, для сторонников которого все трудности сельского хозяйства объясняются упрямством «невыкорчеванных» оппонентов Нового курса.

конституционной - а уже 26 февраля 1936-го прежние методы жесткого командного руководства экономикой были восстановлены, когда президент ратифицировал принятый ранее Конгрессом закон о сохранении земли. Этим возвращение прежних порядков не ограничилось - 3 июня 1937 года президентом был подписан еще один закон, которым устанавливались государственная регламентация цен на продукцию сельского хозяйства и квотирование объемов производства и продаж: рынок вновь лишался мобильности, а существенную выгоду получали исключительно крупные землевладельцы. Историк Сидней Ратнер, оценивая законы о регламентации сельского хозяйства 1933, 1936 и 1938 годов отмечает, что все они, по своей сути, были лишь инструментом для накачивания субсидиями наибольших лендлордов *за счет повышения сборов* с остальной части общества. Ближайший помощник президента, Рексфорд Тагуэлл, признавал впоследствии, что сельскохозяйственные программы времен как первого, так и второго президентства Рузвельта привели в реальности лишь к утяжелению жизни наемных сельскохозяйственных рабочих и фермеров-арендаторов. В канун очередных президентских выборов - в 1935-1936 годах - наиболее обильный золотой ливень государственных субсидий проливался не там, где фермеры и сельхозработчие находились в наиболее трудных условиях и более всего нуждались в помощи, а там, где требовалось банально подкупить колеблющихся избирателей. В тех южных штатах, где президент и так пользовался наибольшей поддержкой, выплаты составили от 3,51 доллара на человека (в Джорджии) до 8,12 доллара (в Алабаме). В тех же штатах, где поддержку избирателей еще только следовало завоевать, выплаты составили от 59,99 доллара до 63,18 на человека - экономическая эффективность и целесообразность приносились в жертву политике.

Нецелесообразное расходование государственных средств, завышение «новых стабильных цен» ради выгоды отдельных производителей с серьезными связями в государственном аппарате и параллельное окончательное обнищание беднейшей части сельхозработчих и арендаторов - вот тот тяжелый камень, который висел на шее у американского сельского хозяйства и тянул его на дно.

Сбитый грузовиком новых налогов и сборов бизнес спрашивает у санитаров – Рузвельта и Конгресса: они собираются доставить его в больницу или в морг?

NRA похоронили. Но ее пугающий призрак возвращается.

Если мы вспомним, что в 1933-м, в начале первого Нового курса, именно возрождение сельского хозяйства постулировалось как предпосылка к возрождению экономики в целом, то возникновение Рецессии Рузвельта после стольких последовательных ударов по сельскому хозяйству уже не покажется нам странным.

Промышленность не может развиваться в отрыве от остальной экономики – и если аграрный сектор так долго буксовал на месте и даже пятился назад, то даже освобожденная от экономических оков промышленность была обречена на новый спад – а тем более промышленность, для которой были созданы новые оковы под видом «прогрессивного законодательства о труде». С 1 января 1937 года одно лишь только увеличение отчислений на государственное пенсионное обеспечение (в дополнение к ранее существовавшему) составило 9%, кроме этого, по требованию закона Вагнера часовая заработная плата выросла на 11,6%, а в 1938-м – еще на 5,2%.

Такое увеличение затрат безусловно означало, что теперь владельцы компаний будут вынуждены либо увеличивать цены на свою продукцию (и тем самым сокращать потенциальный объем продаж), либо сокращать число рабочих.

В 1938-м, по прошествии одного года Рецессии, американская пресса цитировала слова министра труда Фрэнсис Перкинс о том, что 3 миллиона американских рабочих были уволены менее чем за полгода, а те, у кого все еще есть рабочие места, получают меньшую заработную плату, чем годом ранее. Хотя усилиями профсоюзов почасовые ставки и сохранялись на прежнем уровне, работодатели сокращали число рабочих часов – ради экономии своих средств. По официальным данным, от 300 тысяч до полумиллиона человек лишились своих рабочих мест на протяжении всего лишь двух недель после введения новых норм оплаты и продолжительности рабочего дня. За год Рецессии индекс фабричной занятости, по данным Министерства труда, понизился на 22%, а объем выплат заработной платы сократился на 33%, и оба показателя снижались *даже быстрее*, чем в начале Депрессии во времена президента Гувера. В автомобильной промышленности было уволено в среднем 54% рабочих, а оставшиеся получали на 46% меньшую заработную плату. С ноября 1937-го по январь 1938-го General Motors уволила четверть своих рабочих. Компания International Harvester уволила каждого шестого и перешла к работе лишь в четыре дня в неделю. В металлургии сокращение рабочих также составило более 50%, хотя и обошлось без сокращения выплат. Компания Endicott-Johnson хотя и объявила о предоставлении работы для 20 тысяч обущиков,

тем не менее сократила им заработную плату вначале на 5%, а затем еще на 10%. Лето 1937-го ознаменовалось резким спадом деловой активности: стоимость не нашедших покупателя товаров исчислялась пятью миллиардами долларов – это рекордный показатель в экономической истории США.

Помимо непосредственного давления на производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции, происходило и давление опосредованное. Колоссальные траты Нового курса, которые не могли быть возмещены даже происходившим в то время непрерывным увеличением прямых и косвенных налогов, расшатывали финансовую систему страны. Только с июля 1936 по апрель 1937 года золотовалютные резервы государства сократились на 28 процентов. Желая упрочить позиции, руководство Федерального резерва совместно с Казначейством (министерством финансов) в январе и марте – мае 1937 года пересмотрело правила игры, изменив ставки по банковским кредитам и государственным облигациям. За предшествующие годы государство накопило множество долгов, и теперь правительственные чиновники ожидали, что выплаты по этим долгам опять удастся переложить на население и частный бизнес.

Но нажим на кредитно-финансовую сферу дал результат прямо противоположный ожидаемому. Хотя длительное время вина за начало Депрессии возлагалась на нечистоплотных биржевых игроков, на их спекуляции с акциями – и ради борьбы с такими махинациями была создана комиссия по контролю за ценными бумагами, но эта комиссия не захотела принять меры для стабилизации ситуации на бирже. Начавшийся весной и летом 1937 года спад в промышленности ударял по реальной стоимости ценных бумаг компаний – но вплоть до октября 1937 года комиссия по контролю ценными бумагами старательно закрывала глаза на спекулятивное завышение котировок акций. Главой комиссии являлся Джеймс Ландис, гарвардский профессор права, близкий друг уже известного нам талантливому биржевому игроку Джозефа Кеннеди. Ландис и другие члены комиссии обладали *слишком* тесными и обширными связями среди биржевых игроков – и понятно, *почему* комиссия так долго не замечала очевидного и покрывала деятельность биржевых спекулянтов. Раз-

Члены сенатской комиссии пытаются разобраться в причинах возникновения Рецессии Рузвельта и обвала биржи, произошедшего несмотря на все стабилизационные меры правительства.

вязка наступила 19 октября 1937-го, в новый «Черный вторник», когда новый биржевой пузырь лопнул и индекс Доу-Джонса резко упал со 190 до 115 пунктов. Это падение более чем вдвое превысило крах 24 октября 1929 года - хотя на этот раз, казалось бы, существовали все необходимые механизмы для того, чтобы если не предотвратить, то хотя бы смягчить удар.

Новый кризис, рузвельтовский кризис продолжал стремительно развиваться. В 1938 году *вдвое* сократился выпуск легковых автомобилей - хотя они стали куда как лучше и выгоднее прежних моделей. Объем выплат пострадавшим от безработицы в одном только Детройте в 1938 году увеличился *вчетверо*. Государство, которое столько лет трубило о программах социальной помощи, внезапно отошло в сторону - и в 1938-м вместо пособий безработным стали выдавать *разрешения на сбор милостыни*.

В ноябре 1937-го, когда резкий спад американской экономики стал более чем очевидным, по требованию Конгресса была

Биржу вновь лихорадит.

проведена общегосударственная перепись безработных. Перепись эта отличается от всех предшествующих одной очень интересной особенностью: ее исхитрились провести *без участия переписчиков*. Теперь почтальоны разносили бланки переписи по адресатам, после чего, как предполагалось, те, кто являлся безработным, заполнит бланк и вышлет его правительственному бюро. По мнению современных специалистов US Census Bureau, перепись безработных 1937 года – это один из первых случаев, когда организаторам удалось осознанно влиять на результат с помощью направленной выборки. Очевидно, что переписью не были охвачены все те, кто кочевал по стране в поисках временного заработка, не были учтены и те, кто решил не тратить деньги на отправку письма. Только 2% семей получили специальную анкету, результаты которой должны были использоваться для проверки точности всей переписи. Вспомним, как ошиблись те, кто на основании неверно заданной выборки предсказывал поражение Рузвельта на выборах 1936 года, – теперь игру с выборкой, но уже целенаправленную, провели

в пользу президента - он и его помощники быстро, очень быстро перенимали чужой опыт.

Даже с таким особенным методом проведения переписи безработных результаты пяти лет экономических реформ выглядели удручающе. В 1937 году уровень безработицы был определен в 14,3%, в 1938-м безработица взлетела до 19% - и только лишь в 1939-м ее удалось понизить до 17,2%. Уровень безработицы, который при Гувере считался ужасным, после долгих лет Нового курса, после долгих рузвельтовских лет обещаний стал считаться выдающимся достижением!

В радиовыступлении в апреле 1938 года президент Рузвельт говорил о том, что новый спад не возвратил страну к бедствиям и страданиям начала 1933-го. Надо признать, что президент говорил абсолютную правду. Действительно, за прошедшие к тому времени семь месяцев рецессии экономика не была отброшена на пять лет назад - *всего лишь* на два года. Темпы падения экономики во время Рецессии Рузвельта не были такими, какими были темпы спада при Герберте Гувере на раннем этапе Депрессии, - нет, *теперь спад шел куда как быстрее*.

В своем выступлении президент говорил о том, что фермеры стали получать больше. Президент говорил абсолютную правду. Действительно, доходы фермеров возросли - но это касалось лишь доходов крупных землевладельцев, того самого одного процента, получившего пятую часть всей государственной поддержки, - в то время как положение фермеров-арендаторов и наемных сельхозрабочих только ухудшилось.

В своем выступлении президент говорил о том, что национальный доход стал в полтора раза выше, чем в 1932-м. Президент говорил абсолютную правду - он всего лишь не говорил о том, что высокие абсолютные экономические показатели не учитывали инфляции.

В своем выступлении президент говорил о том, что цены на многие товары и материалы стали слишком высокими и именно это остановило экономику, - но разве не он сам начал Новый курс с принудительного повышения цен? Разве не он сам, одержав победу над судебной ветвью власти, поспешил вернуть прежние администрации и прежние методы управления ценами под новыми вывесками?

В своем выступлении президент говорил о том, что все, что было нужно для восстановления экономики, – это деньги, деньги и еще раз деньги. Он предлагал тратить больше на общественные работы, тратить больше на выплаты владельцам ферм, тратить больше на строительство новых трудовых лагерей. Запросы президента были не очень велики – всего лишь *миллиард с четвертью* долларов. Но это был миллиард с четвертью *сверх того*, что он уже просил у Конгресса в январе 1938-го. Чтобы задействовать эти суммы для запуска новых программ, президент предлагал запустить руку в золотой запас страны – и так уже изрядно прохудившийся после предшествовавших реформ.

В июне 1938-го, в следующем своем радиовыступлении, Рузвельт говорил: «Я по-прежнему убежден, что после 1932 года американский народ стал требовать и сейчас требует, чтобы частное предпринимательство и отношение к нему правительства обладали двумя качествами. Первое – полная честность. Те, кто занимает высокое положение, должны быть честными. Ведь они распоряжаются средствами других людей, распределяют или платят налоги в соответствии с доходами. Второе – искреннее уважение к потребностям простых людей, всех людей, которым нужна работа, чтобы получить справедливую долю жизненных благ, иметь возможность сделать накопления и шанс продвигаться в жизни».

Что же, у нас теперь есть прекрасная возможность видеть и оценивать – какая глубокая пропасть лежала между словами президента и реальностью. Какая глубокая пропасть лежала между обещаниями экономического успеха и подлинным экономическим результатом.

В мае 1939-го министр финансов Генри Моргентау говорил:

«Мы пытались тратить больше денег, чем мы когда-либо тратили прежде, и это не работало».

Пытаясь хоть как-то оправдать деятельность правительства перед членами Бюджетного комитета Конгресса, Моргентау использовал не самые надежные аргументы:

«...Даже если я неправ... все равно кто-то сделает мою работу. Я хочу видеть эту страну процветающей. Я хочу видеть людей, которые получают работу. Я хочу видеть людей, которые зараба-

Президент и его избиратели.

тывают достаточно, чтобы прокормить себя. Мы не можем экономить на наших обещаниях...»

Правительство хотело как лучше. Правительство очень хотело как лучше. Правительство изо всех сил обещало сделать лучше. А получилось – как всегда.

«...после восьми лет этого правительства у нас так же много безработных, как и тогда, когда мы начали... и огромный долг в довесок»¹.

В июне 1938-го Чарльз Экерт, конгрессмен-демократ от Пенсильвании, выступая перед коллегами-законодателями, старался уверить всех, что взлеты и падения экономики – это всего лишь естественные циклы ее существования, явления природы, которые возникают неизвестно откуда и уходят неизвестно куда. Конгрессмен старательно проводил тезис о том, что все разговоры о вине президента за происходящий во время его правления кризис – это не более чем популистский лозунг антипрезидентских сил. При этом Экерт не только не спешил признать антигугеровские высказывания демократов в 1932-м точно таким же антипрезидентским популизмом и огульным охаиванием, но и вину за Рецессию Рузвельта пытался возложить на давным-давно ушедшего Гувера. Провозглашая, что «*Депрессия Гувера* еще не закончена», Экерт старательно вычеркивал из памяти то, что на протяжении пяти лет новая администрация проводила свою собственную экономическую политику, тщательно открещиваясь при этом от политики прежних лет. Экерт призывал просто немного подождать – и за экономическим отливом обязательно последует экономический прилив. Когда-нибудь. Рано или поздно. Не через пять лет, так через десять. Просто давайте продолжать тратить, тратить, тратить, и когда-нибудь нам повезет.

Чарльз Экерт проиграл выборы в Конгресс осенью 1938 года. Более того – победу не удалось одержать ни одному из тех претендентов на кресло законодателя, за которых агитировал лично президент Рузвельт.

Люди устали.

¹ John Morton Blum, *Years of urgency: 1938–1941* (From the Morgenthau diaries), Boston, Houghton Mifflin Company, 1965.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПУШКИ ВМЕСТЕ С МАСЛОМ

1938 год стал временем конца одной эпохи и начала другой. 30 сентября в Мюнхене Британия, Франция, Германия и Италия подписали соглашение об отторжении у Чехословакии Судетской области. За три дня до этого британский премьер-министр Невилл Чемберлен заявлял: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно». Вернувшись из Мюнхена в Лондон, британский политик, подняв над головой текст соглашения, громогласно объявил о том, что он «привез мир для нашего поколения».

Мюнхен – характернейший пример того, как политики слышат не то, что им говорят, а то, что они хотят услышать.

Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен хотел услышать в Мюнхене, что британская многолетняя политика последовательных уступок Германии все еще работает. Он хотел услышать, что Германия в обмен на эти уступки согласна и далее довольствоваться ролью младшего политического и экономического партнера, что Германия будет предпринимать решительные шаги лишь тогда, когда ей разрешат сильнейшие державы континента. Что же, Чемберлен вернулся в Лондон в святой уверенности, что именно это ему и гарантировали на мюнхенской встрече.

Французскому премьер-министру Эдуару Даладьё было куда хуже, чем его британскому коллеге. С молоком матери французские политики впитали в себя страх перед германской мощью – страх не абстрактный, а вполне осязаемый. За полвека, предшествовавшие Второй мировой войне, Франция стремительно отставала от Германии. Еще в 1880 году германское

Англия и Франция воспринимают произошедшее в Мюнхене как большой успех.

производство угля и стали по своим объемам превзошло французское. Перед Первой мировой германский перевес по углю был почти семикратным – 279 миллионов тонн против 41 миллиона тонн. В конце 1930-х годов соотношение было 351 миллион тонн к 47 миллионам тонн угля – ни бойня Первой мировой, ни Версальский договор, ни оккупация Рейна и Рура, ни даже то, что усилиями французской дипломатии значительная часть Силезского угольного бассейна отошла от Германии к Польше, не стали спасением для Франции. Даже по численности население Германии в полтора раза превосходило французское, и когда Аристид Бриана, пять раз возглавлявшего правительство Франции в 1920-х годах, попрекали тем, что он проводит слишком слабую политику в отношении Германии, французский политик неизменно отвечал, что проводит внешнюю политику, соответствующую уровню рождаемости его собственной страны.

Но, прекрасно понимая реальные способности своей страны, французские политики не могли отказаться от прежней риторики. У страны не было денег на активную деятельность общеевропейского масштаба, но любой, кто публично признал тот факт, что Франция уже давно из перворазрядных держав континента перешла во второразрядные, незамедлительно попал

бы под шквальный огонь критики со стороны национально-патриотических деятелей и лишился политических перспектив. Франция исполняла политический ритуал - но не более того. Французская делегация прибыла в Мюнхен для того, чтобы показать важность политической позиции Франции, - французская делегация отбыла из Мюнхена в уверенности, что поставленная цель была достигнута, хотя при этом Франция отказалась от исполнения союзнических обязательств по отношению к Чехословакии.

Итальянский премьер-министр Бенито Муссолини был уверен, что Италия *должна* играть важнейшую политическую роль в Европе - и что она *может* играть эту роль. Муссолини прибыл в Мюнхен для того, чтобы сыграть роль человека, своим авторитетом и мощью Италии примирившего державы континента, - Муссолини покинул Мюнхен в полной уверенности, что его лавры миротворца не поблекнут, а германские выскочки поставлены на место и впредь будут зависеть от итальянской политической поддержки.

Наконец, рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер принял международных гостей у себя в Мюнхене исключительно для того, чтобы позволить им сделать еще одну уступку. По окончании переговоров Гитлер был уверен в том, что окончательно заставил другие страны смириться с мыслью об исключительном праве Германии на власть в Центральной и Восточной Европе, - а заодно радовался возможности указать на место слишком остроумничавшим немецким генералам.

U. S. Envoys Are Praised By Roosevelt

**Their Efforts in Crisis Are
Called Fine Teamwork
Crowned With Success;
Hull and Welles Lauded**

**Press Sees Europe
In 'Breathing Spell'**

**Stock Exchange Responds
To News From Munich
With Huge Buying Wave**

By United Press

WASHINGTON, Sept. 30.—With the war crisis in Europe apparently past, President Roosevelt today prepared to leave for his Hyde Park, N.Y., home Sunday night. At the same time, the Department of State relaxed its pressure on Americans in Europe to come home.

Рузвельт одобряет деятельность своих представителей в Европе.

По другую сторону Атлантики новости из Мюнхена были восприняты неоднозначно. Дело даже не в том, что европейские страны демонстративно проигнорировали все внешнеполитические заявления американского руководства, – дело в том, что осень 1938-го ознаменовала срыв весьма и весьма далекоидущих планов. В октябре 1938-го, когда всем казалось, что опасность военного конфликта в Европе резко уменьшилась, президент Рузвельт сделал британской и французской сторонам ряд предложений, очень специфических предложений. Говоря об угрозе миру в Европе, он обещал Великобритании и Франции – особенно Великобритании, как старшему политическому игроку, – всемерную поддержку в случае возникновения войны. Эти предложения были вполне конкретны: американской стороной предлагалось предоставление обширных кредитов для осуществления закупок военного имущества и стратегических материалов, американские верфи готовы были начать ремонт кораблей британского флота и постройку новых. Особое место занимают предложения о поставке вооружения и авиационной техники – законодательство США запрещало экспорт оружия в воюющие страны, но Рузвельт предложил способ обойти закон о нейтралитете. По мысли президента, у границы с Канадой должны были быть построены заводы по производству самолетов и вооружения, которые изготавливали бы комплектующие и собирали агрегаты и узлы. Затем эти агрегаты и узлы должны были как «невоенный» товар пересекать канадскую границу – а на той стороне велась бы лишь крупноузловая сборка с минимальными затратами сил и средств – и готовую продукцию оставалось бы только загружать на транспортные суда и отправлять в Европу. Осенью 1938-го европейцы отказались от предложений Рузвельта – но мы не можем забывать о том, что они были.

«Kanonen statt Butter» – «Пушки вместо масла» – такой лозунг был провозглашен верхушкой германской нацистской партии в 1936-м году. Отвечавший за авиацию и экономическую модернизацию страны Герман Геринг в своей речи заявлял: «Что вы предпочтете — масло или пушки? Пушки нас делают сильными, масло – всего лишь толстыми». Министр пропаганды Йозеф Геббельс тоже предлагал согражданам нехитрый выбор: «Мы можем обойтись без масла, но не можем обойтись без оружия. Стреляет

не масло - стреляют пушки». Но если в Германии предлагали выбирать «или - или», то в Соединенных Штатах отлично помнили опыт Первой мировой войны и понимали, что, *делая много пушек для других, можно получить много денег для себя.*

Но в корне неверно было бы выставлять Рузвельта «поджигателем войны», жаждавшим кровопролития тогда, когда все остальные хотели мира. В реальности как раз в 1938 году многие, слишком многие политики стали именно в войне видеть спасение, а традиционные экономические методы ликвидации последствий кризиса сочли неэффективными. Экономические методы могли дать медленный рост через 5-6 лет, а это означало политическое поражение в ближайшие год-два. Требовалось предпринять иные, решительные меры, гарантирующие стремительный рост, - и это можно было сделать только за счет резкого крена в сторону войны. Политики не раздували войну - но они делали все, чтобы ненароком не потушить разгорающееся пламя войны.

Наиболее рьяный сторонник силовых методов в международной политике - Гитлер - в своем давлении на другие европейские страны пользовался угрозами двух уровней. Словесно-политический шантаж он подкреплял готовностью к *малым* конфликтам: уже аншлюс Австрии в феврале 1938 года он готов был решать силой. Наряду с бескровным политическим шантажом, возможные малые конфликты для него были вполне приемлемым средством сколачивания единого восточно- и центрально-европейского пространства под германским политическим и экономическим контролем - того самого, о котором в 1934 году предупреждал американский посол Мессерсмит. При этом начало *большой* войны в Германии намеревались оттянуть до 1944 года, а малых конфликтов удавалось избежать благодаря все новым и новым уступкам Лондона и Парижа - Германии долго, очень долго везло в ее шантаже.

Война в Европе должна была тлеть, должна была пробегать сполохами небольших конфликтов - но не разгораться во всю мощь. И именно такая ситуация устраивала и Британию, и Францию - особенно Британию, особенно ее министра иностранных дел Эдуарда Галифакса, автора британского внешнеполитического курса, - ведь для того и создавалась цепь государств Восточной

Европы, чтобы оттягивать на себя германские устремления, оттягивать на себя германские силы. Французские политики, хотя и следовали в кильватере Лондона, тоже не были противниками *небольшой напряженности* в Европе – главное только, чтобы эта напряженность была подальше от *la belle France* и чтобы Франции не нужно было скрещивать оружие с Германией. Муссолини видел в войне средство для решения итальянских проблем – он провозгласил Италию империей после победы в 1936-м в Африке над Эфиопией, а теперь готовился преумножить римскую славу победой над Албанией. Даже малые страны Европы, которым, казалось бы, еще при их создании была уготована лишь роль пушечного мяса в играх великих держав, – и те были готовы поправить свое политическое и экономическое положение *в маленьких, но победоносных войнах*¹. На этом фоне американская готовность к поддержанию «тлеющей» войны экономическими средствами не выглядит чем-то особенным – разница между американскими политиками и их европейскими коллегами лишь в том, что у США, прикрытых гигантским противотанковым рвом – Атлантическим океаном, точка зрения на то, насколько можно дать разгореться пламени войны, несколько отличалась от европейской.

Но, говоря о европейской ситуации 1938–1939 годов, необходимо сделать одно, но весьма существенное замечание. Мюнхен является символом этой политики, Мюнхен считается главным событием этой политики – но по сути своей Мюнхен – это лишь самое распропагандированное событие того времени.

Куда как большую роль для судеб Европы и мира сыграло другое событие – малоизвестное, но весьма значимое. 14–16 марта 1939 года в Дюссельдорфе было заключено англо-германское картельное соглашение. Подписание этого соглашения представляло взаимные исключительные права британским и германским корпорациям, фактически создавало единый англо-

¹ Одновременно с отторжением Германией от Чехословакии Судетской области Польша отторгла у Чехословакии Тешинскую область, в марте 1939-го Венгрия в ходе вооруженного конфликта со Словакией отобрала часть ее территории, а Югославия, Болгария и Греция много лет оспаривали друг у друга права на Македонию.

германский экономический блок. Направленность этого блока не вызвала никаких сомнений: в случае отказа Соединенных Штатов присоединиться к этому соглашению и принять его условия британские и германские корпорации должны были начать совместное экономическое противодействие американскому влиянию на европейском и мировом рынках. Это англо-германское экономическое соглашение полностью перечеркивало англо-американский торговый договор от 17 ноября 1938 года и демонстрировало нежелание Британии играть вторую скрипку при заокеанских кузенах. Лондон, едва приоткрыв двери Британского Содружества для американских компаний, снова с треском их захлопывал - страх перед американской экономической экспансией перевешивал страх перед германской экономической и политической экспансиями. Политики в Лондоне были твердо уверены в том, что остановить американский экономический натиск вряд ли удастся, - но при этом надеялись, что смогут продолжить прежнюю игру с Германией.

Это соглашение - само по себе беспрецедентное и превосходящее все ранее сделанные Британией уступки - дополнительно усиливалось параллельными французскими предложениями, сделанными Германии 11 марта 1939-го. Фактически речь шла о создании «единого экономического европейского пространства», которое должно было управляться тремя странами и раз и навсегда блокировать ставшее слишком назойливым американское вмешательство в европейские дела.

Но такому единому экономическому пространству, организованному экономическими силами, перешагивающими политические барьеры и государственные границы, было суждено умереть при рождении. 15 марта 1939 года - именно в те дни, когда

ANGLO-GERMAN TRADE.

A Criticised Agreement.

LONDON, March 30.—As the implications of Germany's advance become clearer there is increasing dissatisfaction with the Anglo-German trade agreement reached last week in Dusseldorf between German industrialists and a British Industries Federation mission. It is held to be irreconcilable with the Anglo-American trade agreement and aimed at helping Germany out of her economic difficulties, created by the arms programme.

The agreement's terms are said to have shocked foreign diplomatic circles here and diplomatic representatives of at least two Continental countries have been instructed to make representations if the British Government endorses the agreement.

The United States is understood to be particularly concerned. Critics argue that such increases in exports as Germany requires can only be obtained at the expense of Britain or friendly countries.

[At the conclusion of the Dusseldorf talks a communiqué was issued which stated that the participants agreed, firstly, that it was essential that constructive co-operation designed to foster world trade should replace destructive competition; secondly, they recognised that price agreements were only a step towards a more ordered system of world trade in which

Пресса сообщает об англо-германском торговом соглашении.

Немецкие войска в Праге.

в Дюссельдорфе договаривались об упрочнении англо-германских экономических связей, вызванный в Берлин президент Чехо-Словакии (так стала называться эта страна после Мюнхенского соглашения) Эмиль Гаха подписал документ, по которому его страна окончательно теряла самостоятельность и превращалась в протекторат Германии. Через сутки, уже в пражских Градчанах, Гаха вручил Гитлеру заявление о лояльности чешского правительства Германскому рейху и был отблагодарен ничем не определявшей должностью «государственного президента протектората Богемии и Моравии»¹ – реальная власть принадлежала назначенному в Берлине рейхспротектору.

В Лондоне царил ошеломление. Не только недалекий Невилл Чемберлен, но и обладавший большими дипломатически-

¹ Протекторат Богемия и Моравия – так стала называться бывшая Чехия; Словакия стала независимым государством – германским сателлитом.

ми и политическими талантами Галифакс вначале попросту не могли понять, почему Германия, только что получившая невиданный экономический подарок от Британии, сделала настолько решительный шаг. Оглядываясь на то, что 14 марта британский и французский послы в Берлине получили заверения о неприменении Германией насильственных действий в отношении Чехословакии, лондонские политики все еще не видели очевидного. Лондонские политики никак не могли понять, что схема «Германия делает только то, что ей разрешают делать на многосторонних встречах, и отвечает уступкой на уступку» существует только в их воображении, что Германия на самом деле давно уже не следовала и не собиралась следовать этой схеме.

Некоторое время сбитый с толку Галифакс еще настойчиво пытался усадить Германию за стол переговоров, пытался следовать в рамках старой схемы, пытался добиться от Гитлера согласия на юридическое оформление создания протектората в том же духе, в каком оформили отторжение Судет. Понимание того, что Берлин не намеревался, не намерен теперь и не намеревается в будущем следовать вообще хоть каким-нибудь многосторонним международным соглашениям, что принятие этих соглашений Берлином происходило лишь постольку, поскольку они соответствовали требованиям Берлина, – понимание этого наступило слишком поздно. И то, что завершающий акт чехословацкой драмы был сыгран Германией именно тогда, когда Британия сама себя уверила в возможности создания широкого политико-экономического англо-германского союза, стало для лондонских политиков наиболее болезненным ударом. Неприятно чувствовать себя оказавшимся в дураках. Вдвойне неприятнее осознать, что ты сам сделал все для того, чтобы тебя выставили дураком.

Именно теперь британские политики и дипломаты свернули на путь ужесточения отношений с Берлином. Именно теперь была сделана ставка на фактически единственного союзника, оставшегося у Лондона и Парижа в восточной Европе, – на Польшу. Именно теперь Польша, с ее вечно неудовлетворенными амбициями, с ее чрезмерной уверенностью в собственной политической и военной мощи, с ее обещаниями «доскакать до Берлина» получила британскую политическую поддержку – под-

держку, выходящую далеко за рамки ранее заключенных договоров. Оскорбившись германскими действиями, британские политики сделали ставку на то, что Германия, сцепившись с Польшей и увязнув в войне, будет принуждена согласиться на вторую роль в англо-германском политико-экономическом дуэте, будет принуждена согласиться на лондонские условия игры. Теперь конфликт в Европе стал неизбежен. Теперь ситуация неизбежно должна была выплеснуться за рамки малого конфликта. Пушки Второй мировой войны приготовились сделать первый залп.

Как же все это отразилось по другую сторону Атлантики?

Президент Рузвельт, который уже всерьез подумывал о завершении политической карьеры, получил шанс побороться за третий срок¹. Если выборы 1932 года прошли под девизом войны с кризисом, выборы 1936-го – под девизом борьбы с социальной несправедливостью, то лозунгом выборов 1940 года становилась просто военная угроза.

В связи с тем, что 70% американцев выступали против участия страны в европейском конфликте, Рузвельт примерил маску миротворца и раздавал обещания о том, что американские юноши ни при каких условиях не будут отправлены сражаться за океан. Хотя 8 сентября 1939 года в США было объявлено «ограниченное военное положение», однако на пресс-конференции, последовавшей вслед за этим, президент заявил, что у него «нет ни намерений, ни необходимости... ни малейшего желания перестраивать жизнь нации, касается ли это ее оборонного потенциала или невоенной промышленности, на военный лад. Этого мы хотим избежать. Мы намерены сохранять внутреннюю жизнь страны на принципах и в соответствии с законодательством мирного времени». Однако одновременно, ради обеспечения безопасности Соединенных Штатов, президент получил возможность провести увеличение расходов на военные нужды – и направить эти средства истосковавшимся по инвестициям компаниям. «Деньги на

¹ В те годы в США еще не существовало законодательного ограничения президентства не более чем двумя сроками подряд, хотя и существовала неписаная политическая традиция, освященная именем генерала Гранта. В ответ на предложение о выдвижении на третий срок Грант сказал: «Нашей стране не нужен диктатор». Когда Рузвельту напомнили об этих словах генерала, он весьма откровенно ответил: «Я – не Грант».

Опытный экземпляр стратегического бомбардировщика В-24. Первоначальный выпуск одного из лучших самолетов Второй мировой войны был практически полностью обусловлен потребностями Великобритании.

оборону» вливались в экономику страны мощной струей - в бюджетном послании к Конгрессу в январе 1940-го Рузвельт «ввиду изменения ситуации в мире» запросил на нужды обороны 1 миллиард долларов - более 14% бюджета. Прошел год - и в январе 1941-го, по причине того, что «весь мир воюет»¹, на нужды обороны было затребовано 25 миллиардов - 62% бюджета. Еще большего размаха процесс достиг в январе 1942-го, когда было заявлено, что «нация воюет и мир воюет», а на нужды войны президентом было затребовано 53 миллиарда долларов - 90% бюджета.

Потенциальная возможность увеличения промышленного производства в связи с увеличением военных заказов не могла не радовать владельцев предприятий. Хотя война - это неизбежное усиление диктата государственной машины, но американ-

¹ Воюющий мир состоял тогда из Германии, Британии, Италии, Греции, Японии и Китая.

ский бизнес уже привык к государственному диктату в мирное время. Куда как больше и владельцев предприятий, и рабочих, ожидающих больших заказов и большой работы, беспокоило то, что переход на военные рельсы шел недостаточно быстро. Гарольд Руттенберг, один из руководителей профсоюза металлургов, говорил: «До настоящего времени разговоры о войне произвели больше тонн слов, чем стали, и я полагаю, что это соотношение сохранится без существенных изменений». Руттенбергу недолго пришлось ждать: вскоре промышленность США, объявленная президентом «арсеналом демократии», начала быстрый и бурный рост.

Нация встречала европейскую войну как спасение, как источник заработка и шаг к былому процветанию. Пусть раздавались осторожные голоса: «Если какая-либо страна начинает идти к процветанию только за счет увеличения военных расходов, то тем самым она уподобляется Франкенштейну, который неумолимо стремится к войне..., прекращение такой поддержки за счет военных расходов будет означать депрессию, такую депрессию, которая максимально ударит по получающим заработную плату на производстве и фермерам» - но на начальном этапе, особенно в то время, пока война еще не коснулась собственно США, эти мрачные пророчества еще не хотели слушать. Важно было то, что здесь и сейчас можно вновь приступить к работе, вновь начать зарабатывать, вновь начать жить.

В экономическом, и особенно социально-экономическом анализе важную роль играет так называемый коэффициент Джини - статистический показатель, отражающий степень расслоения общества по имущественному признаку. Коэффициент Джини показывает соотношение численности граждан, получающих наименьший и наибольший доход: чем выше этот коэффициент, тем выше социальное расслоение общества, тем выше социальная напряженность в обществе. Динамика изменения этого коэффициента для США на протяжении XX века весьма примечательна. Вплоть до начала Второй мировой войны этот коэффициент стабильно находился в диапазоне 0,50-0,60 и более, что свидетельствует о значительном расслоении общества. Начало войны сопровождается резким снижением этого коэффициента, а в 1944 году он выходит на считающийся социально

Элеанора Рузвельт готовится разбить бутылку шампанского при спуске на воду авианосца «Йорктаун». Финансирование его постройки прошло вне рамок ограничений бюджета военного ведомства – по счетам ИРА, как одна из «общественных работ», организованных этим агентством.

безопасным уровнем 0,40. Такое изменение коэффициента Джини означает, что война не на словах, а на деле стала спасением для американской экономики. Война сделала то, что не удалось реформаторам Нового курса, – война покончила и с Депрессией, и с Рецессией Рузвельта. Более того, война не просто наплатила финансами фирмы и корпорации – война принесла реальный достаток американским семьям. В Германии выбирали между пушками и маслом. В США получили и то, и другое.

Перепись 1940 года показывала, что 11,1% глав американских семей были безработными, еще 4,9% имели частичную занятость. Колоссальный рост производства во время войны привел к возникновению нехватки рабочих рук – впервые на заводы стали звать женщин, а в Калифорнии проводилась массовая кампания по приглашению сельскохозяйственных рабочих из Мексики – бывшие сезонники-американцы в это время пополняли ряды рабочих на заводах и фабриках.

Уже упомянутый мной Дос Пассос откровенно описывал парадоксальную, но легко объяснимую ситуацию: в то время как американские солдаты на островах Тихого океана мечтали как можно скорее покончить с противником и вернуться домой – их товарищи дома надеялись на то, что война и вызванное войной экономическое процветание не закончатся *слишком быстро*.

Экономика страны, измученной Депрессией, Новым курсом и Рецессией Рузвельта, попадала в зависимость от войны – от *политики, ведущейся другими средствами*. Американцам еще только предстояло понять всю тяжесть последствий такой зависимости.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЗАЧАРОВАННОЕ НАСЛЕДСТВО

Перемены в экономике, произошедшие во время третьего и четвертого президентских сроков Рузвельта, были похожи на какое-то чудо из сказки. Заводы и фабрики, которые еще вчера простаивали или работали едва лишь в половину своей мощности, не только начали работать в полную силу, но и спешно расширяли производство. Дополнительно строились новые заводы - огромные, оснащенные по последнему слову техники, - с конвейеров которых уже через несколько месяцев начинал идти мощный поток продукции.

Разительная перемена произошла и в сельском хозяйстве: губернаторы южных штатов, которые ранее не знали, куда деть и как прокормить миллионы полунищенствующих рабочих-сезонников, в 1943 году обращались к федеральному правительству с жалобой на нехватку рабочих рук, прося ограничить вербовку сельхозрабочих на заводы.

Генри Кайзер принес методы поточного производства в судостроение - и 18 американских верфей построили за 4 года 2751 транспортное судно типа «Либерти». Немецкие подводники переходили от «свободной охоты» к тактике «волчьих стай» и вооружали свои подлодки новыми торпедами - американский ответ на немецкие тактические хитрости был прост: транспортные суда выпускались быстрее, чем немцы успевали их топить. Если первые суда «Либерти» спускались на воду за 230 дней, то менее чем через два года срок постройки был сокращен до 42 дней, а в ноябре 1942-го одно из суден было спущено на воду через 4 дня 15 часов и 29 минут после закладки на стапеле - в 1943-м *ежедневно* в море отправлялись три новых транспортных судна. Каждый из этих транспортов был доверху заполнен оружием, техникой, боеприпасами, продовольствием - всем тем, что ненасытно пожирали фронты Второй мировой, каждый из этих транспортов

Пришла пора сменить превратившийся в старую клячу Новый курс на новенький джип – масштабное военное строительство.

был весомым и зримым символом возрождения американской экономики.

Словно фея махнула волшебной палочкой – и оборванная полуголодная Золушка превратилась в первую красавицу на балу.

Заказы – работа – достаток – и федеральные деньги лились рекой, а число тех, кому требовалась продукция американских компаний и фирм, стремительно росло. Весной 1941 года на встрече у берегов острова Ньюфаундленд Рузвельт вырвал у британского премьер-министра Уинстона Черчилля отказ от имперских преференций – все британское дипломатическое упрямство было смято и выброшено в корзину как ненужный мусор после того, как немецкие самолеты в течение года бомбили старую добрую Англию. Рынки Британского Содружества были теперь распахну-

ты настезь – от Канады до Австралии, от Индии до Южной Африки, – и следом за экономической мощью шла политическая мощь. Стоило только Черчиллю во время встречи заикнуться о том, что война с Германией ведется ради свободы и демократии, – как ему было предложено подумать о необходимости свободы для Индии – крупнейшей жемчужины в британской колониальной короне. Соединенные Штаты придерживались принципов свободы, свободы торговли – понимая под этим в первую очередь свободу *своей* торговли на любых рынках мира.

1 октября 1941 года, когда немецкие танковые колонны нацеливались на Москву, программа ленд-лиза была распространена на СССР. Администратор программы ленд-лиза и бывший председатель правления корпорации U.S. Steel Эдвард Стеттиниус в своих воспоминаниях объяснял необходимость колоссальных трат на ленд-лиз просто и безыскусно, словно двигая

Встреча у берегов Ньюфаундленда: закат Британской империи.

Самолеты и танки ленд-лиза: помощь союзнику и трезвый расчет комплекса собственных выгод.

косяшки на счетах: «Нация сейчас тратит около 8 миллиардов в месяц... В год мы тратим на войну до 100 миллиардов долларов, а кроме того, мы могли бы потерять огромное число жизней лучших сынов нации. Даже сократив войну только на полгода, мы сэкономим 48 миллиардов долларов, потратив всего 11 миллиардов, а кровь наших солдат, слезы наших матерей оценить вообще невозможно». Но покупка времени и крови за доллары не была единственной целью сотрудничества военной поры – как и в случае с Британским Содружеством, Рузвельт надеялся, что Советский Союз будет настолько прочно привязан к американской технике и технологиям, что это позволит сохранить обширный объем торговли и после войны. Если на Китай американский бизнес смотрел как на 400 миллионов потребителей,

то на СССР – как на 170 миллионов потребителей. В 1934 году, на заре установления советско-американских дипломатических отношений, представители крупнейших американских корпораций считали полезным встать во время исполнения советского гимна на банкете в честь советского диппредставителя – ради получения выгодных контрактов, – а в 1940-х ленд-лиз считался частью долговременных инвестиций, позволяющих завоевать новый обширный рынок.

И в политике, и в экономике следует думать на шаг – а лучше на два-три шага вперед. Политические и экономические перспективы войны оценивались и просчитывались еще в 1930-х. Стоило только начаться войне – и начали просчитывать политические и экономические перспективы мира.

И перспективы мира радовали не всех.

По оценкам экономических аналитиков, отталкивающихся от событий 1919–1921 годов, окончание военных действий неизбежно должно было привести к спаду в американской экономике и скачкообразному росту безработицы: ожидалось, что работы могут лишиться 12–16 миллионов человек – такие цифры были озвучены на 56-м собрании Американской экономической ассоциации в январе 1944 года. Сокращение военных заказов от государства, по оценкам экономистов, не просто неизбежно должно было привести к сокращению занятости, но и влекло за собой сокращение заработной платы – а это, в свою очередь, должно было вызвать резкое снижение покупательной способности населения и экономический застой. И страх перед будущим – если оно не будет обеспечено чрезвычайными мерами – распространялся не только в таких традиционно связанных с войной отраслях, как, например, авиастроение, где война привела к увеличению занятости в двадцать один раз – до 1 миллиона 345 тысяч человек. До войны радиотехническая промышленность работала практически исключительно для гражданских потребителей – во время войны производство гражданской продукции было полностью прекращено, но за счет государственных заказов объем продаж в этой отрасли увеличился на 2000%, а количество рабочих на радиозаводах выросло в пять раз. Резкий переход на мирные рельсы угрожал этим отраслям – да и всей американской экономике – резким и глубоким спадом, таким же многократным, каким был предшествующий рост.

Война ликвидирует безработицу, военное производство растет такими темпами, что на заводы зовут даже женщин. Но что будет после войны?

Для спасения от грядущего кризиса считалось необходимым сохранить высокий уровень военного производства – по крайней мере, до тех пор, пока не возникнет устойчивый высокий спрос на продукцию мирного времени, – и за счет мощных вооруженных сил удерживать контроль над новыми рынками. Поддержание в мирное время высоких военных расходов за счет непрерывного роста государственного финансирования должно было лечь тяжелым бременем на экономику – но это рассматривалось как меньшее зло, чем новая Депрессия. Стратеги американской экономики *привыкли жить в долг*, привыкли к тому, что государство непрерывно несет большие затраты на программы с малой реальной экономической отдачей, привыкли к тому, что правительство готово тратить деньги лишь для того, чтобы тратить деньги, – и они *хотели жить в долг*.

Эта привычка, сформировавшаяся за десятилетие Нового курса, въелась в их плоть и кровь - экономические стратеги не могли и не хотели мыслить категориями стабильной экономики: чрезвычайные экономические меры начали считаться нормальными и традиционными.

Через два десятилетия после того, как Франклин Рузвельт, убедившись в недейственности уже испробованных мер Нового курса, начал активно вливать деньги в экономику через военные заказы, президент Дуайт Эйзенхауэр высказал свою точку зрения на сложившуюся в США экономическую систему.

17 января 1961 года, за три дня до истечения срока своих президентских полномочий, Эйзенхауэр заявил: «Соединение огромного военного истеблишмента и мощной военной индустрии является новым в американском опыте. Мы признаем настоятельную необходимость подобного развития. Тем не менее мы не должны забывать о том, что это может привести к серьезным последствиям и повлиять на саму структуру нашего общества. Мы должны остерегаться неоправданного влияния военно-промышленного комплекса на власть и не должны допустить, чтобы это влияние превратилось в угрозу нашим свободам и демократическому процессу».

Советские пропагандисты очень любили вторую часть этого высказывания - дескать, даже бывший главнокомандующий объединенными вооруженными силами союзников в Европе, талантливый стратег, генерал, занявший кресло в Белом доме, - и тот стал бояться мощи военно-промышленного комплекса США. При этом из виду упускалась первая часть - та, в которой Эйзенхауэр говорил о *необходимости* такого развития. Письмо, написанное Эйзенхауэром 20 августа 1956 года его давнему другу Свиду Хезлетту, позволяет понять, чего же на самом деле опасался генерал: «Придет время, когда мое кресло займет человек, не прошедший школу вооруженных сил и мало разбирающийся в том, что *запросы военного ведомства можно сократить с незначительным ущербом или без него*. Если это произойдет при сохранении нынешней международной напряженности, я с ужасом думаю о том, что может случиться с нашей страной...» - генерал опасался лишь *чрезмерных*

Во время Рецессии Рузвельта социальная помощь в рамках программ Нового курса была урезана на один миллиард долларов. «Папа, что такое сбалансированный бюджет?»...

запросов военных, за которые придется платить из государственного кармана.

Дуайт Эйзенхауэр лучше прочих знал ситуацию - ведь это именно ему в ноябре 1929-го было поручено возглавить группу штабных работников для создания плана мобилизации промышленного производства на случай начала новой войны. Эйзенхауэр стоял у колыбели военно-промышленного комплекса, он составлял планы роста щекастого младенца - и он опасался,

что созданная им и другими специалистами система достанется тому, кто не сможет использовать ее мощь, кто не поймет принципов ее работы.

1930-е годы, время правления Рузвельта, стали временем создания не знавшей предшественников административной машины. Последовательно отбирая значительную часть прерогатив у законодательной и судебной ветвей власти, президент Рузвельт аккумулировал эту власть в тысячах кабинетов сотен администраций и десятков департаментов, перераспределяя ее между теми чиновниками, которые никогда и никем не избирались, а лишь *отбирались* - и принципы отбора далеко не всегда определялись их профессиональными качествами.

Создав эту административную машину, Рузвельт подчинил ее себе - но даже сильнейшая президентская воля к власти

...после вступления США в войну произошел еще больший отказ от социальной составляющей реформ и осуществления масштабных проектов гражданского строительства. Прошлые планы «сдаются в утиль» и заменяются военным производством.

не гарантировала безотказной работы системы – на примере биржевого пузыря 1937 года мы уже видели, к каким тяжелым экономическим последствиям привело использование такой административной мощи *нечистыми руками*.

Но все эти опасения, все страхи, что мощный государственный аппарат, система, контролирующая и направляющая львиную долю всех финансово-промышленных потоков в государстве, – не были главной опасностью, главным проклятием наследства рузвельтовских лет.

«Прокляты юные, ибо они унаследуют национальный долг» – эти слова, сказанные экс-президентом Гербертом Гувером, раскрывают самую суть тяжелого наследия Нового курса.

Приняв страну с государственным долгом в 38,7 миллиарда долларов и развернув обширные программы, требовавшие денег, как можно больше денег, Рузвельт уже за первый год своего правления увеличил госдолг США на три миллиарда долларов, а к концу первого срока госдолг достиг отметки в 53,3 миллиарда долларов. Конец второго президентского срока Рузвельта страна встретила с госдолгом в 71 миллиард долларов, а третьего – в 221,6 миллиарда долларов! За десятилетие с 1932 по 1942 год госдолг вырос в два с половиной раза – таких темпов падения в долговую яму экономическая история США еще не знала. Проводившиеся Рузвельтом экономические программы приводили к вливанию в экономику страны больших сумм необеспеченных денег и росту инфляции, действие которой стало ощутимым еще в мирном 1941-м. Когда же страна действительно вступила в войну – вопрос инфляции поднялся перед американцами в полный рост.

В 1943-м президент вынужден был признать, что цель победы Нового курса уже отброшена и заменена целью победы в войне, но на самом деле признание провала Нового курса было зафиксировано много ранее. Бюро по контролю цен (Office of Price Administration, OPA), созданное в мае 1940-го как подразделение консультативной комиссии Совета национальной безопасности и получившее большие полномочия в январе 1941-го, было нацелено на борьбу с ростом цен – то есть с тем самым, что считалось панацеей в 1933-1935 годах. Теперь внезапно прозревшие деятели рузвельтовской администрации начали объяснять гражданам то, что граждане и без них уже хорошо знали: что рост цен

приводит к снижению покупательского спроса, а это, в свою очередь, вызывает спад производства и сокращение рабочих мест. Впрочем, методы, которыми новая алфавитная администрация должна была бороться с лекарством, оказавшимся хуже болезни, содержали в себе мало экономики и много внеэкономического диктата: граждан призывали сообщать местным отделениям администрации о случаях неправомерного завышения цен, а далее администрация в ультимативном порядке начинала требовать снижения цен. Ни увеличение прежних налогов и сборов, ни введение новых при этом, как правило, не учитывались (а акцизный сбор на алкоголь в годы войны достиг, например, 95 процентов), и тяжелее всего приходилось не крупным, а мелким и средним компаниям.

К 1943 году над ОРА стали сгущаться тучи: одновременно несколько комитетов Конгресса заслушивали представителей как крупного, так и мелкого бизнеса, фермеров и профсоюзов, которые в один голос твердили о порочности деятельности этой администрации. «Глупые мямли» и «преступные намерения» были одними из самых мягких выражений, звучавших на этих слушаниях. Представители профсоюзов забыли былые распри между собой и единодушно утверждали, что усилия ОРА по снижению цен на мясо, кофе и масло до уровня сентября 1942-го недостаточны из-за того, что заработная плата зафиксирована на уровне мая 1942-го. Представители бизнеса, в свою очередь, говорили о глупости и губительности планов администрации. Так, например, Национальная ассоциация торговцев кофе указала, что снижение цены фунта кофе на 3 цента экономит покупателю лишь 36 центов в год, но на выплату торговцам субсидий, компенсирующих снижение цен, отбирается 30 миллионов долларов в год – из карманов тех же налогоплательщиков. 400 миллионов долларов, розданных ОРА в виде субсидий в течение одного года, обеспечили снижение цен лишь *на один процент* из планировавшихся шести: попытки остановить инфляцию привели лишь к росту расходов.

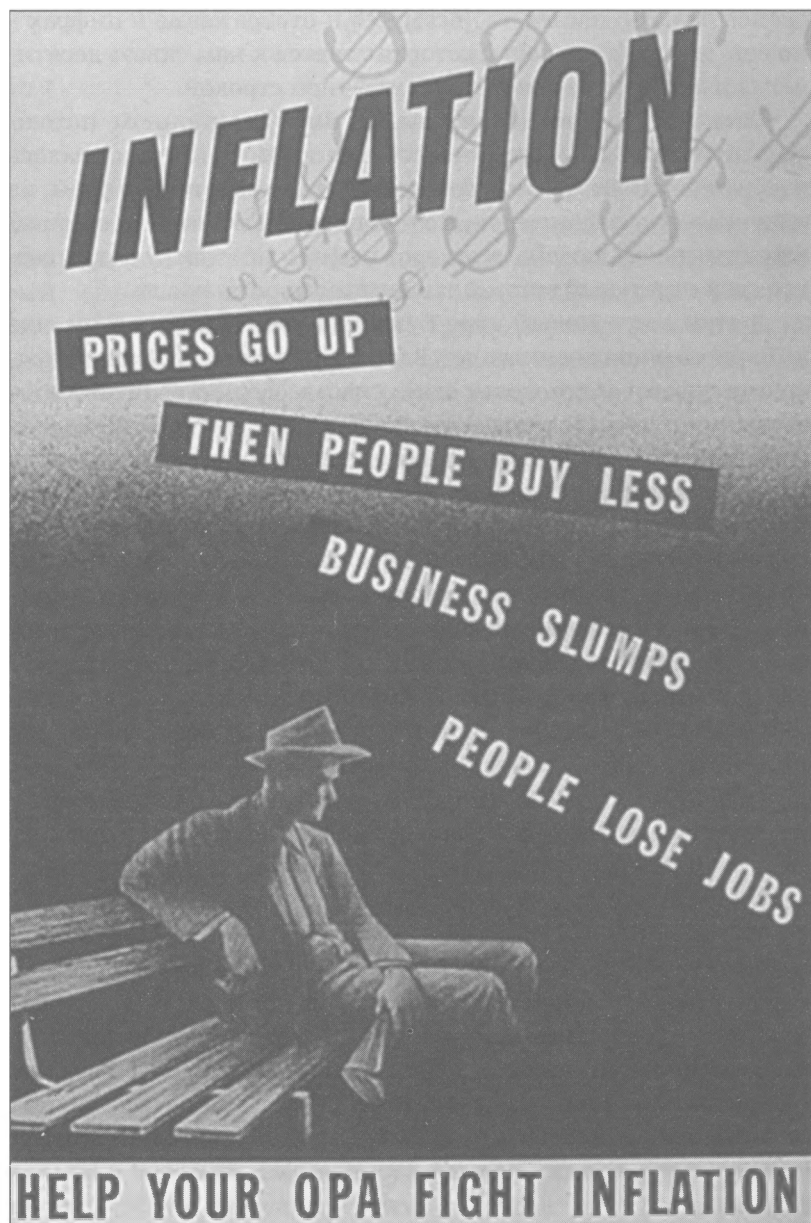
Увеличивая дефицит государственного бюджета, президент ради сомнительных успехов экономических реформ фактически перекладывал финансовое бремя на будущие поколения – на еще не родившиеся поколения. Так и не сумев в мирное время

решить экономические проблемы страны, программы Нового курса создавали экономические проблемы для детей и внуков тех, кто прошел через лишения 1930-х годов.

В сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» для того, чтобы остаться на месте, требовалось бежать вдвое быстрее. Вводя чрезвычайные, исключительные экономические правила в ранг постоянно действующего закона, рулевые американской экономики создали ситуацию, в которой для того, чтобы как-то компенсировать проблемы, созданные дефицитом бюджета, требовалось бежать еще быстрее – проводить экономическую политику, приводящую к росту государственного долга. Краткий послевоенный период, когда в США на несколько лет вновь был создан профицит бюджета, не сумел избавить страну от долгового бремени – темп роста долга был лишь немного замедлен, но сам рост не прекратился. Любая экономическая ошибка, любое серьезное внешнее воздействие теперь неизбежно приводили к резкому усугублению экономических проблем.

Закрепляя свой статус мощнейшей экономической державы мира на международной конференции в Бреттон-Вудс, Соединенные Штаты, сосредоточившие у себя 70% мирового золотого запаса, добились возникновения новой мировой валютной системы – золотодолларовой. Так же, как французский франк после кризиса 1930-х был вынужденно привязан к фунту стерлингов, теперь и франк, и фунт стерлингов привязывались к доллару: Британия не выдержала бремени военных расходов. Эта система отлично работала, пока в середине 1960-х долларовые резервы центральных банков не достигли размера золотого запаса США: наследство рузвельтовской эпохи, государственный долг съел золотой «жировой запас» американской экономики. Лишь новые международные соглашения позволили вновь отсрочить ту полноту, когда карета американской Золушки вновь превратится в тыкву, – все понимают, что обрушение экономики США вызовет новую Великую депрессию, – хотя и не забывают понемногу использовать американские слабости – так же, как и в 1930-х.

Вся экономика второй половины двадцатого века и начала века двадцать первого несет в себе глубокие наследственные черты эпохи Рузвельта – и американская экономика, и сформировавшаяся под ее мощным влиянием послевоенная мировая

Ключевой идеей первоначального Нового курса была благотворность инфляции для оживления экономики. Однако во время войны точка зрения сменилась на прямо противоположную.

экономика. Это наследство осязаемо и отображаемо в цифрах – но есть и другая его часть, которая тянется к нам сквозь десятилетия и которую не отметишь бюджетной строкой.

Речь идет о том значительном информационном потоке, формирование которого началось еще в 1930-х и продолжалось в дальнейшем. Этот поток состоит из эха былой пропаганды, из полуправды и недоговорок, его – вольно или невольно – создавали сотни тысяч людей – и он, этот информационный поток, создал свой отдельный мир, не зависящий от реальности.

В этом мире Новый курс Рузвельта увенчался успехом еще до бурного роста военных лет. В этом мире считается, что сокращение посевов и поголовья скота спасало фермеров от нищеты, а страну – от перепроизводства. В этом мире мудрый президент и его помощники указывают запутавшимся бизнесменам путь к процветанию.

В этот мир верят. Этот мир используют как удобнейший пропагандистский прием. Новый курс стал самоценен: реформы хороши просто потому, что это реформы, и всякая реформа, которую сравнят с реформами Нового курса, становится правильной по умолчанию.

Эпилог

Изучая историю Великой депрессии, можно уделять особое внимание ее политическим аспектам. Изучая историю Великой депрессии, можно уделять особое внимание ее экономическим аспектам. Но в любом случае современный взгляд на те годы должен выхватывать и рассматривать *подлинные* явления, *действительные* факты – иначе вместо понимания причин и связей будет лишь барахтанье в мифах и сказках – политических, экономических, но сказках. К счастью, год за годом появляется все больше и больше работ, оперирующих фактами, а не мифами.

Годы Великой депрессии, годы Нового курса, словно мельничные жернова, перемололи судьбы сотен миллионов людей. Все успехи и поражения тех лет возникали не сами по себе – они были следствием действий всех тех сотен миллионов людей, что запустили гигантские жернова и угодили в них. Пусть не в равной мере, но события тех лет зависели и от бизнесмена в Нью-Йоркской конторе, и от фермера на дальнем ранчо – не только от стареющего джентльмена в Белом доме. Последствия единожды принятых ими решений протянулись сквозь десятилетия, и опыт тех лет много дороже, чем потраченные тогда миллиарды.

Не просто знание об ошибках, не просто знание реальных фактов – а осознание того, сколь губительны могут быть непродуманные, сиюминутные решения, осознание роли и важности каждого участника экономического процесса – от вашингтонского администратора до бездомного поденщика. Тысячи малых решений маленьких людей играют не меньшую роль, чем большое решение человека, наделенного большой властью; ответственность, которую требует принятие решений, – вот главный урок Великой депрессии.

Если мы сможем его выучить – то пусть даже в будущем мы не сможем исправить всех ошибок прошлого, но мы сможем сде-

лать меньше новых. Если же урок, преподаваемый нам Великой депрессией, не будет усвоен – история повторится вновь и заставит нас сделать работу над ошибками.

Годам Великой депрессии посвящен обширный пласт литературы. К сожалению, значительная часть отечественных работ является вольным пересказом трудов западных авторов – с сохранением и даже усилением присущих западным работам достоинств и недостатков. И хвалящие, и критикующие нередко забывают о фактах либо трактуют их в нужном ключе и рассматривают лишь малую часть всего спектра событий. Очевидно, что для того, чтобы шире взглянуть на вопрос, нельзя ограничиваться одними лишь краткими пересказами и однобокими трактовками.

К счастью, в наши дни большое количество литературы довольно доступно благодаря усилиям многочисленных англоязычных образовательных программ, поддерживаемых университетами и образовательными центрами – в том числе и в электронном виде в сетевых библиотеках, таких как archive.org, mises.org и других.

Из отечественных авторов мне хочется рекомендовать работы патриарха нашей американистики, специалиста, досконально знающего эпоху Рузвельта, – Виктора Леонидовича Малькова, в первую очередь – его книгу «Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии».

Среди работ англоязычных авторов, которые позволяют глубже понять процессы, происходившие в 1930-е годы, я бы отметил следующие:

Harry E. Barnes. *Perpetual War for Perpetual Peace: A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath*, Institute for Historical Review, 1984 (впервые: 1953);

Ronald Edsforth. *The New Deal: America's response to the Great Depression*, Wiley-Blackwell, 2000;

John T. Flynn. *The Roosevelt Myth*, Devin-Adair Company, 1948 (и переиздания);

Jerry W. Markham. *A financial history of the United States: From J. P. Morgan to the institutional investor (1900–1970)*, 2002;

Jim Powell. *FDR's Folly: How Roosevelt and His New Deal Prolonged the Great Depression*, Crown Forum, 2003;

Lawrence W. Reed. Great Myths of the Great Depression, Mackinac Center, 1998;

William H. Young. Nancy K. Young, The 1930s, Greenwood Publishing Group, 2002.

Знаний много. Знания доступны. Необходимо лишь желание узнавать новое и, помня о прошлом, двигаться вперед.

Шевляков Михаил Васильевич

**ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ:
ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КАТАСТРОФЫ**

Ответственный редактор *Г. Пернавский*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Верстка *Р. Фахрутдинов*
Технический редактор *Н. Атауллина*
Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д.13, стр. 1, оф. 811
Тел.: 8(903)1219581

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.04.2016.
Формат 60х90¹/₁₆. Гарнитура «Грета Текст Про». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 15, 0. Тираж 2 000 экз.
Зак. № 2735.

ISBN 978-5-9907593-2-9

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Более восьмидесяти лет прошло с того времени, когда паникой на нью-йоркской бирже мир начал отсчет эпохи Великой Депрессии. Эпоха процветания — «ревушие двадцатые» — исчезла как сон, и на долгие годы успех и счастье сменились отчаянием и страхом. Эпоха Депрессии описана многими, экономисты сломали немало копий, анализируя зарождение и развитие экономической катастрофы. До сих пор наш мир несет на себе следы той эпохи, до сих пор люди пользуются идеями и определениями того времени — но до сих пор многие уроки тех лет остаются невыученными.

В своей работе автор рассматривает различные точки зрения на события Великой депрессии, анализирует ее причины и предпосылки, сравнивает ход экономического кризиса в различных странах, рассматривает последствия этого затяжного кризиса и обращает внимание читателя на основные уроки тех лет, имеющие значимость и в наше время.

BILLIONS LOST AS STOCKS CRASH

Pantages In Jail Awaits Sentence To State Prison

SENATE "FARM BLOC" STARTS

JURY BELIEVES HER STORY

MAINSTAY

